

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 9 Сентябрь

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомай (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 9 September

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 9

Мир в начале тысячелетия

Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма <i>Ю. Данилов</i>	5
Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте <i>Е. Садовая</i>	14

Европа: новые реалии

Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг <i>М. Хорольская</i>	25
Германская экономика: наследство А. Меркель <i>Б. Зарицкий</i>	34
Германия и Европейский союз после эпохи канцлера А. Меркель <i>В. Васильев</i>	43
ФРГ и трансатлантическая стратегия Байдена: нерешенные проблемы и новые вызовы <i>А. Кокеев</i>	56
Россия и Германия: назад в будущее? <i>Н. Павлов</i>	69

Экономика, экономическая теория

“Зеленое” финансирование в странах БРИКС <i>Л. Худякова, Т. Урумов</i>	79
Факторы интернационализации валют развивающихся стран в постковидной экономике <i>Е. Звонова, А. Кузнецов</i>	88
Саудовская Аравия на мировом рынке нефти <i>С. Жуков, И. Копытин, О. Резникова</i>	98

Большой Ближний Восток

Внешнеполитические приоритеты Катара в эпоху эволюции мировых энергетических рынков <i>Н. Кожанов</i>	108
Племенной фактор в Ливии: метаморфозы в посткадафистский период (2011–2020 гг.) <i>Ю. Зинин</i>	118

США: экономика, политика

Космический рынок США: его последствия для России и мира <i>П. Кошкин</i>	130
--	-----

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 9

The World at the Beginning of Millennium

Sustainable Finance: a New Theoretical Paradigm <i>Yu. Danilov</i>	5
Social Challenges of the Digital Economy: Russia in a Global Context <i>E. Sadovaya</i>	14

Europe: New Realities

The Main German Parties Ahead of the 2021 Bundestag Elections <i>M. Khorolskaya</i>	25
German Economy: Angela Merkel's Heritage <i>B. Zaritskiy</i>	34
Germany and the European Union After the Epoch of Chancellor Angela Merkel <i>V. Vasiliev</i>	43
FRG and Biden's Transatlantic Strategy: Unsolved Problems and New Challenges <i>A. Kokeev</i>	56
Russia and Germany: Back to the Future? <i>N. Pavlov</i>	69

Economy, Economic Theory

"Green" Finance in BRICS Countries <i>L. Khudyakova, T. Urumov</i>	79
Factors of Internationalization of Developing Countries' Currencies in the Post-COVID-19 Economy <i>E. Zvonova, A. Kuznetsov</i>	88
Saudi Arabia in the World Oil Market <i>S. Zhukov, I. Kopytin, O. Reznikova</i>	98

Greater Middle East

Qatar's Foreign Policy Priorities during the Global Energy Markets Evolution <i>N. Kozhanov</i>	108
Tribal Factor in Libya: Metamorphoses after Qaddafi Epoch (2011–2020) <i>Yu. Zinin</i>	118

USA: Politics and Society

Outer Space Breakthrough of the U.S. and Its Impact on Russia and the World <i>P. Koshkin</i>	130
--	-----

УСТОЙЧИВЫЕ ФИНАНСЫ: НОВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

© 2021 г. Ю. Данилов

ДАНИЛОВ Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук,
РАНХиГС при Президенте РФ, РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1 (ydanilov@rambler.ru).

Статья поступила в редакцию 26.03.2021.

В статье описывается концепция устойчивых финансов, предлагающая революционный переход от классической парадигмы финансов к новой парадигме. Она включает несколько ключевых элементов: новое понимание стоимости (включающее экологические и социальные экстерналии), создание долгосрочной стоимости как главной цели корпоративного развития, гипотезу адаптивных рынков. Соответственно, ее сторонники пытаются опровергнуть традиционные базовые концепции финансов, в том числе гипотезу информационно эффективных рынков и модель оценки капитальных активов.

Ключевые слова: устойчивые финансы, устойчивое развитие, ESG-принципы, ответственные инвестиции, воздействующие инвестиции, долгосрочная стоимость, стейкхолдерская модель, адаптивные рынки, “зеленые” и социальные облигации.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-5-13

В последние годы в мире вырос интерес к проблемам устойчивого развития, особенно после формулирования Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН [1, р. 12]. Они подразумевают принятие экономических решений с учетом существенно более широкого, чем ранее, комплекса факторов, включая в том числе экологические и социальные. Выделяются два направления анализа: “финансирование устойчивого развития” (*financing for sustainable development*), описывающее поиски ресурсов для финансирования программ по достижению ЦУР (с упором на бюджетные ресурсы), а также модернизации государственных политик для расширения каналов финансирования устойчивого развития; “устойчивые финансы” (*sustainable finance*), описывающее в основном частные ответственные инвестиции, формирование их признаков и принципов, а также внедрение данных принципов в нормативное регулирование и практику функционирования финансовых рынков.

В рамках первого направления русскоязычная литература достаточно подробно транслирует мировой дискурс в данной области. В качестве наиболее значимых можно указать работы Л. Худяковой [2, 3] и Б. Порфирьева [4]. Концепция устойчивых финансов тесно связана с ЦУР, а ее сторонники позиционируют ее как один из важнейших инструментов достижения ЦУР [5]. Вместе с тем наблюдается и некоторая автономия в развитии данной концепции, которая проявляется в выходе за рамки проблематики ЦУР.

Концепция устойчивых финансов сформулировала претензии на корректировку фунда-

ментальных вопросов научной парадигмы финансов, при этом формулировки таких тезисов намного глубже, чем требуется для содействия в достижении ЦУР [6]. На наш взгляд, это предопределило взрыв теоретических исследований в рамках концепции устойчивых финансов. Ее определенная автономия также связана с тем, что практическое развитие устойчивых финансов идет намного быстрее реализации ЦУР. Основная причина – резкий рост спроса со стороны частных инвесторов на инструменты устойчивых финансов, приведший к существенному увеличению соответствующих инвестиционных портфелей [7].

Русскоязычная литература по устойчивым финансам быстро растет. В основном она имеет справочный характер, предлагая информацию о разрабатываемых нормах раскрытия нефинансовой корпоративной информации, об отдельных инструментах устойчивых финансов, прежде всего “зеленых” облигаций, и т. п. Научные аспекты концепции устойчивых финансов затрагиваются в работах С. Чебанова [8], Б. Рубцова и соавторов [9], В. Миловидова [10] и Н. Львовой [11].

Современные теоретические изыскания в области устойчивых финансов занимают видное место в мировом научном дискурсе, претендуя на поистине революционное переосмысление основ ряда теоретических парадигм. Настоящая статья является попыткой восполнить дефицит знаний об этих дискуссиях для русскоязычного читателя.

УСТОЙЧИВЫЕ ФИНАНСЫ: ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ И СУТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Среди определений устойчивых финансов наиболее точными представляются два самых простых варианта. Первый был предложен Д. Схунмакером: концепция устойчивых финансов рассматривает, как финансы взаимодействуют с экономикой, содействуя решению социальных и экологических проблем [12]. Второй сформулирован экспертами МВФ: устойчивые финансы предполагают внедрение принципов *ESG* (*environmental, social and governance*) в процесс принятия операционных бизнес-решений, а также стратегических решений об экономическом развитии и методических решений в области инвестиционных стратегий, что должно создать положительные экстерналии для всех [13].

Под инструментами устойчивых финансов чаще всего понимают “зеленые” и социальные облигации, которые составляют большую часть эмиссии таких инструментов. Появились также паи “устойчивых” *ETF* (то есть обращающиеся на бирже паи инвестиционных фондов, соблюдающих принципы *ESG*), акции корпораций, следующих *ESG*-принципам, “устойчивые” облигации, сочетающие возможность финансировать экологические и социальные проекты одновременно.

Эти инструменты появлялись в качестве ответа на взрывной рост спроса на возможности финансировать проекты устойчивого развития со стороны инвесторов, добровольно ограничивающих потенциальные направления своего бизнеса. За ними закрепилось название “ответственные инвесторы” (*responsible investors*). Соответственно, термин “ответственные инвестиции” чаще всего рассматривается в качестве синонима термина “устойчивые инвестиции”. Всемирный банк несколько расширяет понятие устойчивых инвестиций, включая в него также и этическое (*ethical*) инвестирование [14, р. 1]. Можно выделить две главные причины бурной теоретической дискуссии вокруг концепции устойчивых финансов.

Первая – исключительно быстрый рост объемов ответственного инвестирования в последние 10–15 лет. По данным инициативы “Принципы ответственного инвестирования” (*Principles for Responsible Investment, PRI*), поддерживаемой ООН, совокупная стоимость активов под управлением институциональных ответственных инвесторов, подписавшихся под *PRI*, за период с 2006–2020 гг. выросла с 6.5 трлн до 103.4 трлн долл., то есть почти в 16 раз. Ответственные инвестиции в 2018 г. составляли 63% совокупного объема профессионально управляемых активов в Австралии и Новой Зеландии, 49% – в Европе и 51% в Канаде

[15, р. 9]. В США доля ответственных инвесторов была ниже – 25%, но, по оценкам *Deloitte Center for Financial Services*, к 2025 г. составит 50%.

Вторая – сложность сочетания экономических факторов, принимаемых в расчет для планирования любых инвестиций, с экологическими и социальными задачами, учитываемыми при планировании ответственных инвестиций. Поскольку ограничения экологического и социального плана имеют отчасти моральную (этическую) природу (законы морали и экономики заведомо сложно соединимы), понятно, что их интеграция требует неординарных, сложных решений.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ФИНАНСОВ

В мире пока еще не сложилось единой теоретической школы устойчивых финансов. Дальше других в построении единой теоретической парадигмы устойчивых финансов продвинулась группа голландских ученых, сформировавших Эразмскую платформу за создание устойчивой стоимости (*Erasmus platform for sustainable value creation*) и Фабрику устойчивых финансов (*Sustainable finance factory*). Они подготовили первый университетский учебник по устойчивым финансам [5].

Активная деятельность ведется в рамках Всемирного экономического форума (ВЭФ) под руководством К. Шваба, утверждающего, что первым предложил одно из основополагающих понятий концепции устойчивых финансов – “стейкхолдерский капитализм” (*stakeholder capitalism*). Оно предполагает такую организацию общества, в котором частные корпорации заботятся об общественных интересах, отвечая на социальные и экологические вызовы современности [16]. ВЭФ концентрируется в большей мере на проблемах устойчивого развития корпораций (в том числе в части управления ими, формулируя предложения по изменению корпоративных целей и разрабатывая метрики устойчивых финансов, которые должны раскрываться в корпоративной отчетности) [17].

Американский исследователь К. Кросински и его коллеги концентрируются на изучении преобразующей функции устойчивых инвестиций, предложив понятие преобразующих (“воздействующих”, “подталкивающих”)¹ инвестиций (*impact investing*) и увязав его с семью наиболее часто применяемыми стратегиями устойчивого инвестирования [18]. Их наработки затрагивают пре-

¹ В русскоязычной литературе применяют разные варианты перевода из числа приведенных. Активно продвигающий идею внедрения устойчивых финансов в России ВЭБ первоначально использовал вариант “воздействующих” инвестиций, в настоящее время предпочитает прямую кальку – импакт-инвестирование.

Таблица. Сравнение традиционной парадигмы финансов и альтернативной парадигмы (парадигмы устойчивых финансов)

Размерность (параметр)	Старая парадигма	Новая парадигма
Целевая функция	Максимизация финансовой прибыли, минимизация экологических и социальных эффектов	Максимизация суммы финансовой прибыли, экологических и социальных эффектов
Аллокация (распределение активов)	Факторы, индексы и рейтинги	Потенциал создания долгосрочной стоимости
Ценообразование	Гипотеза эффективных рынков	Гипотеза адаптивных рынков
Оценка результатов	Финансовая	Финансовая + нефинансовая
Учет ESG-принципов	Поверхностно, как дополнение к основным факторам	Глубоко, оценивая готовность перехода к новой парадигме
Стиль управления активами	Пассивное инвестирование, ограниченное погружение в проблемы и перспективы корпорации	Активное инвестирование, глубокое погружение в проблемы и перспективы корпорации; активизм
Инвестиционная цепочка	Длинная и сложная	Короткая
Параметры для управления активами	Эффективность/агрегация	Финансовые результаты и социальная функция финансов

Источник: [17].

имущественно прикладные вопросы и используются крупнейшими консалтинго-аудиторскими компаниями.

Современная парадигматика устойчивых финансов опирается на модели “идеального будущего” последних 30–35 лет. Среди ее основных элементов чаще всего называют концепции “стейкхолдерской стоимости” (*stakeholder value*) и “теории стейкхолдеров” (*stakeholder theory*) Э. Фримана [19], “четырех капиталов” (*four capitals*) П. Экинса [20], “тройной нижней линии” (*triple bottom line*), или “3 Пи” (*the three Ps*)² Дж. Элкинтона [23].

На наш взгляд, можно выделить следующие основные элементы теоретической концепции устойчивых финансов:

– сочетание (интеграция) финансовых и нефинансовых (прежде всего социальных и экологических) целей (преследуемых инвесторами, с одной стороны, и формируемых в рамках корпоративных стратегий, с другой), предопределяющее необходимость формулирования большинства других элементов концепции;

– новое понимание стоимости финансовых активов и корпораций;

² Традиция называть теоретические модели перечислением ключевых элементов, название которых начинается на *P*, оказалась востребованной в области устойчивого развития. Примеры наиболее популярных в настоящее время моделей такого рода – концепции “4 *P*’s” и “5 *P*’s”. Концепция “4 *P*’s” разработана ВЭФ для описания подходов к корпоративной отчетности о создании устойчивой стоимости, которые предполагают опору на четыре “столпа”: принципы управления, планета, люди, процветание [21]. Концепция “5 *P*’s” предполагает деление всех ЦУР на пять основных направлений (процветание, люди, планета, мир, партнерство), по которым рассчитываются субиндексы индекса достижения ЦУР (*SDG Index*) [22].

– долгосрочность инвестиций, создание долгосрочной стоимости;

– новое понимание эффективности рынков (опровержение концепции эффективных рынков Ю. Фама и модели оценки капитальных активов).

Важным следствием данных элементов стали предложения новой классификации типов современных экономик, так как приведение целей социально-экономического развития в соответствие с целями устойчивого развития ведет к формированию принципиально новой концептуальной модели капитализма. Сформировались по крайней мере два представления о такой модели: концепция стейкхолдерского капитализма (*stakeholder capitalism*) и концепция “преобразующей” (*impact*) или “заботливой” (*caring*) экономики. Кроме того, в ряде работ предполагается, что в концепции устойчивых финансов меняется понимание рисков. Так, в работе [12] говорится о возможном переходе от риска к возможностям, который представляет система, организованная в соответствии с принципами устойчивых финансов.

В рамках этих теоретических конструкций делаются выводы прикладного характера, которые принципиальным образом меняют представление о целесообразной архитектуре финансового рынка, что формирует новую парадигму финансов. В работе [17] содержится попытка обобщить сравнения параметров старой (традиционной) парадигмы финансов и новой парадигмы устойчивых финансов (см. таблицу).

Традиционные финансы фокусируются на финансовой отдаче (получении финансовой прибыли) и рассматривают финансовый сектор как отдельный от общества, частью которого он является, и от внешней среды, в которой он находится. Напротив, устойчивые финансы учитывают

финансовые, социальные и экологические выгоды в их единстве. Изменение целей (переход от задачи получения финансовой прибыли к цели получения финансовых, социальных и экологических выгод) предполагает также переход от узкой акционерной модели (*shareholder model*) к более широкой модели со всеми заинтересованными сторонами (*stakeholder model*). Концепция устойчивых финансов предполагает также изменение вменяемой им роли, а именно переход от финансов как цели (максимизация прибыли) к финансам как средству (достижение комплекса целей) [12].

Следует отметить, что комплексность концепции устойчивых финансов достигается соблюдением всех параметров, включенных в таблицу. В комплексном виде данная концепция предстает непротиворечивым целым, а практические выводы для модернизации политики получают логическое обоснование, несмотря на их внешнюю революционность по сравнению с рекомендациями, которые формулировались на основе постулатов классической финансовой теории. Новая парадигма меняет взгляд на диверсификацию инвестиционного портфеля. Опираясь на вышеперечисленные тезисы, делается вывод о том, что наибольший вклад вносит диверсификация между классами активов (то есть акциями, облигациями и альтернативными областями инвестирования – недвижимостью, хедж-фонды, товары и инфраструктура), а не в рамках одного класса. Другими словами, более диверсифицированным считается концентрированный портфель из 30–40 ценных бумаг в разных классах активов и индустриях, чем 100 ценных бумаг в одном классе активов [17]. Учитывая, что рекомендуется акционерный активизм (предполагающий углубленный анализ деятельности каждой корпорации, в которую осуществляются инвестиции), то снижается оценка минимально допустимого количества инструментов в портфеле, который будет считаться хорошо диверсифицированным.

Новая парадигма разграничивает доход инвесторов в форме финансовой прибыли и благосостояние инвесторов, которое включает в себя также социальные и экологические экстерналии. При этом важным предположением является неотделимость социальных и экологических экстерналий от производственного процесса [24].

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ СТОИМОСТИ

Предложения о модернизации определения стоимости финансовых активов и корпораций, сформулированные в рамках концепции устойчивых финансов, достаточно логично вытекают из идей, на основе которых она строится. Правда, в начале дискуссий подобные представления вос-

принимались большинством экономистов как маргинальные.

С точки зрения сторонников традиционной парадигмы, сама мысль о том, что один экономический агент преследует две разные цели (например, зарабатывание денег и принятие социальной ответственности), попросту иррациональна и исключает эффективный результат [25]. Появление огромного количества инвесторов, которые наряду с получением финансовой отдачи хотят получить эффект в виде позитивного воздействия на экологическую ситуацию или на социальные проблемы, показало, что данная идея овладела миром. Более высокий уровень доходности ответственных инвестиций по сравнению с рыночными бенчмарками³ опроверг тезис об иррациональности такой идеи и подтвердил эффективность основанного на ней поведения.

Сторонники концепции устойчивых финансов не конкретизируют, какую именно стоимость они имеют в виду и с позиций какой экономической школы ее анализируют. Может сложиться впечатление, что речь идет о совершенно абстрактной категории. Однако по контексту понятно, что, предлагая модернизировать понятие стоимости, они достаточно узко ограничивают сферу его использования. В отличие от классиков политической экономии, полагавших, что стоимость относится к товару, в данном случае речь идет в основном о стоимости корпорации, а также финансовых инструментов, в первую очередь акций.

В таких рамках тезис о модернизации понятия стоимости достаточно логичен: при повышении значимости ЦУР в социально-экономических системах и, соответственно, концепции устойчивых финансов в финансовых системах будут происходить изменения, затрагивающие большинство факторов, предопределяющих формирование стоимости корпорации. Д. Схунмакер рассматривает трехступенчатую модель последовательного развития устойчивых финансов: 1) когда прибыль расценивается важнее экологических и социальных эффектов от деятельности компании; 2) когда совокупная стоимость компании состоит из суммы социальных и экологических эффектов и прибыли; 3) когда экологические и социальные эффекты (экстерналии, интернализируемые обществом) становятся важнее прибыли [26]. По мере движения от первого к третьему этапу изменяется целевая функция

³ Так, при сравнении динамики глобального индекса акций корпораций – лидеров в области внедрения ESG-принципов (*STOXX Global ESG Leaders Index*) с динамикой индекса 1800 всех крупнейших мировых корпораций (*STOXX Global 1800 Index*) с 2002 г. оказывается, что за 18 лет корпорации, приверженные ESG-принципам, выросли в цене в среднем более чем вдвое больше, чем в среднем все мировые гиганты (по данным *STOXX Ltd.*).

экономического агента: цели компаний перемещаются от кратко- к долгосрочным [26, р. 30]. Со стороны создаваемой стоимости устойчивые финансы 1.0 характеризуются извлечением выгоды только для акционеров, финансы 2.0 переходят к созданию ценности для всех стейкхолдеров, а финансы 3.0 – ценности для всего общества.

Концепция устойчивых финансов обосновывает необходимость модернизации понятия стоимости тем, что в ней должны учитываться оценки вклада в достижение ЦУР ООН [17]. В ситуации, когда инвесторам и корпорациям при принятии решений необходимо учитывать не только финансовые параметры (прибыль, акционерную стоимость и т. д.), но и экстерналии, в том числе в части окружающей среды и социального развития, действительно можно говорить об изменении наполнения понятия стоимости. Но чтобы такое изменение произошло, необходимо завершить переход к парадигме устойчивых финансов, условием чего в свою очередь видится переход мировой экономики к принципам устойчивого развития.

Сторонники концепции устойчивых финансов разграничивают существующее понятие стоимости, называя ее финансовой или акционерной (в зависимости от контекста и авторов), и возможное более широкое представление, которое будет включать также социальные и экологические аспекты. Его именуют “общей (совокупной) стоимостью” (*total value*), “общественной стоимостью” (*common good value*), “интегральной стоимостью” (*integrated value*), а иногда “стейкхолдерской стоимостью” (*stakeholder value*).

Осуществляются попытки свести различные элементы общей стоимости к единому количественному выражению. Например, *KPMG* разработала концепцию “истинной стоимости” (*true value*), объединяющей данные о финансовых результатах с данными о монетизированных внешних эффектах. Истинная стоимость определяется как чистая приведенная стоимость инвестиций (в том числе в социальные и экологические проекты) и будущих потоков истинной прибыли (*true earnings*)⁴, взвешенных по риску (включая регуляторные, стейкхолдерские и рыночные) [27].

⁴ Истинная прибыль складывается из суммы финансовой прибыли и сальдированных стоимостных оценок позитивных и негативных экономических (зарплаты, налоги, дивиденды и проценты минус потери от коррупции и от ухода от налогообложения), социальных (развитие инфраструктуры, здравоохранения и образования минус потери, связанные с низким уровнем зарплат, низким качеством здравоохранения и образования, с ухудшением здоровья в результате загрязнения) и экологических (переход к возобновляемой энергии, восстановлению земель и переработке отходов минус использование сырья и убытки от деградации экосистем, избыточной расточительности природных ресурсов, ухудшения климата, дефицита воды) экстерналий.

Несмотря на сугубо теоретический контекст вопроса об определении стоимости, предлагаемая модернизация имеет вполне практические последствия. Показатели благосостояния – вместо сугубо финансовых и/или экономических показателей – уже используются в качестве обобщающих характеристик развития национальных экономик, целевых индикаторов документов стратегического планирования и бюджетного процесса. Показательный пример – “бюджет благосостояния” Новой Зеландии, выполняющий роль государственного бюджета. В нем помимо финансовых показателей используются метрики природного и человеческого капитала (с указанием текущей оценки, объема потребления в процессе хозяйственной деятельности и затрат на воспроизводство) [28].

СОЗДАНИЕ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТОИМОСТИ КАК ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ КОРПОРАЦИИ

В процессе перехода к устойчивой экономике компании все чаще выбирают цель создания долгосрочной стоимости (*long-term value creation*), которая объединяет финансовую, социальную и экологическую ценность [17]. Стремление к созданию долгосрочной стоимости базируется на новом представлении о стоимости корпорации, при этом компания стремится оптимизировать свою финансовую, социальную и экологическую ценность в долгосрочной перспективе [29]. Это естественная ступенька в новой парадигме корпоративных финансов: так как экологические и социальные эффекты проявляются в долгосрочной перспективе, оптимизация предполагает долгосрочное уравновешивание трех измерений, ни одно из которых не должно ухудшать другие.

Недавние фундаментальные работы приводят доводы в пользу более широкой корпоративной цели, чем акционерная стоимость в узком смысле. В частности, оспаривается распространенная идея, что функцию производства внешних эффектов корпорация может передавать акционерам, чтобы последние на полученные дивиденды осуществляли благотворительную деятельность [24]. Тем самым разделяют акционерную стоимость, которая имеет целевую функцию максимизации финансовой стоимости, и благосостояние стейкхолдеров, которое включает в себя социальные и экологические внешние факторы. Важным допущением в их модели является то, что внешние эффекты связаны с деятельностью компании.

Формирование долгосрочной стоимости возможно только при наличии долгосрочного доверия – к менеджерам корпорации, государству, аналитикам, рейтинговым агентствам и верификаторам и т. д. Это принципиально более жесткие предположения, касающиеся доверия в обществе:

требуется, чтобы доверие сохранялось при любом изменении экономической конъюнктуры, которые неизбежны в течение длительного (более длительного, чем экономический цикл) периода времени.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭФФЕКТИВНЫХ РЫНКОВ И МОДЕЛИ ОЦЕНКИ КАПИТАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Инвестиционные подходы, основывающиеся на парадигме эффективных рынков Ю. Фама и современной портфельной теории, предполагают, что вся доступная информация моментально отражается в стоимости акций. Но такой подход учитывает лишь финансовую составляющую в оценке финансовых рисков и дохода, что идет вразрез с постулатами концепции устойчивых финансов, которая вынуждена искать альтернативные варианты трактовки поведения финансовых рынков. В качестве альтернативы была выбрана концепция адаптивных рынков, согласно которой изменение цены акции в ответ на новые риски, такие как “риск углекислого газа”, не происходит моментально, а занимает некоторое время [17].

Концепция устойчивых финансов, таким образом, делает попытку опровергнуть, во-первых, гипотезу эффективных рынков, предлагая заменить ее гипотезой адаптивных рынков (*adaptive markets*), и, во-вторых, основанную на портфельной теории Марковитца модель оценки капитальных активов (*capital asset pricing model, CAPM*), заменив ее концепцией создания долгосрочной стоимости (*long-term value creation*).

Гипотезу адаптивных рынков как альтернативное описание рынков предложил Э. Ло в своих работах начала 2000-х годов. Он позиционировал ее как примиряющую гипотезу эффективных рынков и поведенческих финансов [30]. Гипотеза адаптивных рынков, вопреки неоклассическому представлению о том, что люди максимизируют ожидаемую полезность и имеют разумные ожидания, утверждает гораздо более близкий к реальности (по мнению ее адептов) тезис: степень рыночной эффективности зависит от эволюционной модели адаптации людей к изменяющейся среде. Цены отражают столько информации, сколько диктуется сочетанием условий окружающей среды, количества и характера отдельных групп участников рынка, каждый из которых ведет себя обычным (нерациональным) образом [30]. Очевидно, что тезис о невозможности учета всей информации в цене неразрывно связан с отказом от предположения о рациональности экономических агентов (критически важного для большинства экономических теорий), так как в основе данного предположения лежат два условия: 1) агенты обладают согласованной, внутренне непротиворечивой шкалой пред-

почтений; 2) при принятии решения они используют всю доступную релевантную информацию [31].

Опроверяемые концепции традиционных финансов, во-первых, исключительно тщательно и детально проработаны с математической точки зрения и, во-вторых, представляют собой комплекс взаимосвязанных моделей. Как было показано А. Ширяевым, концепция эффективного рынка (понятие эффективного рынка математически тождественно понятию рационального рынка) является предпосылкой математических моделей диверсификации портфеля ценных бумаг и оценки капитальных активов [32]. Поэтому их опровержение происходит не математически, а через замену фундаментального принципа рациональности на принцип эволюции. Соответственно, концепция устойчивых финансов пытается опровергнуть сразу все взаимосвязанные модели.

Гипотеза адаптивного рынка была сформулирована в значительной мере в результате развития и под воздействием постулатов поведенческой экономики. Она утверждает, что субъекты финансового рынка взаимодействуют и адаптируются под меняющуюся реальность, однако не обязательно делают это в эффективной манере [33]. Опираясь на эволюционную психологию⁵, она описывает поведение людей на финансовом рынке, определяющее его динамику: “динамика финансового рынка определяется нашим взаимодействием, когда мы учимся и адаптируемся друг к другу, а также к социальной, культурной, политической, экономической и природной среде, в которой мы живем” [34, р. 11].

Помимо опоры на биологические постулаты, следует указать на связь концепции адаптивных рынков с кибернетикой. Термин “адаптивные рынки” прямо указывает на свойство адаптивности рынка, рассматриваемого как сложная система. С точки зрения кибернетики адаптивность системы предполагает возможность ее обучения, точнее, самообучения. Поэтому в терминах кибернетики адаптивные рынки понимаются как самообучающиеся системы, более сложные, чем самоорганизующиеся системы⁶, которые соответствуют понятию “эффективных рынков” (эффективных в информационно-ценовом смысле). Это означа-

⁵ Она предполагает, что человеческое поведение определяется в первую очередь теми факторами, которые обеспечивали на протяжении истории человечества максимально возможную вероятность выживания потомства индивидуума.

⁶ Это предопределяется более высокой иерархией типа управления в самообучающихся (самоприспосабливающихся) системах. Более того, “...во всех случаях, для которых характерна неустойчивость априорной информации, самым эффективным остается управление, при котором управляющей системе придаются свойства приспособления (адаптации) к изменяющимся характеристикам среды и самого объекта управления” [35, с. 33].

ет, что концепция адаптивных рынков теоретически более точно, нежели концепция эффективных рынков, описывает модель финансового рынка, учитывая большее число факторов и ограничений, которые существуют в реальности. Модель эффективных рынков по сравнению с моделью адаптивных рынков более абстрактна и именно поэтому, на наш взгляд, лучше приспособлена для строгого математического описания.

* * *

Подводя итог рассмотрению концепции устойчивых финансов, можно констатировать, что пока она в значительной мере выглядит лишь как модель “желаемого будущего”, равно как и концепция устойчивого развития в целом. Очевидно, что в процессе построения этого будущего (своего рода “капиталистического коммунизма”) многое будет пересмотрено и переосмыслено, и, соответственно, подвергнутся корректировке теоретические конструкции. Вместе с тем скорость развития сектора устойчивых финансов заставляет серьезно отнестись к предлагаемым вариантам модернизации фундаментальных представлений о функ-

ционировании финансовых рынков и экономики в целом.

Теоретические аспекты устойчивых финансов долгое время не были представлены в ведущих мировых научных журналах (за исключением единичных статей), так как данное направление экономической мысли слишком явно расходилось с традиционной парадигмой. Лишь со второй половины 2020 г. наблюдается рост количества статей на данную тему в указанных журналах, при этом в дискуссию вступают в том числе авторы опровергаемых концепций (например, Ю. Фама).

Автор не берет на себя смелость прогнозировать победу или отвержение “революционных” концепций. Предстоят обстоятельные обсуждения вопроса с привлечением специалистов из разных отраслей гуманитарных знаний, равно как и ученых, проводящих междисциплинарные исследования.

Статья подготовлена на основе результатов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *United Nations. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution Adopted by the General Assembly on 25 September 2015.* Available at: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed 27.02.2021).
2. Худякова Л. Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 7, сс. 16-22. [Khudyakova L. Creation of a sustainable financing system in the European Union. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 7, pp. 16-22. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-16-22>
3. Худякова Л. Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 7, сс. 38-47. [Khudyakova L. Reform of global finance in the context of sustainable development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 7, pp. 38-47. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-7-38-47>
4. Порфирьев Б. “Зеленые” тенденции в мировой финансовой системе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 9, сс. 5-16. [Porfiriyev B. “Green” trends in the global financial system. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 9, pp. 5-16. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-5-16>
5. Schoenmaker D., Schramade W. *Principles of Sustainable Finance*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 432 p.
6. Данилов Ю.А. Концепция устойчивых финансов и перспективы ее внедрения в России. *Вопросы экономики*, 2021, № 5, сс. 5-25. [Danilov Yu.A. The concept of sustainable finance and the prospects for its implementation in Russia. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 5, pp. 5-25. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2021-5-5-25
7. Данилов Ю.А. Современное состояние глобальной научной дискуссии в области финансового развития. *Вопросы экономики*, 2019, № 3, сс. 29-47. [Danilov Yu.A. The present state of global scientific debate in the field of financial development. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 3, pp. 29-47. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2019-3-29-47
8. Чебанов С. “Зеленая” экономика: роль суверенных фондов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 3, сс. 5-12. [Chebanov S. “Green” economy: the role of sovereign funds. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 5-12. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-5-12>
9. Рубцов Б.Б., отв. ред. *“Зеленые финансы” в мире и России*. Москва, Русайнс, 2016. 168 с. [Rubtsov B.B., ed. *“Green finance” in the world and in Russia*. Moscow, Rusains, 2016. 168 p. (In Russ.)] ISBN: 978-5-4365-0760-6
10. Миловидов В.Д. Модель “всеобщего выигрыша” как комплексный ответ на вызовы корпоративного управления в сетевом обществе. *Форсайт*, 2020, т. 14, № 4, сс. 112-120. [Milovidov V.D. The “linked prosperity” model as an integrated response to corporate management challenges in a network society. *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no 4, pp. 112-120. (In Russ.)] DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.112.120
11. Львова Н.А. Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия “Экономика и экологический менеджмент”*, 2019, № 3, сс. 56-67. [L'vova N.A. Responsi-

- ble investment: theory, practice, prospects for the Russian Federation. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskii menedzhment"*, 2019, no. 3, pp. 56-67. (In Russ.)]
12. Schoenmaker D. *From Risk to Opportunity: a Framework for Sustainable Finance*. Rotterdam, Erasmus University, 2017. 67 p.
 13. *Global Financial Stability Report: Lower for Longer*. Washington, IMF, 2019. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2019/10/01/global-financial-stability-report-october-2019> (accessed 12.01.2021).
 14. Inderst G., Stewart F. *Incorporating Environmental, Social and Governance (ESG) Factors into Fixed Income Investment*. Washington, World Bank, April 2018. 76 p.
 15. *2018 Global Sustainable Investment Review*. Available at: http://www.gsi-alliance.org/wp-content/uploads/2019/03/GSIR_Review2018.3.28.pdf (accessed 27.02.2021).
 16. Schwab K. What Kind of Capitalism Do We Want? *Project Syndicate*. December 2, 2019. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/stakeholder-capitalism-new-metrics-by-klaus-schwab-2019-11?fbclid=IwAR0HWzfTQ4PY8zHZHs0m6zasJC4ZV5qmEqCkzL1Ry4goTz_G9bnAiqppiN0 (accessed 12.09.2020).
 17. Schoenmaker D., Schramade W. Investing for Long-Term Value Creation. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 356-377. DOI: 10.1080/20430795.2019.1625012
 18. Krosinsky G., Purdom S., eds. *Sustainable Investing: Revolutions in Theory*. London, New York, Routledge, 2016. 344 p.
 19. Freeman R.E. *Strategic Management. A Stakeholder Approach*. Boston, Pitman, 1984. 276 p.
 20. Ekins P. A Four-Capital Model of Wealth Creation. *Real-Life Economics: Understanding Wealth Creation*. Ekins P., Max-Neef M., eds. London, New York, Routledge, 1992, pp. 147-155.
 21. *World Economic Forum. Measuring Stakeholder Capitalism: towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation*. Geneva, World Economic Forum, 2020. 96 p.
 22. Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G. *Sustainable Development Report 2019*. New York, Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network, 2019. Available at: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2019/2019_sustainable_development_report.pdf (accessed 03.03.2021).
 23. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development. *California Management Review*, 1994, vol. 36, no. 2, pp. 90-100. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.2307/41165746> (accessed 05.12.2020).
 24. Hart O., Zingales L. Companies Should Maximize Shareholder Welfare not Market Value. *Journal of Law, Finance, and Accounting*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 247-274. DOI: 10.1561/108.00000022
 25. Jensen M.A. *Theory of the Firm: Governance, Residual Claims, and Organizational Forms*. Cambridge, Harvard University Press, 2000. 311 p.
 26. Schoenmaker D. *Investing for the Common Good: a Sustainable Finance Framework*. Brussels, Bruegel, 2017. 80 p.
 27. *A New Vision of Value: Connecting Corporate and Societal Value Creation*. Amsterdam, KPMG, 2014. 116 p.
 28. *The Wellbeing Budget*. Wellington, New Zealand Treasury, 2019. Available at: <https://treasury.govt.nz/publications/wellbeing-budget/wellbeing-budget-2019> (accessed 03.03.2021).
 29. Tirole J. *Economics for the Common Good*. Princeton, Princeton University Press, 2017. 576 p.
 30. Lo A. Reconciling Efficient Markets with Behavioral Finance: the Adaptive Markets Hypothesis. *Journal of Investment Consulting*, 2005, vol. 7, no. 2, pp. 21-44.
 31. Капелюшников Р.И. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2017, № 1 (33), сс. 162-166. [Kapelyushnikov R.I. The status of the principle of rationality in economic theory: past and present. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2017, no. 1 (33), pp. 162-166. (In Russ.)]
 32. Ширяев А.Н. *Основы стохастической финансовой математики. Т. 1. Факты. Модели*. Москва, ФАЗИС, 1998. 512 с. [Shiryayev A.N. *Foundations of stochastic financial mathematics. Vol. 1. Facts. Models*. Moscow, FAZIS, 1998. 512 p. (In Russ.)]
 33. Farmer D., Lo A. Frontiers of Finance: Evolution and Efficient Markets. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, August 31, 1999, vol. 96, pp. 9991-9992.
 34. Lo A. *The Adaptive Markets Hypothesis. Debate the Issues: the Financial System*. Paris, OECD, 2018, pp. 9-11. Available at: [http://www.oecd.org/naec/SG-NAEC\(2018\)4_REVI_Financial%20Systems.pdf](http://www.oecd.org/naec/SG-NAEC(2018)4_REVI_Financial%20Systems.pdf) (accessed 23.01.2021).
 35. Кобринский Н.Е., Майминас Е.З., Смирнов А.Д. *Введение в экономическую кибернетику*. Москва, Экономика, 1975. 343 с. [Kobriniskii N.E., Maiminas E.Z., Smirnov A.D. *Introduction to Economic Cybernetics*. Moscow, Ekonomika, 1975. 343 p. (In Russ.)]

SUSTAINABLE FINANCE: A NEW THEORETICAL PARADIGM

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 5-13)

Received 26.03.2021.

Yurii A. DANILOV (ydanilov@rambler.ru),

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

Acknowledgements. The paper was written with the support of budget financing for fundamental research at RANEPA.

The article provides a brief overview of the concepts that substantiate the feasibility of moving from the classical paradigm of finance to a new paradigm of sustainable finance. In the modern world, there is a sharp increase in the number of works on the problems of sustainable finance. At the same time, the number of theoretical works in this area is insignificant, and they are underrepresented in leading scientific journals. The concept of sustainable finance has several key elements, including a new interpretation of the value of corporations and securities (which takes into account environmental and social externalities), long-term value creation as the main corporate goal, the adaptive markets hypothesis. All these elements are based on the initial thesis about the need to combine financial and non-financial (social and environmental) goals in the development of corporations, which is followed by an increasing number of investors. Accordingly, supporters of the concept propose a revolutionary transition to a new paradigm, trying to refute such fundamental concepts of the traditional paradigm of finance as the efficient markets hypothesis and the capital asset pricing model. A natural continuation of attempts to refute these concepts are practical recommendations of sustainable finance for financial organizations, suggesting a change in the approach to diversification, preference for passive investment, a reduction in the investment chain, etc. A certain justification for such claims is given by a sharp increase in the share of responsible investors (investors who share the ESG principles) in the total volume of investments under professional management. In addition, special attention to sustainable finance is predetermined by the growing importance of the UN Sustainable Development Goals, one of the instruments for the implementation of which is sustainable finance.

Keywords: sustainable finance, sustainable development, ESG principles, responsible investment, impact investment, long-term value (LTV), stakeholder model, adaptive markets, green and social bonds.

About author:

Yurii A. DANILOV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-5-13

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

© 2021 г. Е. Садовая

САДОВАЯ Елена Сергеевна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sadovaja.elena@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 05.04.2021.

В статье исследуются последствия цифровизации экономики России для сферы занятости. Механизмы ее цифровой трансформации рассматриваются исходя из структурных особенностей развития российского рынка труда в постсоветский период. Сложившиеся здесь структурные диспропорции придают глобальным процессам, каковым является цифровая трансформация занятости, особую специфику, порождают не только общие, но и уникальные, характерные только для нашей страны риски и требуют особого внимания к выработке социально-экономической политики государства. Автор анализирует возможные направления политико-управленческой реакции на происходящие перемены, способной купировать наиболее жесткие социальные последствия цифровой трансформации экономики в современных условиях.

Ключевые слова: цифровая экономика, занятость, платформенная занятость, российский рынок труда, трудовые отношения, структурные трансформации рынка труда.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-14-24

Данная статья в определенном смысле развивает идеи статьи, посвященной изучению последствий цифровизации экономики для социально-трудовой сферы и социально-трудовых отношений, опубликованной в 2018 г. [1]. Собственно, так изначально и планировалось, поскольку ситуация в сфере занятости в России, несомненно, требовала отдельного исследования. В силу ряда причин задуманное удалось реализовать не сразу, и это позволяет автору рассматривать процесс в более длительной ретроспективе, дает возможность полнее оценить объективность сделанных ранее выводов и выявленных трендов.

А изменения со времени публикации первой статьи произошли значительные. Пандемия коронавируса 2019–2021 гг. ускорила и сделала очевидными многие из еще только намечавшихся два года назад тенденций. Цифровизация из отчасти абстрактного явления (в плане ее практического влияния на жизнь отдельного человека или бизнеса) стремительно шагнула в повседневную жизнь. В наш сегодняшний лексикон прочно вошли такие понятия, как экономика 4.0, шестой технологический уклад, искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, машинное обучение и машинное зрение. Окончательный переворот не только в теории, но и в практике конструирования и проектирования произвели технологии “цифровой тени” и “цифрового двойника”, оцифровка промышленного оборудования полностью перестраивает организационные принципы промышленности, превращая процесс производства в услуги.

Рассматривая российскую специфику в предлагаемом контексте, необходимо ответить по край-

ней мере на два вопроса: *первый* — насколько происходящие технологические трансформации затрагивают Россию и как они отразятся на динамике российского рынка труда и — шире — на процессах, происходящих в сфере занятости; *второй* — какие политико-управленческие решения в этой связи могут быть приняты.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАНЯТОСТИ

В России необходимость перехода страны к цифровой экономике, обеспечения ее цифрового суверенитета декларируется на самом высоком политическом уровне. В стране создано соответствующее министерство в структуре Правительства РФ, в июле 2017 г. принята правительственная программа “Цифровая экономика”, рассчитанная до 2024 г. Президент Путин поставил перед правительством задачу в ближайшее время утвердить стратегии цифровой трансформации десяти ключевых отраслей отечественной экономики и социальной сферы¹. Задача форсированного развития проектов в сфере цифровых технологий, призванных стать “ледоколами, взламывающими целые сектора экономики для появления в них цифрового бизнеса”, провозглашается и в рамках ЕАЭС².

¹ Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. ТАСС, 04.12.2020. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (accessed 04.12.2020).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 “Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до

Это оказывается действительно очевидной и настоятельной потребностью, учитывая те выгоды, которые приносят цифровые технологии, — сегодняшний мир становится более конкурентным, и основные конкурентные преимущества (как государств, так и компаний) лежат именно в области развития этих технологий, позволяющих кардинальным образом переформатировать бизнес-процессы, снижая основные виды издержек.

Притом что цифровые технологии стремительно и безальтернативно завоевывают окружающее нас жизненное пространство, общепринятого определения этого понятия не существует. Есть различные подходы (выработанные как научным сообществом, так и практиками), которые в той или иной степени акцентируют внимание на формальных или содержательных его аспектах, однако суть процесса цифровой трансформации не всегда до конца понятна не только управленцам и политикам, но и исследователям, о чем свидетельствует серьезная полемика на эту тему [2]. Наше внимание фокусируется на одном из аспектов этого неисчерпаемого по сути явления — цифровой трансформации занятости и ее социальных последствиях, в том числе для нашей страны.

Главное, что представляется важным подчеркнуть именно в этой связи: цифровая экономика и ИТ-сектор — совершенно разные по сути понятия. Согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), к отрасли информационных технологий (ИТ) относятся такие виды экономической деятельности, как разработка программного обеспечения (ПО), оказание услуг в области компьютерных технологий, обработка данных, размещение информации. Перечисленными видами деятельности сегодня занято не так много работающих — всего лишь от 3 до 4% рабочей силы, по разным оценкам; кстати, темпы роста занятых в ИТ-сфере выше в развивающихся странах³, что неудивительно, учитывая особенности создания и масштабирования продукции. Возникает вопрос: если в ИТ-индустрии занято столь незначительное число работающих, почему же все чаще говорится о революционном преобразовании сферы труда под влиянием цифровых технологий? Дело в том, что их широкое использование ведет к переформатированию всего окружающего социального пространства через реорганизацию основных бизнес-процессов.

Именно экономико-технологическая и организационная ипостаси цифровой экономи-

ки являются на сегодня наиболее изученными ее аспектами. Их подробный и всесторонний анализ позволил исследователям выявить основные закономерности изменений, происходящих в природе современных бизнес-процессов [3, 4, 5, 6]. Джеффри Паркер в своей знаменитой книге “Революция платформ” подробно объясняет, почему «модулярность поделенных на подсистемы цифровых систем, объединенных разработанными по общим стандартам интерфейсами, позволяющими обеспечить через “программный интерфейс приложений” (*Application Programming Interface, API*) доступ к корневым ресурсам бесконечному числу пользователей», разрушает традиционные бизнесы и виды экономической деятельности, превращая их в платформы [7]. Происходит это в силу гораздо более высокой экономической эффективности последних. Хорошая платформа, по образному выражению специалистов, становится “магнитом, который собирает рассыпанные крошки” отдельных технологических процессов в единое целое⁴.

Архитектуру и “содержание” платформ, этих узлов современной экономики, приходящих на смену традиционным отраслям, формируют не только бизнес-идея, хорошее программное обеспечение (в том числе удобный пользовательский интерфейс), но еще и владение хостингом и мощными серверами. Облачные технологии (результатирующая всех этих составляющих), позволяющие превратить все структурные элементы обычной экономики (не только отрасли, но и отдельные предприятия) в цифровые сервисы, реализуемые через цифровые платформы, и стали для своих создателей (условно — программистов, или компаний-вендоров) способом монетизации платформенного бизнеса [4]. Именно в этом смысле структурообразующим элементом современной экономики становится владение алгоритмами.

Одним из главных социальных последствий широкого применения современным бизнесом цифровых технологий стало соответствующее организационно-технологическое переформатирование сферы занятости. Цифровая форма современной экономики получает свое содержание — в алгоритмы постепенно превращаются и общественные отношения, в частности трудовые. Этот процесс исследовался в упоминавшейся выше статье. Сегодня автору представляется важным рассмотреть цифровое преобразование занятости не только с политэкономической, но и с макроэкономической точки зрения — особенностей структурной трансформации современного рынка труда, возникающих в этой связи социальных дисбалансов, которые являются следствием этих долгосрочных

2025 года”. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158/> (accessed 03.02.2018).

³ *Digital Dividends: World Development Report 2016*. Washington, DC. Available at: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016> (accessed 16.10.2019).

⁴ “Госуслуги без Сбербанка: кому Греф перешел дорогу”. Available at: <https://ru24.net/moscow/250732951/>

структурных изменений, а также возможной политико-управленческой реакции на происходящие перемены.

С точки зрения структуры занятости современная экономика уже в конце прошлого века окончательно терциализировалась. Соответственно, значительная часть трудоспособного населения, высвободившегося из сферы производства в связи с ростом производительности труда, оказалась занята в отраслях сферы услуг в самом широком смысле этого слова – бытовых, социальных, а также инфраструктуры обслуживания глобальной экономики – финансовая сфера, маркетинг, реклама, логистика (трое из четырех работающих в развитых странах). Эти структурные преобразования во многом были обусловлены расширением глобального рынка и усложнявшейся в этой связи логистикой. Отчасти они являлись и механизмом занятия “лишних” людей. С развитием цифровых технологий важными резервуарами для поглощения высвобождающейся вследствие роста производительности труда рабочей силы стали предприятия, инфраструктурно обслуживающие процесс цифровизации (дата-центры, колл-центры, сервисные центры и т. п.), требовавшие поначалу значительного числа работников. При этом в конкуренцию за рабочие места в высокотехнологичном секторе сферы услуг включились “многолюдные” развивающиеся экономики (Индия, Китай).

Однако уже к середине 2000-х годов положительный потенциал развития рынка и привычной трансформации структуры занятости в значительной мере оказался исчерпанным – сфера услуг достигла пределов своего расширения. Основным его ограничителем стало сокращение платежеспособного спроса населения и государств, накопивших сегодня огромные долги. В этих условиях сокращение спроса на труд и экономия на социальных издержках оказываются единственным способом повышения конкурентоспособности не только бизнесов, но и стран, в той или иной мере вписанных в глобальное разделение труда.

Обозначенные тенденции, однако, слабо отражаются традиционной статистикой в связи с тем, что эрозии подвергаются основные структурообразующие элементы индустриальной экономики. В итоге такие привычные нам понятия, например, как “виды экономической деятельности” (отрасли), “профессии”, “уровень квалификации”, “занятость/незанятость”, применимые именно к реалиям индустриального производства, теряют способность адекватного отображения действительности. Основное же содержание процесса структурной трансформации занятости на современном этапе составляет не столько изменение ее отраслевой и профессионально-квалификацион-

ной структуры, и даже не абсолютное сокращение числа рабочих мест в экономике, сколько замещение качественных рабочих мест некачественными, неустойчивыми, низкооплачиваемыми, предполагающими уже не столько профессиональную занятость, сколько быстро меняющиеся наборы компетенций без привязки к конкретному виду деятельности. Это позволяет исследователям трактовать современный рынок труда как “безворотничковый” (в противовес “синим” и “белым” воротничкам индустриальной эпохи) [8].

Цифровизация же становится инструментом этой трансформации, “завоевывая” одну отрасль за другой – от сервисов и услуг к торговле и далее к строительству, а затем к промышленности и транспорту [9, с. 57], ведя к дальнейшему сокращению занятых производством “ненужных” (не признанных рынком) товаров. Это превращает занятость во фрагментарную и достаточно быструю смену видов деятельности, реализуемых с помощью мобильных устройств, позволяющих искать работу (подработку) через специальные платформы. Появился даже такой совершенно ненаучный, но очень точный и емкий термин – “прикрепляшки”.

Эта тенденция набирала обороты на протяжении последнего десятилетия параллельно с развитием ИТ-технологий. Уже несколько лет назад исследователи фиксировали, что доля тех, чья занятость “цифровизирована”, составляет от 5 до 45% в зависимости от страны [10]. Коронакризис эту ситуацию лишь обострил до предела, никак не являясь ее первопричиной, но, несомненно, ускорив процесс. Преобладающей формой трудовых отношений в этих условиях неизбежно становится самозанятость. Так, в оптовой и розничной торговле она составляет сегодня до 45% от числа занятых со всеми социальными последствиями этого процесса [11].

Недостаток качественных рабочих мест в высокотехнологичной экономике проявляется сегодня, в частности, в том, что даже в развитых странах фиксируется интенсивный переток хорошо образованных работников в низкоквалифицированные сегменты занятости, что обостряет конкуренцию за рабочие места именно в этом сегменте [12, 13].

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Россия пережила глубокую постиндустриальную структурную трансформацию рынка труда в начале 90-х годов, причем в достаточно жестком варианте. Произшедшая структурная трансформация была обусловлена целым рядом факторов

и оказалась достаточно глубокой. Основным стал фактор разрушения сложившейся на тот момент системы разделения труда. Вхождение нашей страны в систему глобального разделения труда привело к закрытию неконкурентоспособных производств, ликвидации целых отраслей, продукции которых не нашлось места на глобальном рынке. Произошедшее в результате сокращение доходов бюджета заставило государство приступить к структурным реформам и оптимизации социальной сферы.

Серьезное перераспределение работающих между сферами деятельности произошло уже в первое пореформенное десятилетие. Основное направление этого перераспределения – из промышленности в торговлю. (Кстати, отрасль, понесшей наибольшие потери, стала наука и научное обслуживание – практически в два раза уже в первые годы реформ.) Учитывая отложенные высвобождения, обусловленные массовой невыплатой заработной платы в те годы, очевидно, что эти структурные трансформации были еще более глубокими (см. рисунок.)

В последующие годы эти тенденции были продолжены, хотя и с меньшей интенсивностью. В итоге к 2019 г. доля занятых в обрабатывающих производствах составила чуть более 14%, несмотря даже на то, что с 1999 г. (за исключением нескольких кризисных годов) наблюдается рост производства в этих отраслях.

В то же время отраслями-реципиентами (наиболее трудоемкими отраслями российской экономики) оказались: торговля с почти 20% занятых к настоящему времени, строительство (около 7%), транспорт (9%). Именно в этих отраслях в резуль-

тате произошедшей реструктуризации сосредоточилась большая часть трудоспособного населения – свыше трети занятых официально. Точные оценки масштабов неформальной занятости затруднены, однако еще в 2013 г. О. Голодец, бывшая тогда вице-премьером правительства РФ, сообщила, что “относительно 38 млн людей трудоспособного возраста мы не знаем, кто они и где они работают” [14]. Значительная часть из них также сосредоточилась именно в этих трех отраслях. Притом именно эти две группы отраслей (доноры и основные реципиенты рабочей силы) оказались наименее доходными по заработной плате.

Напротив, отрасли, “вписанные” в систему международного разделения труда, с высоким уровнем заработной платы (добыча полезных ископаемых, финансовый сектор, отчасти металлургия и химическая промышленность) оказались отраслями низкотрудоемкими (в силу технологических особенностей производственного процесса). Так, в добыче полезных ископаемых трудится менее 2% занятых, в финансах – чуть более 2% (при серьезном потенциале сокращения этой доли в условиях цифровизации). “Сырьевая” экономика с точки зрения занятости была экономикой “торговой”.

Учитывая глубину структурных трансформаций, российский рынок труда продемонстрировал тем не менее в 90-е – первое десятилетие 2000-х годов достаточно высокую степень адаптивности. Показатели безработицы в самые кризисные годы (1999 и 2008–2009 гг.) не поднимались выше 10–14%. Однако основными негативными социальными последствиями произошедших перемен стали депрофессионализация значительной части занятых (это

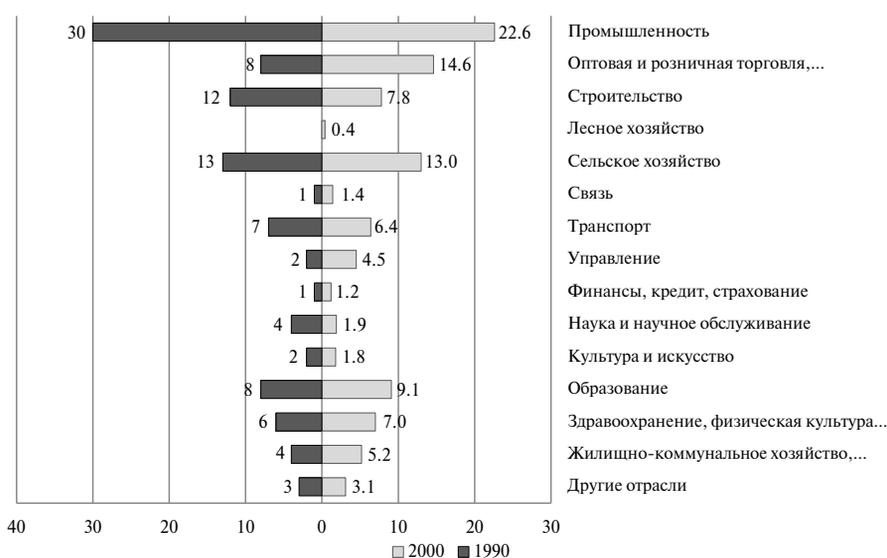

Рис. Структура занятости, % от общего числа занятых

Составлено по: *Российский статистический ежегодник*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

очевидно, если учитывать направление профессионально-квалификационной реструктуризации), значительное снижение доходов у большей части населения, потеря целых отраслей и научных школ.

Более подробно механизм трансформации российского рынка труда в тот период рассматривался ранее [15]. Сегодня представляется важным, учитывая эти результаты, попытаться оценить направления трансформации сферы занятости в связи с цифровизацией российской экономики, темпы которой, можно с уверенностью утверждать, в ближайшие годы будут нарастать. Прежде всего в связи с тем, что Россия как страна, глубоко вписанная в международное разделение труда, вынуждена будет конкурировать за сохранение (увеличение) своего присутствия на глобальном рынке. Цифровые технологии, в каких бы отраслях они ни применялись, предоставляют серьезные конкурентные преимущества, особенно учитывая крайне низкую себестоимость тиражирования современных программных роботов, являющихся основой автоматизации значительной части современных бизнес-процессов.

Кроме того, диджитализация отдельных отраслей ведет к мультипликативному эффекту распространения цифровых форматов ведения бизнеса, в связи с чем стоимость таких решений будет и дальше падать, а область распространения увеличиваться. Тем более что компании-вендоры, крайне заинтересованные в росте рынка, находят возможности включения в свою орбиту даже самых мелких предприятий (с помощью тех же облачных технологий, повышающих финансовую доступность цифровизации). Собственно, взрывной рост внедрения этих технологий начался в России еще несколько лет назад⁵.

Сюда же следует добавить положительный эффект от санкций, стимулирующих процесс импортозамещения, в том числе и в ИТ-сфере, дальнейшую локализацию производств [16]. И хотя пандемия коронавируса внесла в развитие отрасли свои коррективы, приведя к некоторому снижению темпов роста ИТ-индустрии, эксперты с уверенностью прогнозируют дальнейший рост ИТ-рынка в стране в связи с развитием сотрудничества с Китаем, а также созданием Евразийского экономического союза [16].

Главное, что следует иметь в виду, — цифровизация экономики неизбежно ударит по рабочим местам в наиболее трудоемких секторах российской экономики (учитывая, что цифровой трансформации подвергается в первую очередь сфера услуг) —

в торговле, на транспорте, в отраслях социальной сферы, в том числе в государственных услугах, в бытовом обслуживании населения. О чем, кстати, говорят разработчики ПО, оценивая перспективы роста рынка своей продукции⁶. Тем более что для ускоренной программной автоматизации этого сектора экономики у России есть в наличии все технологические предпосылки — инфраструктура, высокая степень подключения населения к высокоскоростному Интернету, квалифицированные кадры для разработки и внедрения.

Отраслью, уже сегодня активно подвергающейся цифровизации в связи с программной автоматизацией отдельных профессиональных функций работников, оказывается, например, торговля, ставшая основным резервуаром рабочих мест в период структурной трансформации российского рынка труда в 90-е годы, практически спасшая страну от социального коллапса. Вначале, скорее по инерции, также ожидалось, что торговля станет одной из наиболее динамично создающей в условиях цифровизации рабочие места отраслью⁷, однако данные таких крупных агентств по подбору персонала, как “ХедХантер” и “Суперджоб” однозначно свидетельствуют об обратном. Наблюдается серьезное падение спроса на кассиров и продавцов, являющихся одними из самых массовых профессий на российском рынке труда⁸. И это неудивительно, учитывая “восприимчивость” отрасли к предлагаемым возможностям программной автоматизации (стоимость, масштабируемость, удобство соответствующего ПО).

В итоге эксперты очень серьезно оценивают перспективы массовых высвобождений на рынке труда в ближайшее время. Так, угроза “потенциальной автоматизации”, оцениваемая на основе “сценария полной роботизации в рамках существующих и разрабатываемых технологий”, составляет в России 44.8% для формального сектора и 53% для неформального [17]. ИТ-специалисты, разрабатывающие соответствующее программное обеспечение, дают еще более жесткие прогнозы⁹.

Конечно, конкретные цифры возможной незанятости могут быть предметом дискуссии, учитывая целый комплекс факторов, однако очевидно, что политика государства на рынке труда не может не учитывать обозначенные процессы. В период предыдущего крутого “слома” экономики за возможность адаптации российского рынка

⁵ Available at: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Чатбо\(ты_\(Chat-bot\)\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Чатбо(ты_(Chat-bot))) (accessed 13.08.2019); <https://rusnewstoday24.ru/ekonomika/5766-cifrovizaciya-za-10-let-vladimir-putin-gotovit-rossiyu-k-vyozvam-hhi-veka.html> (accessed 03.02.2018).

⁶ Available at: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>

⁷ Available at: <https://theworldnews.net/ru-news/ot-povarado-iurista-opublikovan-spisok-samykh-vostrebovannykh-professii-v-rossii> (accessed 14.08.2019).

⁸ Available at: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_роботы_заменяют_людей (accessed 14.08.2019).

⁹ Там же.

труда к новым реалиям пришлось заплатить потерей качества человеческого капитала¹⁰, массовым уходом занятости “в тень”, скрытой безработицей и падением уровня жизни населения. Чем сегодня мы сможем ответить на возникающие вызовы? И каковы они?

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

Стоит конкретизировать некоторые из возможных социальных вызовов, с которыми страна может столкнуться в сфере занятости в связи с цифровизацией ее экономики. Одним из них становится наличие так называемой *квалификационной ямы*. Этим термином обозначается растущий разрыв между востребованными современным рынком труда компетенциями и реальным уровнем профессиональной подготовки и квалификации работников. Причем явление это глобальное. По оценкам экспертов, в мире около 1.3 млрд работников затронуты такой проблемой¹¹. Эти данные представляются вполне релевантными, учитывая стремительно увеличивающуюся скорость смены профессий в современной экономике. Так, эксперты считают, что в ближайшие 12 лет исчезнет 56 профессий, а на смену им должно прийти в четыре раза больше “профессий будущего”¹².

Однако главное, что следует учитывать, это то, что под угрозой исчезновения находятся сегодня наиболее массовые профессии (бухгалтеры, банковские работники, специалисты кадровых служб, продавцы, кассиры, курьеры, охранники, секретари, фасовщики, работников колл-центров, водители), тогда как новые, востребованные рынком — скорее “штучные” (оценок такого рода сегодня публикуется достаточно¹³), и связаны они по боль-

¹⁰ Тогда высококвалифицированные работники были вынуждены массово занимать рабочие места низкой квалификации, не только теряя при этом профессиональные компетенции и доходы, но и неся серьезные моральные потери, связанные с сокращением возможностей для восходящей социальной мобильности.

¹¹ *Массовая уникальность: глобальный вызов в борьбе за таланты. Доклад BCG*, 2019. Available at: <https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-unique-tcm27-228998.pdf>

¹² Диджитализация — процесс цифровой трансформации общества. *Mentamore*, 17.01.2019. Available at: <https://mentamore.com/socium/didzitalizaciya.html> (accessed 23.02.2019).

¹³ См., например: *Названы самые высокооплачиваемые профессии в России* (https://russian.rt.com/russia/news/617487-samye-vysokooplachivaemye-professii?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop); *Профессии будущего: чему учиться, чтобы преуспеть в конкуренции с роботами* (<http://www.bbc.com/russian/features-42364741>); *Названы новые профессии на рынке труда в России* (<https://rg.ru/amp/2019/04/30/nazvany-novye-professii-na-rynke-truda-v-rossii.html>); “40 компаний, которые предлагают удаленную работу” (<http://www.kadrof.ru/articles/7164>); “Про-

шей части с роботизацией, цифровизацией и биотехнологиями — инженер-мехатроник, специалист по промышленной робототехнике, большим данным, менеджменту космических продуктов, интеграции облачных приложений, оператор удаленной хирургии, инженер-генетик, специалист по биохакингу и программируемому здоровью, инженер в области синтетической биологии, проектировщик киберорганизмов, создатель микроорганизмов с заданными функциями и др.

Неудовлетворенный спрос по этим профессиям является отражением сложностей подготовки высококвалифицированных междисциплинарных специалистов, но никак не физической нехватки трудовых ресурсов. Вызовы для системы образования состоят в том, что сегодня профессии устаревают гораздо быстрее, чем молодые люди получают профессиональное образование в рамках традиционной системы, а также в невозможности содержания дорогостоящей образовательной инфраструктуры в условиях сокращения потребности в массовых профессиях [18]. Складывающаяся ситуация нашла свое отражение, в частности, в постепенном переходе экспертного дискурса от концептов “экономики знаний”, “человеческого капитала” к понятию “войны за таланты”.

Сравнивать вызовы нынешней трансформации занятости с той, что наша страна прошла в начале прошлого века, в период ускоренной индустриализации (необходимость ломки традиционного уклада и ускоренной массовой профессиональной подготовки вчерашних крестьян), и даже с ситуацией 90-х годов (нисходящая профессиональная мобильность и обусловленные этим социальные издержки) невозможно. Сегодня мы сталкиваемся с недостаточностью качества трудовых ресурсов в узком сегменте высокотехнологичной и отчасти высококвалифицированной занятости и возможным избытком предложения на рынке труда в связи с программной автоматизацией бизнес-процессов в наиболее трудоемких секторах российской экономики.

Наличие серьезных дисбалансов признается не только экспертным сообществом, но и всеми участниками рынка труда — государством; работодателями, около половины из которых испытывают сложности с поиском сотрудников требуемой квалификации и вынуждены все жестче конкурировать друг с другом за “мозги и компетенции”; работниками, три четверти из которых предчувствуют сложности с трудоустройством в ближайшее время [10]. Однако представления (хотя бы приблизительного) о том, как проблема может решать-

фессии фрилансеров” (<http://www.kadrof.ru/articles/cat32>); *100 профессий будущего* (<https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a794777002717b>).

ся, пока нет. Неудивительно, что, согласно данным *PricewaterhouseCoopers*, до 75% работников сегодня готовы сами решать проблему своей переквалификации или ее повышения, не дожидаясь помощи государства или работодателей¹⁴.

Учитывая, что, согласно оценкам компании *Boston Consulting Group*, проблема эта в той или иной мере может затронуть почти 34 млн россиян¹⁵, что составляет практически половину трудоспособного населения страны, понятен масштаб вызова, обозначенного нами как “квалификационная яма”.

Второй вызов связан с возможным падением доходов граждан обусловленным платформизацией занятости и сокращением в этой связи покупательной способности населения. А процесс этот, согласно прогнозам *McKinsey Global Institute*, будет стремительно нарастать — не менее 540 млн пользователей краудворкинговых онлайн-платформ к 2025 г. прогнозировалось еще несколько лет назад [19]. Однако, учитывая последствия пандемии, цифры эти могут быть гораздо выше.

В России в связи с цифровизацией также создается инфраструктура для массового превращения наемного труда в самозанятый, реализуемый в том числе через онлайн-платформы. И процесс этот также получил серьезный импульс в связи с пандемией. Так, по оценкам управляющего директора одного из крупнейших в России онлайн-сервисов по подбору персонала “Авито Работа” (500 тыс. вакансий массовых позиций, более 15 млн обращений ежемесячно), только за последний квартал 2020 г. активность соискателей на “Авито” выросла на 25% [20]. Основные вакансии — упаковка, склад, такси, курьеры. Спрос на последних вырос за год на 170%. Кроме того, активно развиваются сервисы для тех, кто в индивидуальном порядке занимается оказанием услуг населению.

Сложно, однако, представить, что такая форма занятости позволит в массовом порядке капитализировать навыки и умения на достаточном уровне. Достаточным мы в данном случае считаем уровень, позволяющий человеку пользоваться всеми социальными завоеваниями индустриальной эпохи, включая отпуск, пенсию, возможность восстановить свои силы и поправить здоровье. Широкое распространение самозанятости (являющейся, как правило, превращенной формой трудовых отношений) — это все же способ сокращения издержек, а не решения социальных проблем.

¹⁴ В РАНХиГС увидели риск исключения почти половины россиян из экономики. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/29/03/2018/5abcc7729a7947e437dc77a7> (accessed 20.03.2018).

¹⁵ В “квалификационную яму” попадают почти 34 млн россиян. *Коммерсант*, 27.08.2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4073298>

Неслучайно с принятием в РФ закона о самозанятых (№ 422-ФЗ от 27.11.2018) работодатели начали массово переоформлять сотрудников как самозанятых — арендаторов рабочего места¹⁶. И хотя закон запрещает перевод трудовых отношений в гражданско-правовой формат, эта практика, позволяющая серьезно экономить на взносах в социальные фонды, несомненно, будет распространяться и дальше, поскольку достаточно трудно поддается контролю.

Проблема состоит в том, что такая “некачественная” работа при сокращении количества реально отработываемых часов (в связи с тем, что значительная часть времени уходит у человека на постоянный поиск работы) формирует устойчивую прекаризованную занятость в широких масштабах [21]. С точки зрения макроэкономики в итоге сокращается потребительский спрос, ведущий в свою очередь к дальнейшему сокращению спроса на труд. Экономика потребления и завязанная на нее инфраструктура оказываются под серьезным давлением. Собственно, уже в 2019 г. было зафиксировано сокращение “серых” доходов россиян, получаемых, как правило, от услуг, оказываемых гражданами в качестве подработки. При этом если в 2017 г. 45.3% занятого населения признались социологам, что “подрабатывают” оказанием различных услуг, то в 2019 г. об этом заявили только 27.6%. Эксперты связывают такое серьезное снижение именно с падением покупательной способности населения [22].

Таким образом, платформизация занятости вкупе с санкционным давлением может негативно отразиться на возможностях роста российской экономики, вынужденной в условиях пандемии и регионализации глобального экономического пространства в большей мере, чем прежде, ориентироваться на внутренний спрос.

С первыми двумя связан и третий вызов — возможное нарастание дисбалансов на рынке труда, которые мы с большим трудом пытались преодолевать в последние 20 лет. При этом не стоит прогнозировать серьезного роста безработицы. Скорее, нас ожидают сокращение количества отработанных часов (рабочего времени), снижение оплаты труда и уровня социальных гарантий, а также депрофессионализация и фрагментация занятости. Занятость и безработицу будет все сложнее отделять друг от друга.

Рост технологической безработицы, вызванной в том числе растущей раздробленностью информации (все более узкий функционал “частичного” работника), переход от профессий к наборам

¹⁶ “В России начали оформлять сотрудников как самозанятых”. *BFM.RU*, 11.01.2019. Available at: <https://www.bfm.ru/news/404145>

компетенций можно рассматривать как переходную стадию к жестко сегментированному рынку труда, являющемуся оборотной стороной цифровой трансформации занятости. Та адаптационная модель¹⁷, которая сработала в 90-е годы, не работает сегодня, поскольку перестает действовать существовавшая на протяжении последних столетий модель “расточительной” индустриальной экономики, предоставлявшей все большему числу жителей планеты рабочие места в своей системе разделения труда, о чем, в частности, говорил в 2021 г. в Давосе Президент РФ В. Путин.

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА К УСЛОВИЯМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Главная проблема с точки зрения управленческой политики в этих новых условиях заключается отнюдь не в запаздывании государства с исполнением регуляторной функции, не позволяющем вовремя взять под контроль такую чувствительную в социальном отношении сферу, как занятость. Технологически задача создания “работодателя” как сервиса с оплатой за каждую транзакцию не представляет никакой сложности и позволяет даже более прозрачно, чем прежде, осуществлять отчисления в различные социальные фонды. Однако в складывающихся условиях любое государство (не только российское) будет вынуждено самой логикой развития социально-экономических процессов искать нестандартные (с точки зрения законов развития индустриального общества) пути решения проблем. И если только перечислить возможные направления политики, которые могли бы быть реализованы с целью эффективного регулирования сферы занятости, становится очевидным, что они являются *разноуровневыми, разнокачественными*, а зачастую — *противоречащими друг другу*:

- рост производительности труда в экономике с целью повышения ее конкурентоспособности;
- предотвращение сжатия спроса на труд и связанных с этим массовых высвобождений;
- создание новой системы переобучения высвобождающихся (как с точки зрения удовлетворения потребностей граждан, вынужденных осваивать новые компетенции, так и с точки зрения системы образования, которой невыгодно готовить малое количество дорогостоящих специалистов);
- решение проблемы правового урегулирования общественных отношений в условиях цифровой экономики на базе переосмысления целого ряда важнейших категорий, лежащих в его основе;

¹⁷ Эта модель подразумевала массовый переток занятых из промышленности, науки в торговлю.

— решение проблемы выпадающих доходов населения в связи с платформизацией занятости и сокращающимся в этой связи спросом, препятствующим росту экономики.

В частности, необходимость обеспечения роста производительности труда с целью повышения конкурентоспособности российской экономики и завоевания новых рынков сбыта плохо согласуется с задачей недопущения массовых высвобождений. Отчасти наши демографические проблемы нам в помощь — тот факт, что в настоящее время в народное хозяйство страны пришли наиболее малочисленные когорты, в то время как покидают его люди, родившиеся в период бэби-бума, и разница эта достигает полутора десятков миллионов человек, позволяет снизить давление на рынок труда. Хотя пенсионная реформа и сработала здесь как контртенденция [23], все же последствия программной автоматизации российской экономики, несомненно, будут смягчены.

Однако главное, что стоит подчеркнуть в связи с этим, — эффективность мер государственного регулирования может релевантно оцениваться только через призму целеполагания. В этом смысле несколько настораживает тот факт, что социальные последствия цифровых трансформаций не входят в число приоритетов российского государственного риск-менеджмента. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие системного рассмотрения в документах стратегического планирования, принимаемых в стране, вопросов занятости. Предпринимаемые правительством меры, в частности меры поддержки самозанятости, являются, скорее, паллиативными.

Нам все равно придется предельно конкретно ответить на вопрос, что важнее — рост производительности труда или занятость. В каких сферах и в каких пропорциях будет найден новый баланс, учитывая, что рабочие места — главный политический ресурс современного государства, — вопрос крайне чувствительный, принимая во внимание, что рост незанятости как механизм реагирования рынка труда на сокращающийся спрос имеет свои пределы, обусловленные обременительностью для бюджета программ поддержки незанятых, а также учитывая возможные социальные проблемы. В связи с этим трудно переоценить эффект для занятости от реализации предполагаемых инфраструктурных проектов в транспортной сфере, призванных “сшивать” страну в единый народнохозяйственный комплекс, проектов в сфере туризма и сельского хозяйства, жилищного строительства.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. предлагается, например, развитие сети центров хранения

и обработки больших массивов данных (дата-центров), учитывая наш потенциал в сфере энергетики, а также благоприятствующие этому природно-климатические условия и серьезный экспортный потенциал отрасли. И хотя мультипликативный эффект с точки зрения создания новых рабочих мест у отрасли не так велик, все же определенные резервы, несомненно, есть. Политика импортозамещения в высокотехнологичных секторах экономики также может внести свой вклад в процесс создания новых рабочих мест, однако не стоит преувеличивать потенциал такого роста, учитывая технико-организационные особенности современного производства.

Нобелевский лауреат по экономике Кристофер Писсаридес, оценивая серьезность вызовов цифровизации для современного рынка труда, среди основных отраслей, способных в современных условиях создавать рабочие места, назвал здравоохранение, образование, *HoReCa*¹⁸ (скажем шире – туристический бизнес). И это логично, учитывая объективную трудоемкость этих секторов экономики. Однако будут ли эти отрасли реальными драйверами рынка труда в ближайшее время и как

¹⁸ *Какие профессии могут исчезнуть в ближайшем будущем?* Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d8ba02a9a7947fec16449a4>

в целом будет развиваться ситуация в сфере занятости, зависит от осознания ее политического значения с точки зрения обеспечения социальной стабильности.

Очевидно, что в условиях нарастающих проблем в глобальной и российской экономике в среднесрочной перспективе нам придется балансировать по очень тонкому лезвию. С одной стороны, необходимо будет сохранить (и даже увеличить) наше присутствие в системе глобального разделения труда, что потребует повышения экономической эффективности производства и роста производительности труда, сохранения и приумножения достижений технологического прогресса. С другой стороны, для реализации этой задачи нужна социальная стабильность и, значит, сохранение рабочих мест. Все это потребует высокого уровня присутствия государства не только на рынке труда, но и в экономике в целом.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Садовая Е. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 12, сс. 35-45. [Sadovaya E. The digital economy and the new labor market paradigm. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 35-45. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-35-45>
2. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики. *Вестник международных организаций*, 2018, т. 13, № 2, сс. 148-151. [Bukht R., Khiks R. Definition, Concept and Measurement of the Digital Economy. *Bulletin of international organizations*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 148-151. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
3. Castells M. *The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 625 p. Available at: http://www.urbanisztika.bme.hu/wp-content/uploads/2014/05/manuel_castells_the_rise_of_the_network_societybookfi-org.compressed.pdf (accessed 04.12.2019).
4. Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. *Harnessing the digital economy for developing countries*. OECD Development Centre. Working Paper no. 334, 2016. 80 p. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4adffb24-en.pdf?expires=1618911297&id=id&accname=guest&checksum=EDD34FE9E3F599DE72472092F3C36687> (accessed 04.12.2019).
5. Келли К. *Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее*. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с. [Kelly K. *Inevitable. 12 technology trends that are shaping our future*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 352 p. (In Russ.)]
6. *Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад ЦСР*. Москва, 2017. 12 с. [New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia. Expert and analytical report of the CSR. Moscow, 2017. 12 p. (In Russ.)] Available at: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (accessed 04.12.2019).
7. Parker G.G., Choudary S.P., Alstyn M.W. van. *Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. New York, W.W. Norton & Company, 2017. 352 p.
8. *Digital labour platforms and the future of work: Towards decent work in the online world*. Geneva, International Labour Office (ILO), 2018. 160 p. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--dcomm/--publ/documents/publication/wcms_645337.pdf (accessed 04.12.2019).
9. Куприяновский В.П., Соколов И.А., Талашкин Г.Н., Дунаев О.Н., Зажигалкин А.В., Распопов В.В., Намит Д.Е., Покусаев О.Н. Цифровая совместная экономика: технологии, платформы и библиотеки в промышленности, строительстве, транспорте и логистике. *International Journal of Open Information Technologies*, 2017, vol. 5, no. 6, сс. 56-75. [Kupriyanovskii V.P., Sokolov I.A., Talashkin G.N., Dunaev O.N., Zazhigalkin A.V., Raspopov V.V.,

- Namiot D.E., Pokusaev O.N. Digital Collaborative Economy: Technologies, Platforms and Libraries in Industry, Construction, Transport and Logistics. *International Journal of Open Information Technologies*, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 56-75. (In Russ.)]
10. *Массовая уникальность: глобальный вызов в борьбе за таланты*. BCG, 2019. 60 с. [Mass uniqueness: a global challenge for talent. BCG, 2019. 60 p. (In Russ.)] Available at: <https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf> (accessed 04.12.2019).
 11. *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Updated estimates and analysis*. April 29, 2020. 23 p. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_743146.pdf (accessed 04.12.2019).
 12. *TECHNOLOGY AT WORK v2.0. The Future Is Not What It Used to be*. Citi GPS: Global Perspectives & Solutions. January 2016. 156 p. Available at: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/reports/Citi_GPS_Technology_Work_2.pdf (accessed 04.12.2019).
 13. *OECD Employment Outlook 2019. "The Future of Work"*. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/oecd-employment-outlook-2019/summary/english_fbf42313-en;jsessionid=JDha71QzF3BKQLboQ8E1Z3Np.ip-10-240-5-17 (accessed 16.05.2021).
 14. Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем. *Российская газета*, 03.04.2013. [Golodets O. 38 million employable Russians are busy with something incomprehensible. *Rossiyskaya Gazeta*, 03.04.2013. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html> (accessed 16.05.2021).
 15. Садовая Е., Хохлова М. Политика занятости и адаптационный потенциал рынка труда в России. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 10, сс. 81-93. [Sadovaya E., Khokhlova M. Employment policy and adaptation potential of the labor market in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 10, pp. 81-93. (In Russ.)] Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0395/analit05.php> (accessed 04.12.2019).
 16. Обзор и оценка перспектив развития мирового и российского рынков ИТ. *Хабр*, 13.02.2015. [Review and assessment of the development prospects of the global and Russian IT markets. *Habr*, 13.02.2015. (In Russ.)] Available at: <https://habr.com/ru/company/moex/blog/250463/> (accessed 16.05.2021).
 17. Земцов С. Потенциальная роботизация и "экономика незнания" в регионах России. *XIX Апрельская конференция (НИУ ВШЭ)*, 10.04.2018. [Zemtsov S. Potential robotization and "the economy of ignorance" in the regions of Russia. *XIX April Conference (NRU HSE)*, 10.04.2018. (In Russ.)] Available at: <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.11496.98567> (accessed 04.12.2019).
 18. Садовая Е. С. Профессиональное образование в постиндустриальной экономике. *Международная торговля и торговая политика*, 2019, № 3, сс. 27-33. [Sadovaya E.S. Professional education in the post-industrial economy. *International trade and trade policy*, 2019, no. 3, pp. 27-33. (In Russ.)] DOI: 10.21686/2410-7395-2019-3-19-33
 19. *A labor market that works: Connecting talent with opportunity in the digital age*. McKinsey Global Institute, June 2015. 100 p. Available at: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Employment%20and%20Growth/Connecting%20talent%20with%20opportunity%20in%20the%20digital%20age/MGI_Online_talent_A_labor_market_that_works_Full_report_June_2015.pdf (accessed 04.12.2019).
 20. Кумпель А. "Авито Работа": "Мы создаем то, что позволит людям найти работу максимально быстро". *BFM.RU*, 09.03.2021. [Kumpel' A. "Avito Jobs": "We create something that will allow people to find work as quickly as possible". *BFM.RU*, March 9, 2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.bfm.ru/news/466789> (accessed 04.12.2019).
 21. Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения. *Народонаселение*, 2019, т. 22, № 2, сс. 91-104. [Bobkov V.N. Precarious employment in the Russian Federation: state and directions of decline. *Population*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 91-104. (In Russ.)] Available at: DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00018 (accessed 08.10.2019).
 22. Воловатов В., Григорьева И. Теневой вектор: объем серых зарплат в России превысил 13 трлн. *Известия*, 07.08.2019. [Volovatov V., Grigor'eva I. Shadow vector: the volume of gray wages in Russia exceeded 13 trillion. *Izvestiya*, 07.08.2019. (In Russ.)] Available at: <https://iz.ru/907100/vitalii-volovatov-inna-grigoreva/tenevoi-vektor-obem-serykh-zarplat-v-rossii-prevysil-13-trln> (accessed 08.10.2019).
 23. Кашепов А. В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам. *Социально-трудовые исследования*, 2020, № 1, сс. 19-30. [Kashepov A.V. The structure of employment in the economy by type of activity and major professional groups. *Social and labor research*, 2020, no. 1, pp. 19-30. (In Russ.)] DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-19-30

SOCIAL CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY: RUSSIA IN A GLOBAL CONTEXT

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 14-24)

Received 05.04.2021.

Elena S. SADOVAYA (sadovaja.elena@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The subject of the research is the challenges of the digital economy for the employment sector in Russia. The need to reduce costs in the face of a deteriorating situation in the global economy is a factor in accelerating the digital transformation of employment in the country. The transformation is carried out through the automation of the main business processes, as well as through the development of platform employment formats. Specific features of the process of digital transformation of employment form the shape of the development of the Russian labor market in the post-Soviet period. Its main factor was the country's entry into the global system of division of labor, which led to the formation of the modern structure of employment. The economy of Russia, recognized as raw material, turned out to be "commercial" in terms of employment, since it was this industry that created the bulk of jobs during that period. The commerce sector, which had high growth potential in the early 1990s in Russia, provided jobs for all those labor resources that were released from the industry. However, at the moment this source has been exhausted. Digitalization threatens the most labor-intensive sectors of the Russian economy. Commerce turns out to be the first industry to undergo automation and digitalization of jobs. At the same time, the most massive professions (accountants, bank employees, HR specialists, salesmen, cashiers, couriers, security guards, secretaries, packers, call center workers, drivers) are under the threat of "disappearance", while new ones in demand by the market are more likely "unique" and they are mostly associated with robotization, digitalization and biotechnology. The unmet demand for these professions is a reflection of the complexities of training highly qualified interdisciplinary specialists and not a physical shortage of labor resources, and this is a serious challenge for the vocational education system. The study aims to gain a deeper understanding of the processes taking place in the social and labor sphere in Russia, to create a conceptual basis for the development of a socio-economic policy of the state that adequately responds to the challenges of the digitalization of the economy.

Keywords: digital economy, employment, platform employment, the Russian labor market, labor relations, structural transformations of the labor market.

About author:

Elena S. SADOVAYA, Candidate of Economics, Head of Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-14-24

ЕВРОПА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

26 сентября 2021 г. подходит к концу 16-летний период руководства Германией Ангелы Меркель, который по праву можно назвать “эрой Меркель”. В предлагаемых читателю статьях предпринята попытка проанализировать перспективы дальнейшего развития ФРГ по основным направлениям внутренней и внешней политики.

ВЕДУЩИЕ НЕМЕЦКИЕ ПАРТИИ В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ

© 2021 г. М. Хорольская

*ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (khorolskaja.marya@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 27.06.2021.

Принимая во внимание, что в немецкой системе большую роль в формировании внутри- и внешнеполитического курса страны играют партии, основная цель статьи – выявить, каким образом изменяются партийно-политическая система ФРГ и партийные повестки. На основании анализа программ и выступлений ведущих политиков сделаны выводы о предвыборных стратегиях основных политических сил. На материалах социологических опросов показано изменение электоральных предпочтений населения и даны прогнозы возможных правящих коалиций. Рассматриваются также возможные варианты развития Германии после ухода Меркель.

Ключевые слова: Германия, выборы в Бундестаг, партийно-политическая система, Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз, Социал-демократическая партия Германии, Свободная демократическая партия, Союз 90/“Зеленые”, Левая партия, Альтернатива для Германии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33

26 сентября 2021 г. в Германии состоятся выборы в Бундестаг, в которых не будет принимать участие действующий канцлер страны Ангела Меркель, находившаяся у власти 16 лет. Когда в 2005 г. А. Меркель с незначительным перевесом одержала победу над Г. Шрёдером, современники объяснили этот успех не сильными сторонами новой канцлерин, а слабостью соперника от социал-демократов [1, с. 133]. Более того, некоторые из наблюдателей писали о недостаточной харизматичности избранного главы правительства и нехватке сильных кандидатур у народных партий. Однако Меркель удивила всех, не только оставшись на своем посту на четыре срока, но и изменив облик партии и выведя страну на новый этап развития.

Осенью 2021 г. в истории ФРГ начнется период, в который страна вступает с изменившимся партийно-политическим ландшафтом. За последние 40 лет партийная система Германии пережила ряд метаморфоз. После образования ГДР и ФРГ в последней сложилась политическая система, состоящая из двух “народных партий” – Христианско-демократического союза/Христианско-социального союза (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а также Свободной демократической партии (СвДП), которую называли “делатель королей” [1, сс. 10-11].

Обладая относительно небольшой поддержкой, СвДП могла вступить в коалицию и таким образом привести к власти одну из основных сил. В 1979 г. была образована партия “Зеленых”, долгое время занимавшая достаточно радикальные позиции, не позволяющие ей вести переговоры о вхождении в правительство. После объединения ФРГ и ГДР партийно-политический ландшафт страны дополнился Партией демократического социализма (позднее Левая партия).

В последние годы перед партийно-политической системой Германии встали новые вызовы. Во-первых, серьезно снизилась поддержка “народных партий”, столкнувшихся с потерей своей классической идентичности. Во-вторых, образованная в 2013 г. Альтернатива для Германии (АдГ) перетянула на себя часть голосов (12.6% в 2017 г.) [2]. Оба этих фактора привели к тому, что в настоящее время в ФРГ практически невозможно создать “полупартийную” коалицию из народной и малой партий. Политики вынуждены или договариваться о “большой коалиции” (в этом году из-за снижения поддержки СДПГ и это развитие впервые невозможно), или создавать неустойчивые альянсы из трех сил.

Анализ партийных установок и возможной расстановки сил в Бундестаге важен не только для

прогноза итогов грядущих выборов, но и для того, чтобы лучше понять, каким путем будет двигаться Германия в ближайшие четыре года. Как отмечал германист Н.В. Павлов, на выработку внешнеполитического курса большое влияние оказывают стратегические программные установки политических партий, стоящих в конкретно исторический момент у власти [3, с. 7]. Особое значение это имеет для России, несмотря на существующий кризис в российско-германских отношениях, А. Меркель была в прямом и переносном смысле канцлером, “говорящим по-русски”. Какими будут отношения между странами после сентября 2021 г. — остается открытым вопросом.

ХДС/ХСС

Основным вызовом для ХДС стали выборы нового председателя партии после ухода Меркель с данного поста. Несмотря на критику ее решений, многие избиратели поддерживали христианских демократов благодаря личности А. Меркель. Выборы председателя обострили борьбу между приверженцами политики канцлера и сторонниками возвращения ХДС ее правоконсервативной идентичности. По итогам долгой борьбы между представителем правого крыла бизнесменом Ф. Мерцем и неформальным “наследником” линии Меркель А. Лашетом перевес одержал последний. Однако из-за низкого рейтинга Лашета в прессе среди аналитиков и части партийцев возникли спекуляции, что кандидатом на пост канцлера будет выдвинут глава ХСС популярный политик М. Зедер. В итоге члены ХДС все же поддержали своего представителя, а не председателя баварской партии, что, без сомнения, вызвало определенный раскол в блоке и обиду ХСС. Остается открытым вопрос, разумно ли поступили христианские демократы, не лучше ли было отказаться от партийных предпочтений ради интересов блока.

Следует, однако, отметить тот факт, что, выдвинув представителя левого крыла на пост канцлера, ХДС/ХСС представил консервативную или даже “старомодную” для современной Германии избирательную программу, которую пресса уже назвала наиболее скучной и расплывчатой. По сравнению с другими силами ХДС/ХСС не предлагает большого числа конкретных изменений и по многим вопросам ограничился общими фразами. Эта расплывчатость, а также позднее обнародование программы говорят о расколе в блоке и трудностях согласования единого документа.

Программа свидетельствует, что партии решили вернуть себе традиционный облик защитников крупного и среднего бизнеса. В связи с этим одной из основных тем блока является снижение налоговой нагрузки (окончательный отказ от Пакта соли-

дарности, снижение подоходного налога) и ужесточение бюджетной дисциплины. Другими важными темами являются сокращение бюрократии и цифровизация. Социальной программе, напротив, в документе уделяется небольшое внимание.

ХДС/ХСС стремится после ухода А. Меркель вернуться к образу консервативной силы. Блок партий поддерживает религиозные институты, большое внимание уделяется вопросам внутренней безопасности, в программе нет активно обсуждаемой в Германии проблемы защиты прав ЛГБТ. ХДС/ХСС хочет окончательно избавиться от имиджа силы, сочувствующей беженцам и мигрантам, обещая увеличить число безопасных стран, уменьшить стимулы для нелегальной иммиграции, создать центры приема беженцев за пределами ЕС и отвергая расширение права на воссоединение семей. Гораздо большее внимание блок партий уделяет стратегиям привлечения в Германию квалифицированной рабочей силы. Вероятно, это продиктовано желанием вернуть себе голоса избирателей, перешедших к АдГ. Этой же цели служит возвращение в программу старой темы поддержки изгнанных немцев¹ [4, S. 135] (часть консервативных представителей Союза изгнанных, включая одиозную Э. Штайнбах, перешла в стан АдГ). Однако такая стратегия может привести к обратному эффекту, консервативная часть избирателей останется с правыми популистами, а сторонники центристской политики А. Меркель перейдут к партиям, находящимся левее ХДС/ХСС, в частности к “Зеленым”.

Принимая во внимание высокую обеспокоенность немцев проблемой изменения климата, партия обращается и к экологической проблематике, обещая достичь климатической нейтральности к 2045 г. [4, S. 40]. При этом остается открытым вопрос, каким образом ХДС/ХСС собирается достичь поставленной цели, поскольку в предвыборной программе практически не указаны меры, направленные на снижение выбросов, болезненные для индустриальной сферы. Блок партий выступает против запрета дизельного двигателя и ограничения полетов, поддерживает в переходный период использование голубого водорода и сохранение угольных электростанций. Подобные тезисы вызвали у ряда наблюдателей подозрение, что экологическая повестка для ХДС/ХСС обусловлена только желанием получить голоса избирателей, а не реальной программой действий.

Во внешней политике ХДС/ХСС вернулся к традиционным призывам укреплять союз с Вашингтоном, поставив приоритетность отношений с США на первое место в программе [4, S. 8]. Сложно ска-

¹ Немцы, высланные из стран Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны.

зять, действительно ли в партии сильны надежды возвращения старого трансатлантизма или же это попытка авансом выразить поддержку и доверие новому президенту Д. Байдену. Блок партий подчеркивает безальтернативность НАТО как основного гаранта безопасности в Европе, важность для Германии нахождения на ее территории американского ядерного оружия и солдат, а также обязуется поднять военные расходы до 2%. Развитие обороны ЕС упоминается в документе, но в контексте укрепления европейского столпа альянса. При этом Союз не отрицает и расширения сотрудничества с Китаем при условии одновременного ограничения зависимости от КНР. По отношению к России партии используют традиционную формулу: сдерживание, укрепление собственной устойчивости и диалог в тех вопросах, где это выгодно [4, S. 139-140].

СДПГ

Партия на данный момент находится в тяжелейшем кризисе с момента своего образования. Социал-демократы так и не смогли преодолеть экзистенциальные проблемы — наследие непопулярных реформ периода канцлерства Г. Шрёдера, долгое нахождение в положении второй партии в коалиции, потеря своей идентичности в условиях изменения структуры рабочего класса. Для большинства в партии очевидно, что СДПГ нужно уйти в оппозицию и разработать стратегию на будущее.

Кандидатом на должность федерального канцлера от социал-демократов был выдвинут действующий министр финансов О. Шольц, который является представителем консервативного крыла партии (что осложнило бы переговоры о «красно-зелено-красной» коалиции). Он имеет репутацию прагматичного кризис-менеджера, способного управлять экономикой страны даже в такой непростой период, и, согласно различным опросам, как политик — популярен у населения [5]. Однако Шольца не раз обвиняли в отсутствии харизмы или яркой индивидуальности, так необходимой кандидату на пост канцлера.

Несмотря на относительно правого кандидата, в программе социал-демократов заметно влияние левого крыла партии. СДПГ хочет вернуть поддержку своего традиционного электората — рабочих и служащих, уделяя особое внимание укреплению социальной системы, перераспределению средств за счет увеличения налогов для наиболее зажиточных слоев населения, защите прав трудящихся.

Большую часть программы занимает социальная повестка. СДПГ выступает за изменение условий труда: повышение ставки минимальной оплаты, распространение системы коллективных договоров на всех работодателей, усиление

влияния сотрудников в наблюдательных советах, улучшение условий социального страхования для самозанятых. К социальной повестке относятся и требования повысить пенсии и упростить доступ к пособиям по безработице. СДПГ также высказывается против приватизации госсобственности или земли. Стимулами развития экономики в условиях такого усиления социальной поддержки должны стать цифровизация, инвестиции в перспективные технологии, поддержка стартапов.

В вопросе ценностей и семейной политики СДПГ значительно сблизилась с Союзом 90/«Зеленые» и «Левыми», выступая за достижение гендерного равенства, права ЛГБТ сообщества, поддерживая прием беженцев и реформу Дублинской системы. Социал-демократы, как и большинство партий, уделяют повышенное внимание борьбе с изменением окружающей среды, гарантируя достижение к 2045 г. климатически нейтральной экономики [6, S. 8-9].

Партия как сторонница углубления евроинтеграции называет своей окончательной целью федерализацию ЕС, чему служит усиление полномочий Европейского парламента (единая система выборов, предоставление законодательной инициативы) и введение поста министра иностранных дел ЕС. Она требует преобразования Пакта стабильности и роста в Пакт об устойчивом развитии (формирование общей инвестиционной политики), создания банковского союза, движения по направлению к фискальному, экономическому и социальному союзу.

Внешнеполитическая линия СДПГ не претерпела существенных изменений. Социал-демократы подтверждают верность старым союзникам и осуждают нарушение прав человека правительствами Китая, Турции, Белоруссии. Они призывают к укреплению стратегической автономии ЕС, но при этом традиционно отмечают, что НАТО остается незаменимым элементом безопасности Европы. В отношении России партия использует старую формулу: осуждение за нарушение международного права и готовность к диалогу. По ее утверждению, в интересах Германии и Европы совместно работать над вопросами безопасности, разоружения, климата, устойчивости, энергетики и борьбы с пандемиями. Однако среди конкретных мер называется только упрощение визового режима для молодежи. Снятие антироссийских санкций социал-демократы связывают с выполнением Минских соглашений [6, S. 59-60].

СвДП

Кандидатом в канцлеры от свободных демократов вновь был выдвинут лидер партии К. Линд-

нер, являющийся в настоящий момент наиболее популярным политиком СвДП, выведшим в 2013 г. партию из кризиса.

В своей предвыборной программе свободные демократы ставят акцент на модернизации Германии, основными слагаемыми которой считают деbüroкратизацию и цифровизацию во всех сферах. В экономических вопросах партия продолжает выступать с позиций классического либерализма, поддерживая сокращение налогового бремени (уменьшение корпоративного налога, изменение шкалы подоходного налогообложения, отмену налога на имущество, мелких налогов и сборов), снижение господдержки, приватизацию госсобственности (*Deutsche Bahn, Deutsche Post* и т. д.) [7, S. 8, 26], создание справедливой конкурентной среды, в том числе на международном уровне. Особое внимание в программе уделяется росту потока инвестиций. СвДП пытается укрепить позиции среди своего традиционного электората — представителей свободных профессий, а также малого и среднего бизнеса, призывая поддерживать их конкурентоспособность и ограничивать монополии компаний-гигантов.

Как и большинство немецких партий, СвДП поддерживает углубление европейской интеграции: придание больших полномочий Европейскому парламенту, создание поста министра иностранных дел ЕС и Европейского валютного фонда, укрепление европейской обороны, переход к общей внешней энергетической и инновационной политике. Партия традиционно выступает за укрепление трансатлантических отношений и выполнение обязательств по НАТО. Она критикует политику России в украинском кризисе и на Ближнем Востоке, а также в отношении оппозиции. В своей программе СвДП также высказывается против завершения проекта “Северный поток-2”. Свободные демократы, ссылаясь на политику Г.-Д. Геншера, призывают сохранить каналы для диалога с Россией, но преимущественно в вопросах поддержки гражданского общества [7, S. 69-70].

СОЮЗ 90/“ЗЕЛЕННЫЕ” (“ЗЕЛЕННЫЕ”)

Партия Союз 90/“Зеленые” в настоящий момент находится на пике своей популярности, увеличив поддержку в сравнении с выборами 2017 г. почти в 2.5 раза. Кандидатом на должность канцлера от “Зеленых” была выбрана одна из сопредседателей партии А. Бербок. Она относится к правому крылу партии, так называемым реалос, и, как представляется, для нее ХДС/ХСС в качестве возможного партнера по коалиции ближе, чем Левая партия. Сторонники Бербок говорят о ней как о представительнице нового поколения в политике, однако критики обвиняют 40-летнюю сопредседательницу

“Зеленых” в недостатке политического опыта (А. Лашет долгие годы возглавлял земельное правительство, а О. Шольц руководит Министерством финансов). Между тем назвать Бербок новичком в политике было бы неправомерно, она была референтом Союза 90/“Зеленые” по вопросам внешней политики и политики безопасности, возглавляла земельное отделение партии в Бранденбурге, участвовала в коалиционных переговорах в 2017 г., внесла свой вклад в переговоры о цене на выбросы CO_2 и все чаще высказывается по внешнеполитическим вопросам, что можно считать заявкой на пост министра иностранных дел.

Бербок пользовалась поддержкой на посту сопредседателя, и выдвижение ее кандидатуры на пост канцлера было положительно встречено общественностью. В то же время Бербок, оказавшись под пристальным вниманием прессы, совершила несколько незначительных ошибок. К тому же пошел на спад “эффект новизны”, в следствии чего к июню ее популярность упала на 12% — только 16% немцев сказали, что проголосовали бы за нее в случае прямых выборов канцлера (за А. Лашета — 29%, за О. Шольца — 26%) [8]. Соответственно, сейчас поддержка партии превосходит популярность ее представительницы. Однако “Зеленые” не видят в этом большой проблемы. Они всегда подчеркивали, что для них программа важнее личности. Не является это серьезным противоречием и для немцев, которые по историческим причинам с опасениями относятся к харизматичным и чрезмерно эгоцентричным лидерам.

Союз 90/“Зеленые” — это левоцентристская партия, поддерживающая экологическую, правозащитную, пацифистскую и феминистическую повестку. Свою программу она, конечно, начинает с проблемы изменения климата. Основная цель экологистов — достижение климатической нейтральности, для этого “Зеленые” призывают отказаться от ископаемого топлива и атомной энергетики и развивать возобновляемую энергию и зеленый водород. Партия призывает пересмотреть торговлю квотами и с помощью сокращения сертификатов на выбросы добиться поднятия цен на CO_2 . При этом “Зеленые” учли ошибки своих предшественников и в программе стараются показать, что переход к климатической нейтральности не будет слишком дорогим для граждан и простимулирует развитие промышленности. Предлагаются такие программы, как Фонд трансформации регионов, призванный поддерживать экологические преобразования, и “энергетические субсидии” для перераспределения доходов от цены на CO_2 гражданам [8, S. 6]. Партия поддерживает и инвестиционную активность в “зеленые” технологии и стартапы, помощь мелким и средним предпринимателям, пострадавшим от пандемии, а также цифровизацию.

В ряде социально-экономических вопросов программа “Зеленых” близка СДПГ. Они, как и социал-демократы, призывают к введению налога на богатство, повышению подоходного налога для лиц с высокими доходами на 3%, введению минимальной оплаты труда. Однако партия не уделяет внимание защите прав трудящихся, повышению пенсий, созданию единой системы социального страхования.

Союз 90/“Зеленые” поддерживает углубление евроинтеграции, создание общего и банковского союза ЕС, переход к единой фискальной политике. Во внешней политике партия выступает за развитие трансатлантических отношений (экологической повестки), сочетание критики и диалога с Китаем, углубление Восточного партнерства и поддержку демократических движений в странах постсоветского пространства. В отличие от всех остальных политических сил критика России у “Зеленых” не сопровождается призывами к умеренному сотрудничеству [8, S. 117-118].

ЛЕВАЯ ПАРТИЯ (“ЛЕВЫЕ”)

Левая партия в настоящий момент также находится в кризисе. Критика действий “Большой коалиции” уже не приносит достаточной поддержки. Наиболее болезненным для партии является потеря голосов в традиционной вотчине “Левых” — новых федеральных землях (территории бывшей ГДР) в связи с тем, что значительная часть восточных немцев поддерживает АдГ.

В качестве кандидатур на пост канцлера Левая партия представила Я. Вислер и Д. Барча, двух достаточно опытных политиков, хотя и уступающих в своей известности таким ярким фигурам, как Г. Гизи, О. Лафонтен и С. Вагенкнехт. В данном случае партия соблюла баланс и постаралась отразить все важные критерии. Д. Барч — представитель старшего поколения, 63 года, восточный немец, принадлежит реформистскому крылу. Я. Вислер — молодая женщина 40 лет, западная немка и представительница левого крыла.

В своей программе партия по-прежнему выступает с классическими левыми, социалистическими тезисами. Она уделяет основное внимание социальным программам и перераспределению доходов. Партия выступает за минимальную зарплату (13 евро за час, что выше, чем у СДПГ), повышение пенсий и создание системы обязательного солидарного пенсионного страхования, увеличение детских пособий и пособий по безработице. Расширение социальной программы должно реализовываться за счет изменения налоговой системы. “Левые” поддерживают прогрессивную ставку налога на имущество, увеличение налога на недвижимость, повыше-

ние верхней ставки подоходного налога, введение налогового сбора 0.1% на каждую финансовую операцию. К традиционно левой повестки относятся и требования огосударствления значимой инфраструктуры и организаций (*Lufthansa, Deutsche Bahn*).

Левая партия стремится подтвердить свой статус “адвоката новых федеральных земель” и вернуть себе голоса восточных немцев, отводя целый параграф данной теме. Партия критикует политику интеграции бывшей ГДР, отмечая, что жизненные успехи восточных немцев не получили достаточного признания. “Левые” традиционно требуют поднять зарплаты и пенсии населения новых федеральных земель до уровня старых и улучшить инфраструктуру на востоке страны. Они предлагают создать новый Пакт солидарности III, действующий до 2035 г. [10]. Списание долгов муниципалитетам, рекомендуемое ими, было бы в интересах востока страны. В отличие от остальных партий, призывающих к осуждению диктатуры Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), “Левые” не отрицают справедливость критики своей предшественницы, но хотят более дифференцированного анализа прошлого ГДР.

Идеологическая повестка партии включает в себя антифашизм, феминизм, пацифизм, экологическую проблематику. “Левые”, как и большинство эстаблированных партий, обращаются к экологической теме, призывая достичь к 2035 г. климатической нейтральности, перехода на возобновляемую энергетику, запрета атомной энергии в ЕС, хотя их пути достижения амбициозной цели отличаются от требований “Зеленых”. Они уделяют большое внимание реформированию миграционной политики на национальном и европейском уровне и приему всех нуждающихся [10].

Во внешнеполитической части партия осуждает движение к новой холодной войне, то есть представлению в западных стратегических документах России и Китая врагами. Однако тот факт, что в черновике программы внешней политике — отношениям с Москвой, Пекином, украинскому кризису и проблеме членства в НАТО — не уделено значительного внимания, свидетельствует об отсутствии в партии единства по данному вопросу. При этом “Левые” солидарны в том, что необходимо отказаться от участия бундесвера в операциях за рубежом, развития некоторых летальных систем вооружения, экспорта немецкого оружия и добиться вывода американских ядерных запасов с территории ФРГ [10].

“Левые” поддерживают членство Германии в ЕС, однако настаивают на реформах последнего, в частности на усилении роли Европейского парламента. Любое углубление европейской интеграции в военной сфере они отвергают.

АдГ

Правопопулистская партия Альтернатива для Германии в преддверии выборов в Бундестаг также столкнулась с рядом вызовов. Во-первых, согласно опросам, для немцев потеряла актуальность основная тема партии – критика миграционной политики. Во-вторых, в АдГ продолжается раскол между крайне правыми силами и так называемым крылом экономистов, выступающих с неолиберальной повесткой. В-третьих, партия попала под наблюдение Ведомства по защите конституции в связи с подозрениями в экстремизме.

Ведущими кандидатами от АдГ были выбраны Т. Чрупалла и А. Вайдель. Вайдель уже представляла АдГ на прошлых выборах в Бундестаг. Женщина, экономист, открытая представительница ЛГБТ, она должна была привлечь голоса евроскептиков, не разделяющих правые установки партии. В этом году в тандеме с Вайдель выступит Т. Чрупалла, сопредседатель АдГ и политический противник второго сопредседателя Й. Мойтена. Последний является наиболее серьезным критиком крена партии вправо и выступал против радикальной правой части партии во главе с Б. Хекке и бывших членов признанной экстремистской группы “Крыло”. В то время как Вайдель и Чрупалла, напротив, поддерживают консолидацию АдГ и называют себя представителями всей партии. Борьба между ставленниками Мойтена и дуэтом Вайдель–Чрупалла олицетворяла собой раскол, сохраняющийся в АдГ. Победа последних по итогам голосования членов партии в данном случае интересна как поражение Мойтена и его попыток избавиться от имиджа правых радикалов. Соответственно, в случае относительно высокого результата АдГ на выборах и окончательного поражения Мойтена во внутрипартийной борьбе есть вероятность, что партия сможет на время преодолеть раскол, но объединится на еще более праворадикальных началах.

АдГ выступает за достаточно радикальные политические реформы, включающие в себя введение института референдумов, ограничение сроков канцлера и депутатов парламента, переход на свободные избирательные списки [11, S. 13, 17]. В своей экономической политике она придерживается неолиберальных позиций, требуя снижения налоговой нагрузки и политического давления на экономику. Утверждая, что является сторонницей социальной рыночной экономики, партия не уделяет социальной повестке особого внимания.

Популизм выражается и в ее внешней политике – АдГ выступает за улучшение отношений с крупнейшими державами – США, Россией, Китаем – даже если данная повестка противоречива. Альтернатива для Германии требует усиления роли ФРГ в мире, в том числе с помощью получения по-

стоянного места в СБ ООН. Партия не отрицает членство страны в НАТО, но полагает, что альянс должен играть только оборонительную роль. Критике в программе подвергается лишь Турция.

АдГ по-прежнему выступает с евроскептических позиций, но в нынешней программе эта тема уже не играет ведущей роли. Партия повторяет старые лозунги: переход к Европе наций, отказ от евро, критика политики ЕЦБ, вывод всех политических сфер с европейского на национальный уровень и возможность выхода Германии из ЕС.

Значимое место в программе занимает консервативная тематика. АдГ последовательно выступает против консенсусной для остальных партий леволиберальной повестки, критикуя гендерные исследования, инклюзивные школы, мультикультурализм, политкорректность и др. Особое внимание уделяется финансовым и идеологическим мерам по стимулированию рождаемости. Для немецкой политической культуры излишне радикально звучат призывы пересмотреть историческую политику и уделять больше внимания не только мрачным периодам, но и успехам страны. Вызывающим для современных немцев также является тот факт, что на первое место ставится необходимость противодействия левому экстремизму, в то время как правый экстремизм даже не упоминается в качестве угрозы.

АдГ, будучи главным критиком экологической повестки, отрицает, что глобальное потепление непременно вызвано антропогенным фактором. Соответственно, она критикует политику, направленную на декарбонизацию, и любые формы налога на CO_2 [11, S. 175].

В отличие от программы 2017 г. партия не утверждает, что ислам не является частью Германии, однако подчеркивает необходимость интегрирования мусульман в немецкую культуру. АдГ критикует миграционную политику как угрожающую безопасности немцев и требует восстановить контроль на границе, высылать нелегальных мигрантов, а также разрешать въезд только квалифицированным кадрам.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ВЕДУЩИХ ПАРТИЙ

Поддержка партий в последние полтора года пережила значительные колебания, на это, безусловно, сильное воздействие оказала пандемия. В целом положительная оценка населением правительственных мер по борьбе с *COVID-19* привела к взлету популярности правящего блока ХДС/ХСС. Если в начале марта 2020 г. он продемонстрировал рекордно низкие результаты (26%), то с начала противодействия пандемии его под-

держка росла (в конце марта 33%) и в конце февраля 2021 г. достигла 35% [12]. А. Меркель, по опросам, стала самым или одним из самых популярных политиков. За ней следовал лидер ХСС М. Зёдер.

Однако в марте 2021 г. ситуация резко изменилась. Вскрылись масштабные злоупотребления служебными полномочиями депутатов от ХДС и ХСС, которые за денежное вознаграждение выступили посредниками между поставщиками медицинских масок и Министерством здравоохранения. Раскрытие аферы привело к тому, что поддержка ХДС/ХСС за один месяц упала с 35 до 28% [12]. При этом А. Меркель и М. Зёдер, хоть и столкнулись со снижением рейтинга, в начале апреля по-прежнему возглавляли список наиболее влиятельных политиков [13].

Популярность старшего партнера по коалиции не способствовала младшего — Социал-демократической партии Германии. Ее рейтинг незначительно возрос в связи с пандемией, но этого было недостаточно, чтобы стать на федеральном уровне хотя бы второй значимой силой. По опросам, в июне 2021 г. за СДПГ готовы отдать свой голос 15% немцев [12].

Рост поддержки правящей коалиции в период пандемии привел к небольшому снижению популярности оппозиционных партий. Рейтинг Союза 90/“Зеленые” упал с 22–23 до 19–20%, однако после ухудшения положения ХДС/ХСС “Зеленые” улучшили свой результат до 23% [12], из чего можно сделать вывод, что избиратели христианских демократов частично перешли на их сторону. Они получили также поддержку сторонников умеренных левых взглядов, разочаровавшихся в социал-демократах.

Между тем популярность Союза 90/“Зеленые” опирается не только на голоса неудовлетворенных в политике народных партий. В настоящее время климатическая повестка — вопрос, наиболее волнующий немцев [8]. Осознавая этот факт, практически все партии интегрировали в свои программы тему экологии, однако именно “Зеленые” за несколько десятилетий зарекомендовали себя здесь экспертами. К тому же партия в настоящий момент выглядит менее расколотой, чем остальные соперники. Победа крыла “реалос” позволила ей учесть ошибки предшественников (выступление против объединения Германии, требование таких непопулярных мер, как повышение цен на бензин и т. п.) и разработать достаточно реалистичную программу. В мае 2021 г. “Зеленые”, по опросам, были на 1-м месте, обогнав ХДС/ХСС, но к июню всплеск поддержки, как и популярность А. Бербок, пошли на спад, переместив партию с 22% на 2-е место.

СвДП столкнулась с падением популярности в середине 2020 г. (4–5%). Как представляется, это было связано в том числе с тем, что свободные

демократы “нарушили социальную дистанцию” в отношении правопопулистской АдГ. Некоторые представители свободных демократов были замечены на демонстрациях так называемых коронадиссидентов, в которых активно участвовали и правые популисты. Однако сейчас партия исправила свои ошибки, ее предвыборная программа получила одобрение части избирателей, о чем свидетельствуют 10–11% голосов [12]. Хуже ситуация улевой партии, ее рейтинг не превышает 7% [12].

Поддержка Альтернативы для Германии в период пандемии упала с 14 до 9–10% [12]. Руководство не смогло выработать последовательную политику в отношении *COVID-19* и программу борьбы с ним. В начале распространения вируса правительство Меркель взяло инициативу в свои руки и провело ряд мер, близких по духу изоляционистским требованиям АдГ: были закрыты границы, ограничен вывоз медикаментов, выделены средства в поддержку бизнеса. В результате правые популисты утратили свою основную роль — критику федеральной власти и евроинтеграции. В поисках новой идентичности популисты совершили резкий поворот — стали критиковать ограничительные меры и поддерживать непопулярное движение коронадиссидентов. Тем не менее АдГ рано списывать со счетов, в связи с чередой скандалов в ХДС/ХСС ее рейтинг возрос и в июне составил 11% [12]. Не следует забывать, что всегда существует часть граждан, которые во время опросов предпочитают не сообщать, что на выборах поддержат правых популистов.

Таким образом, в настоящий момент наиболее вероятной становится “черно-зеленая” коалиция ХДС/ХСС–Союз 90/“Зеленые”. “Зелено-красно-красная” (Союз 90/“Зеленые”–СДПГ–Левая партия), “большая коалиция” (ХДС/ХСС–СДПГ) и “светофор” (Союз 90/“Зеленые”–СДПГ–СвДП) по итогам последних опросов не набирают необходимого числа голосов, к тому же в первом случае трудности составят переговоры “Левых” и “Зеленых”, во втором — положение социал-демократов, понимающих губительное влияние на рейтинг партии в роли младшего партнера, а в третьем — позиция СвДП, уже сорвавшей переговоры в 2017 г. Как представляется, возможными по числу мест в парламенте также были бы коалиции, названные по цветам государственных флагов: “Кения” (ХДС/ХСС–СДПГ–Союз 90/“Зеленые”), “Ямайка” (ХДС/ХСС–Союз 90/“Зеленые–СвДП”) и “Германия” (ХДС/ХСС–СДПГ–СвДП), однако благоприятный исход переговоров маловероятен в силу противоречий между партиями.

“Черно-зеленая” коалиция пользуется поддержкой избирателей, и многое свидетельствует о том, что партии уже провели неофициальные консультации о возможности ее формирования.

Однако, без сомнения, в процессе коалиционных переговоров стороны могут столкнуться со сложностями при обсуждении налоговой политики и радикальности экологических реформ. При этом по внешнеполитическим направлениям за исключением ряда конкретных вопросов значительных противоречий у партий нет.

Одновременно, обсуждая перспективы “черно-зеленой” коалиции, нельзя забывать, что любые политические потрясения могут изменить существующий расклад сил.

* * *

В преддверии выборов в Бундестаг ведущие партии ФРГ стоят перед рядом вызовов. Во-первых, расширение их числа до шести привело к раздроблению голосов избирателей и затрудняет формирование коалиции. Во-вторых, многие партии переживают раскол и находятся в поисках повестки, способной как объединить партийных членов, так и привлечь избирателей.

Предвыборные программы этаблированных немецких партий свидетельствуют о стремлении последних возвратиться к традиционной идентичности. Данная стратегия вызвана как желанием вернуть “свой” электорат, так и опасением, что размывание партийных отличий приводит к росту поддержки популистов.

При этом так называемые народные партии столкнулись с проблемой в процессе поиска кандидатов на пост канцлера. Кандидаты от ХДС/ХСС и СДПГ, по мнению ряда наблюдателей, не обладают достаточной харизмой, а их повестка отличается от основных идей предвыборных программ.

Главным событием данных выборов является подъем партии Союз 90/“Зеленые”. В своей программе “Зеленые” окончательно отказались от идеализма предшественников. Несмотря на то что основная тема партии по-прежнему экология, новое поколение политиков интегрировало климатическую повестку в концепцию экономического развития. В социально-экономической политике “Зеленые” оказались ближе к центру, чем социал-демократы. Они отказались и от радикальных призывов к пацифизму, однако, на наш взгляд, внешняя политика все же не является сильной стороной партии. Недостаток опыта порой приводит последнюю к слишком радикальным высказываниям или решениям, как вызвавший резонанс призыв ее сопредседателя Р. Хаббека поставлять боевое оружие Украине.

В условиях, когда “Зеленые” по внешнеполитическим и социально-экономическим вопросам расположились на партийном спектре немного правее СДПГ, Левая партия осталась единственной радикальной левой силой в Бундестаге. Дан-

ная позиция не позволяет ей вступить в коалиционные переговоры на федеральном уровне. Однако тот факт, что “Левые” отказались от упоминания в программе ряда спорных вопросов, свидетельствует об укреплении сил, выступающих за смягчение требований и переход к более реальной политике. В данном случае перед партией стоит неприятная дилемма: с одной стороны, постоянное нахождение в оппозиции вызывает подозрение в отсутствии “воли к власти” и отталкивает избирателей, с другой стороны, смягчение требований может привести к потере идентичности и очередному кризису, поскольку так называемый левоцентристский фланг уже занят “Зелеными” и СДПГ.

Наибольшие противоречия между право- и левоцентристскими партиями лежат в вопросах налоговой и социальной политики, а также бюджетной дисциплины. Несмотря на то что экологический поворот присутствует в программах всех партий, кроме АдГ, пути достижения климатической нейтральности у политических сил отличаются.

В программах практически всех партий присутствуют темы медицины, цифровизации и дебиюрократизации. Первая тема – это следствие пандемии *COVID-19*. Отставание в цифровизации – давняя насущная проблема ФРГ, которая еще ярче проявилась в период локдаунов. Жалобы на бюрократию являются “общим местом” в немецком обществе. Однако ссылки на цифровизацию и дебиюрократизацию в качестве основных средств модернизации Германии выглядят несколько популистски.

Важно подчеркнуть, что во внешней политике позиции всех партий, за исключением “Левых” и АдГ, близки. Таким образом, резкого изменения внешнеполитического курса после смены власти не ожидается. Право- и левоцентристские партии выступают с критикой внутри- и внешнеполитического курса России. При этом, если в повестках народных партий призывы к сдерживанию соседствуют с призывами к сохранению диалога, то у малых партий позитивная повестка практически отсутствует. Наиболее критическую позицию по отношению к РФ занимают “Зеленые”. Особое беспокойство вызывает тот факт, что при сопоставлении предвыборных программ партий за последние десятилетия можно проследить значительное снижение в них интереса к России и повышение роли Китая. Это в первую очередь характерно для молодого поколения политиков.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Тимошенко Е.П. *Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.)*. Москва, Институт Европы РАН, 2020. 148 с. [Timoshenko E.P. *A party-political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship (2005–2017)*. Moscow, Institut Evropy RAN, 2020. 148 p. (In Russ.)]
2. Bundestagswahl 2017. *Tagesschau*. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2017-09-24-BT-DE/> (accessed 15.06.2021).
3. Павлов Н.В. *Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017)*. Москва, МГИМО-Университет, 2018. 388 с. [Pavlov N.V. *Foreign policy of Chancellor Angela Merkel (2005–2017)*. Moscow, MGIMO-Universität, 2018. 388 p. (In Russ.)]
4. *Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam fuer ein modernes Deutschland*. Available at: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (accessed 22.06.2021).
5. Noten für deutsche Spitzenpolitiker im Juni 2021. *Statista*. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1817/umfrage/noten-fuer-spitzenpolitiker/> (accessed 01.05.2021).
6. *Das Zukunftsprogramm der SPD. Wofür wir stehen. Was uns antreibt. Wonach wir streben*. Available at: <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf> (accessed 10.05.2021).
7. *Nie gab es mehr zu tun. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021*. Available at: <https://www.fdp.de/bundestagswahlprogramm> (accessed 01.06.2021).
8. Grüne verlieren deutlich, Union wiedervorn. *Tagesschau*. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-2653.html> (accessed 16.06.2021).
9. *Deutschland. Alles ist drin. Programm zur Bundestagswahl 2021*. Available at: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Vorlaeufiges-Wahlprogramm_GRUENE-Bundestagswahl-2021.pdf (accessed 19.06.2021).
10. Zeit zu handeln: Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit! *Die Linke.de*. Available at: <https://www.die-linke.de/wahlen/wahlprogrammmentwurf-2021/> (accessed 08.06.2021).
11. *Deutschland aber normal. Programm der Alternativa für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag*. Available at: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (accessed 17.06.2021).
12. *Forschungsgruppe Wahlen*. Available at: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/politbarometer.htm> (accessed 17.06.2021).
13. Boden C. CDU/CSU bekommt Verschnaufpause vom freien Fall in Umfragen – Spahn stürzt im Politiker-Ranking ab. *Mercur.de*, 02.04.2021. Available at: <https://www.mercur.de/politik/umfrage-soeder-laschet-spahn-merkel-cdu-csu-kanzler-bundestagswahl-gruene-spd-fdp-linke-afd-90286882.html> (accessed 17.06.2021).

THE MAIN GERMAN PARTIES AHEAD OF THE 2021 BUNDESTAG ELECTIONS

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 25-33)

Received 27.06.2021.

Maria V. KHOROLSKAYA (khorolskaja.marya@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgments. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The article is devoted to changes in the party-political system of Germany. Elections to the Bundestag are to be held in Germany on September 26. After 16 years of the leadership, Angela Merkel will not run for chancellor. Currently, the main German political parties face challenges. Major parties lose electoral support. The emergence of a new party, the "Alternative for Germany", split votes, and makes it difficult to form a coalition. Parties should also overcome internal split and find their identity in a changing world. An analysis of the electoral programmes revealed that German political parties seek to return to traditional identity. CDU/CSU moves to the right, seeking to win back the AfG supporters. SPD and FDP in their electoral documents also appeal to their traditional electorate. The AfG's nomination of lead candidates supported by the right wing of the party also indicates that the "Alternative for Germany" will move towards radical right-wing positions. The Left Party comes out with radical leftist demands, which limits the possibility of its entry into the coalition. The most successful is the Green Party's electoral strategy. Party leaders abandoned radical demands of their predecessors. Greens advocate a citizen-supported climate program, but pay attention to the economic viability of reforms. According to polls, the black-green coalition (CDU/CSU and Union 90/Greens) seems the most likely. However, in the course of coalition negotiations, the parties may face difficulties in finding a compromise on tax policy and environmental reforms. At the same time, the parties have no significant contradictions on the foreign policy agenda (with the exception of a number of specific issues).

Keywords: Germany, elections to the Bundestag, party-political system, Christian Democratic Union, Christian Social Union, Social Democratic Party of Germany, Free Democratic Party, Union 90/Greens, Left Party, "Alternative for Germany".

About author:

Maria V. KHOROLSKAYA, Candidate of Political Sciences, Research Associate.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33

ГЕРМАНСКАЯ ЭКОНОМИКА: НАСЛЕДСТВО А. МЕРКЕЛЬ

© 2021 г. Б. Зарицкий

*ЗАРИЦКИЙ Борис Ефимович, доктор исторических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (borsar@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 20.06.2021.

В статье анализируются основные этапы развития германской экономики за период 16-летнего правления канцлера Ангелы Меркель (2005–2021 гг.). За это время Германия пережила и достаточно успешно преодолела мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. После последовавших затем 10 лет экономического роста сегодня страна вновь пытается найти выход из кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*. Падение ВВП в минувшем году составило почти 5%. Ожидается, что докризисного уровня экономика Германии достигнет в лучшем случае в конце 2022 г.

Ключевые слова: экономический кризис, пандемия, цепочки поставок, государственный долг, экспортная квота, инвестиции, зарубежные заказы, цифровизация, прогнозы роста экономики.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-34-42

От своего предшественника А. Меркель получила в наследство застой в экономике, самый высокий за послевоенный период уровень безработицы, бюджетный дефицит и госдолг, превышавшие Маастрихтские критерии финансовой стабильности. С другой стороны, именно “красно-зеленое” правительство Г. Шрёдера положило начало давно назревшим реформам социальной системы и регулирования на рынке труда. Это позволило впоследствии немецким властям более гибко реагировать на изменения экономической ситуации.

УСПЕШНЫЙ СТАРТ

Деятельность первого коалиционного правительства во главе с А. Меркель (2005–2009 гг.) началась в условиях улучшения хозяйственной конъюнктуры, что привело к оживлению экономической активности в стране. Уже в 2006 г. ВВП Германии вырос на 2.9%, а в 2007 г. — на 2.5%. Рост экономики сопровождался увеличением занятости и сокращением безработицы. В 2007 г. консолидированный бюджет впервые за много лет был сведен с символическим профицитом [1]. Секрет столь впечатляющих достижений прост: увеличение оборота и прибыли предприятий привело к значительному росту налоговых поступлений, на которые правительство и не рассчитывало.

Что же касается реформаторских усилий самого правительства, то они оставляли противоречивое впечатление. С одной стороны, был сделан разумный шаг в сторону снижения налоговой нагрузки на бизнес, прежде всего на корпорации. В то же время была поднята на 3% ставка НДС и введен так называемый налог на богатых — в результате максимальная ставка подоходного налога

поднялась с 42 до 45%. Принятое правительством Г. Шрёдера решение об ограничении срока выплаты основного пособия по безработице одним годом правительство А. Меркель скорректировало: лица в возрасте старше 50 лет получили право получать пособие в течение 18 месяцев.

В целом за первые два года нахождения у власти правительства “большой коалиции” во главе с А. Меркель социально-экономическая обстановка в стране заметно улучшилась. Умеренными темпами росли ВВП и занятость, снизилась нагрузка на социальную систему, нормализовалась ситуация в сфере государственных финансов, начался рост валовых капитальных вложений. Все это свидетельствовало о том, что экономика Германии подошла к фазе экономического подъема, который, однако, не состоялся под влиянием внешних факторов и рисков, которые в полной мере проявились в 2008 г.

АНТИКРИЗИСНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

Мировой финансовый кризис больно ударил по экономике ФРГ. Во второй половине 2008 г. она вступила в фазу тяжелейшей рецессии. Снижение экспорта товаров и услуг, падение инвестиционной активности и промышленного производства привели к существенному сокращению темпов экономического роста. В 2009 г. падение ВВП составило 5.6%. Выросло число банкротств, в том числе известных в своих нишах компаний. Возникли серьезные проблемы в банковском секторе.

Правительство “большой коалиции” оперативно отреагировало на резкое ухудшение внешних условий хозяйствования. В декабре 2008 г. была принята первая, а в феврале 2009 г. вторая про-

грамма антикризисных мер. Они были направлены на развитие инфраструктуры, повышение спроса со стороны государства на товары и услуги, а также поддержку потребительского спроса. Их совокупный объем составил 100 млрд евро. Предотвратить резкий всплеск безработицы удалось тоже во многом благодаря государственным программам поддержки предприятий, предоставлявшим сотрудникам возможность неполной занятости с частичной компенсацией потери в зарплате. Это позволило избежать массовых увольнений.

Осенью 2008 г. было принято решение о создании Фонда стабилизации финансового рынка (*SoFFin*) в форме предоставления банкам, страховым и финансовым компаниям кредитных ресурсов и государственных гарантий в объеме 480 млрд евро (на деле востребовано оказалось около половины этой суммы). Правительство объявило также о предоставлении безлимитных гарантий по вкладам населения. Все эти меры дали свои результаты, и уже в конце 2009 г. в стране начался восстановительный рост [2].

Если свести воедино основные показатели социально-экономического развития Германии за период деятельности второго коалиционного правительства во главе с А. Меркель (2009–2013 гг.), то картина получится такая. После кризисных 2008–2009 гг. германский ВВП вырос в 2010 г. на 4.1%, а 2011 г. — на 3.7%. Рост, хотя и скромный (+0.5%), продолжился в 2012 и 2013 гг. Германские показатели не поражали воображение, но даже в 2012–2013 гг. они были чуть лучше средних темпов роста ВВП в ЕС и еврозоне [3].

Благоприятно складывалась ситуация и на рынке труда. После роста в 2009 г., когда число безработных поднялось до 3.4 млн человек (8.1%), безработица снизилась до 6.4% в 2013 г. По методике Евростата уровень безработицы в Германии был еще ниже. В еврозоне она составляла в том же году 12%, а в ЕС — 10.9%.

На фоне большинства европейских стран немецкая экономика выглядела довольно устойчиво. Германия оказалась лучше подготовленной к кризису и смогла сравнительно быстро преодолеть его. Важным фактором финансово-экономического оздоровления стали антикризисные государственные программы по оказанию помощи предприятиям, поддержке занятости, санации и рекапитализации банковской системы.

Правительство А. Меркель сумело не допустить безудержного накачивания экономики бюджетными деньгами и своевременно встало на путь самоограничения. Еще на исходе правления “большой коалиции” в 2009 г. был принят закон (*Schuldenbremse*), жестко ограничивающий возможности федерального правительства и земель-

ных правительств прибегать к новым заимствованиям. В результате после 3%- и 4%-го дефицита в 2009 и 2010 гг. в 2011-м консолидированный бюджет был сведен с минимальным превышением расходов над доходами, а в 2012 и 2013 гг. — с небольшим профицитом (0.09 и 0.15%). Государственный долг, достигнув своего пика в 2010 г. (80.2% ВВП), начал постепенно снижаться и в 2013 г. составлял 76.8% ВВП.

На выборы 2013 г. А. Меркель шла с имиджем политика, который лучше других европейских лидеров провел страну через кризис, справился с безработицей и к тому же проявил здоровый национальный эгоизм, не допустив обобществления долгов кризисных стран Южной Европы, как это предлагала Франция.

ЧЕЛОВЕК ГОДА

Выборы 2013 г. прошли в условиях позитивной динамики развития немецкой экономики. Международный валютный фонд утверждал, что Германия вступила в долгосрочную фазу экономического подъема. За 2013–2016 гг. ВВП страны увеличился на 9.2%, что было выше среднего показателя по ЕС (8.3%). В 2017 г. результат оказался даже лучше ожидаемого — экономика выросла на 2.5% [4].

Экономический подъем привел к значительному росту налоговых поступлений. Таким образом, отпала потребность в новых заимствованиях федерального бюджета, на который ложится основная нагрузка по социальным выплатам. Увеличился профицит консолидированного бюджета с 0.15% в 2013 г. до 0.76% в 2016 г. Совокупный государственный долг сократился с 76.8% ВВП в начале legislatury до 68.3% в 2016 г. [5, сс. 184-185].

В мае 2017 г. в Германии было зафиксировано рекордное количество занятых — 32.1 млн человек, что на 2 млн превышало уровень 2013 г. Соответственно уменьшилась безработица — с 6.9% в 2013 г. до 5.7% в 2017 г. Выросли и зарплаты, причем у всех категорий работников — от топ-менеджеров до продавщицы. К концу 2016 г. средняя зарплата в стране увеличилась на 7.4% и составила 3700 евро-брутто.

Правда, не удалось преодолеть разрыв в оплате труда мужчин и женщин, хотя за годы правления “большой коалиции” он несколько сократился. Тем не менее женщины в Германии продолжают получать в среднем на 21.5% меньше мужчин. Эта разница существенно больше, чем в большинстве стран Евросоюза.

Впечатляющих успехов добилась Германия в использовании возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В 2016 г. их доля в производстве

электроэнергии достигла 30.1%. Проблематично сложилась ситуация с обязательством сократить к 2020 г. выбросы вредных газов на 40% по сравнению с 1990 г. Отсутствие серьезного прогресса на этом направлении объяснялось тем, что уголь все еще занимал значительное место в энергобалансе ФРГ. В первичном потреблении его доля в 2016 г. составляла 23.6%, а в электрогенерации — 39.2% [6].

Несмотря на рост ВВП и налоговых поступлений, инвестиционная квота к концу legislatury оставалась на прежнем уровне — около 20% ВВП. Этот показатель был заметно ниже, чем в ряде европейских стран (Франция — 22%, Австрия — 23.1, Бельгия — 23.4, Швеция — 24.9%), и, по мнению экспертов, свидетельствовал о недостаточных капиталовложениях государства в инфраструктуру, ремонт дорог, строительство новых школ и в другие общественные объекты. “Расходы государства на общественные нужды сокращаются. Государственные услуги либо приватизируются, либо повышается их стоимость, либо вводятся дополнительные сборы”, — констатировали в своем докладе члены экспертной комиссии, проводившей исследование по заказу Минэкономики ФРГ [7].

Невыполненным осталось обещание, данное предыдущим консервативно-либеральным правительством, — довести к 2015 г. совокупные расходы на образование и НИОКР до 10% ВВП. К исходу legislatury правительства “большой коалиции” в 2017 г. Германия по уровню финансирования НИОКР соответствовала установкам Лиссабонской стратегии — 3% ВВП, а по доле расходов на образование в ВВП отставала от большинства стран ЕС (4.3%). Выше был соответствующий показатель не только во всех странах Северной Европы, но и во Франции, Бельгии, Австрии, Великобритании, в некоторых государствах Восточной Европы. “Германии следует дополнительно вкладывать в систему образования, прежде всего — начальное, дополнительно 30 млрд евро в год, чтобы выйти на средний уровень расходов развитых стран”, — заявил глава бюро ОЭСР в Берлине Х. фон Майер¹ [8].

Перечень проблем, существовавших в то время в Германии, можно перечислять долго. Как и в любой другой стране, они никогда не исчезают. Меняются их острота и значимость, на месте одних появляются другие, но беспроblemных стран не существует. Важно отметить следующее: общее направление социально-экономического развития Германии шло по восходящей траектории. Экономика уверенно росла, безработица была на низком уровне, немецкие товары — от автомобилей до фармацевтики — хорошо продавались за грани-

цей. В еврозоне и в ЕС голос Германии звучал весомо, а зачастую был решающим. Социологические опросы свидетельствовали, что большинство населения и бизнес в целом довольны деятельностью правительства. Персональный рейтинг А. Меркель внутри страны оставался высоким, а в 2015 г. по версии журнала *Time* она была признана “человеком года”.

Так продолжалось до тех пор, пока решение канцлера принять около 1 млн беженцев из преимущественно мусульманских стран не изменило отношение многих немцев к этой популярной главе правительства. Общественное мнение, настроенное поначалу весьма доброжелательно к беженцам, резко поменялось после теракта 19 декабря 2016 г. в Берлине², нападения мигрантов-арабов на женщин в новогоднюю ночь в Кёльне и одновременно, хотя и в меньших масштабах, в Гамбурге, Штутгарте, Дюссельдорфе и еще нескольких городах.

Обеспокоенное ростом недовольства среди населения руководство ХДС потребовало от канцлера, продолжавшей защищать имидж гостеприимной по отношению к беженцам страны (“Иначе это больше не моя страна”, — заявляла Меркель), сменить тон, а баварские союзники из рядов ХСС настаивали на введении количественных ограничений на прием беженцев. Миграционная политика быстро оказалась в центре внутривнутриполитических дебатов и грозила нарушить относительно спокойную атмосферу накануне предстоявших в сентябре 2017 г. очередных парламентских выборов.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ: МИГРАНТЫ И УГРОЗА РЕЦЕССИИ

Выборы 2017 г. не стали “скучными”, как предсказывали некоторые эксперты. Миграционная тема расколола страну. Блок ХДС/ХСС получил худшие результаты за все 12 лет правления А. Меркель, а СДПГ — худшие за весь послевоенный период. Бенефициаром стала правопопулистская *Альтернатива для Германии* (АдГ). Ставка на жесткую критику миграционной политики правительства нашла отклик у избирателей. АдГ не только прошла в Бундестаг, но и стала там крупнейшей партией парламентской оппозиции.

Расклад политических сил в стране сложился таким образом, что переговоры о формировании нового правительства затянулись на шесть меся-

¹ Государства — члены ОЭСР тратят на образование в среднем 5.2% от ВВП, а Германия — только 4.3%.

² 19 декабря 2016 г. грузовик-фура с полуприцепом въехал на заполненную людьми территорию рождественского базара на площади Брайтшайдплац в берлинском районе Шарлоттенбург. В результате наезда под колесами фуры погибли 11 человек, более 50 посетителей получили ранения различной степени тяжести. Ответственность за теракт взяла на себя организация “Исламское государство” (запрещенная в РФ организация).

цев. Оно приступило к работе только в марте 2018 г. После длительного торга и серии политических скандалов в конечном счете вновь была создана “большая коалиция” в составе ХДС/ХСС и СДПГ. Канцлером в четвертый раз стала А. Меркель, хотя личный рейтинг *фрау канцлерин* был далек от прежних показателей.

Новый коалиционный договор под претенциозным заголовком “*Прорыв для Европы, новая динамика для Германии*” и в прессе, и в экспертных кругах комментировали вяло. Всем было ясно, что речь идет о компромиссном политическом документе, в котором СДПГ постаралась подороже “продать” свое согласие на участие в правительстве, а ХДС/ХСС были вынуждены “заплатить” за это согласие затребованную цену.

В содержательной части договора наиболее значимыми были обязательства отменить к 2021 г. введенный после объединения Германии налог солидарности, выровнять уровень пенсий в новых и старых землях, увеличить пособия на детей, довести к 2025 г. расходы на НИОКР до 3.5% ВВП, качественно улучшить сетевую инфраструктуру для обеспечения повсеместного доступа к быстрому Интернету, увеличить к 2030 г. долю возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии до 65% и добиться окончательного выхода из угольной энергетики. В документе появился также абзац о создании в Германии инфраструктуры для СПГ, то есть терминала по приему сжиженного природного газа, поставщиком которого должны были стать Соединенные Штаты.

В разделе, посвященном миграционной политике, под давлением настроений в обществе был зафиксирован пункт об установлении верхнего предела приема беженцев (180–220 тыс. в год) и установлена квота на воссоединение семей (не более 1000 человек в месяц) [5, сс. 190–191].

Отношение к мигрантам стало настолько болезненной темой, что летом 2018 г. возник конфликт между традиционными партнерами. Председатель ХСС и глава МВД Х. Зеехофер пригрозил отставкой, если не будет введен запрет на прием беженцев, ранее уже получивших отказ в предоставлении убежища либо изначально зарегистрированных в другой стране ЕС. А. Меркель настаивала, что такие вопросы должны решаться на общеевропейском уровне, а не в одностороннем порядке. После состоявшегося 28–29 июня 2018 г. саммита ЕС в Брюсселе компромисс вроде бы был найден, но никто не мог поручиться, насколько долговечным он окажется.

Что касается перспективы развития социально-экономической ситуации в стране, то в целом она выглядела достаточно благоприятно, хотя многие эксперты предупреждали, что пик высокой

конъюнктуры остался позади, а эпоха низких процентных ставок не будет длиться вечно. Серьезную проблему немецкие экономисты усматривали в том, что в последние годы низкими темпами растет производительность труда в промышленности, несмотря на внедрение новых технологий. По критерию “стоимость произведенной продукции в пересчете на одного занятого” Германия, по данным Еврокомиссии, занимала 12-е место. Ее опережали не только США, но и Бельгия, Ирландия, Австрия, Швеция, Нидерланды и еще целый ряд европейских стран.

Тем не менее после весьма удачного 2017 г., когда немецкая экономика выросла на 2.5%, официальные прогнозы исходили из того, что в ближайшие годы рост продолжится темпами выше 2%. Однако реальность оказалась хуже прогнозов. В 2018 г. ВВП увеличился на 1.5%, а в 2019 г. — лишь на 0.6%. Правда, консолидированный бюджет снова оказался профицитным, но разочарование по поводу замедления темпов роста экономики было велико.

Эксперты Всемирного банка заговорили о грядущей рецессии и в рейтинге *Doing Business 2020* поместили Германию на 22-е место — после Грузии, Латвии и Тайланда. Руководители предпринимательских союзов по привычке жаловались на непосильное налоговое бремя, обилие бюрократических барьеров и высокую стоимость электроэнергии. Специалисты научных центров видели главную причину начинавшегося застоя в экономике в том, что перед угрозой торгового конфликта с США и в ожидании негативных последствий от предстоявшего выхода Великобритании из Евросоюза предприятия экспортно ориентированных отраслей немецкой промышленности опасаются наращивать производство и инвестиции. В Минэкономики были настроены более оптимистично и продолжали утверждать, что замедление темпов роста носит временный характер и в ближайшем будущем все вернется на круги своя.

ЕЩЕ ОДИН КРИЗИС

Кризис, вызванный распространением *COVID-19*, стал беспрецедентным шоком для немецкой экономики. У правительства Германии не оказалось заранее подготовленного плана действий по оказанию помощи хозяйствующим субъектам в условиях жестких карантинных мер. В марте 2020 г. в спешном порядке был подготовлен пакет антикризисных мер (кредиты, государственные гарантии, безвозмездные субсидии, налоговые послабления и др.) для поддержки как крупных, так и малых предприятий, самозанятых, лиц свободных профессий. Важную роль сыграли земли, которые в дополнение к федеральным выделили собственные средства на оказание помощи бизнесу.

Чтобы обеспечить государственные антикризисные программы необходимыми средствами, правительство временно приостановило действие закона о сбалансированном бюджете. По оценке МВФ, совокупный объем финансовых ресурсов, выделенных на поддержку бизнеса и стимулирование потребительского спроса, составил около 38% ВВП. Это был один из самых высоких показателей среди стран ОЭСР. Но “залить” кризис деньгами не удалось. Тесно интегрированная в мирохозяйственные связи и ориентированная на экспорт экономика Германии впервые в таких масштабах столкнулась с проблемой разрыва в глобальных цепочках поставок.

Жесткие карантинные меры и остановка производства в начале 2020 г. в некоторых провинциях Китая, а затем на севере Италии и в ряде регионов Испании, где расположены крупные поставщики для немецкой автомобильной и машиностроительной промышленности, сразу осложнили положение в ключевых отраслях экономики ФРГ. В середине марта временно приостановили работу концерны *Volkswagen*, *Daimler* и *BMW*. Ограничения на проведение выставок и ярмарок, деловых конференций и встреч, на передвижение между гражданами ЕС и внешним миром больно ударили по воздушным и железнодорожным перевозкам, ресторанно-гостиничному бизнесу, розничной торговле, индустрии развлечений, всей туристической отрасли³.

Несмотря на принятые правительством меры для поддержки бизнеса и робкие признаки оздоровления экономики в конце года, в целом итоги 2020 г. оказались удручающими. Спад в промышленности составил 10.4%, в сфере услуг – 6.3%, ВВП страны сократился почти на 5%. Бюджет впервые после 2011 г. снова стал дефицитным – 4.8% ВВП. Экспорт – драйвер немецкой экономики, не распавшийся положение, уменьшился на 9.3% [9].

Очередной локдаун, введенный в Германии в разгар третьей волны пандемии, усугубил положение в экономике. В результате антивирусных ограничений сильно пострадал потребительский спрос, и в I кв. 2021 г. ВВП страны снова сократился на 1.7%. Эксперты *Eurostat* сетовали, что ослабление конъюнктуры в Германии затянуло в минус всю экономику еврозоны.

ПРОГНОЗЫ НА БУДУЩЕЕ: ОПТИМИСТЫ И СКЕПТИКИ

Сценарии дальнейшего развития событий меняются в зависимости от новых данных об эпидемиологической ситуации в стране и решений

³ Об этом см. подробнее: Белов В.Б. Последствия пандемии коронавируса для экономики Германии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 2, сс. 83–84.

правительства об ужесточении или ослаблении ограничительных мер. Авторитетный Совет экспертов при правительстве (“пять мудрецов”) в середине марта прогнозировал весьма умеренный рост экономики в 2021 г. на уровне 3.1%, а в 2022 г. – 4%. По этому сценарию на докризисный уровень экономика Германии должна была выйти во второй половине будущего года, а к концу года преодолеть его [10, S. 24–25].

Эксперты известной консалтинговой компании *McKinsey* в апреле давали куда более пессимистические оценки. Ссылаясь на проведенное исследование положения дел в промышленности и сфере услуг, они предупреждали, что последствия *COVID-19* для экономики Германии во многих отношениях могут оказаться серьезнее последствий финансового кризиса 2008 г. На докризисный уровень она сможет вернуться в лучшем случае к 2028 г. при условии, если произойдет ускорение реформ по комплексной цифровизации производственных процессов и систем управления логистикой. В противном случае, утверждал глава немецкого подразделения *McKinsey* К. Баур, полное восстановление экономики в текущем десятилетии будет невозможно [11].

Судя по поступающей информации о росте новых заказов в промышленности, повышении инвестиционной активности предприятий и позитивной динамике экспорта, похоже, что эксперты *McKinsey* сгущают краски. В начале лета Минэкономики ФРГ и научные центры повысили прогнозы роста экономики страны в 2021–2022 гг. Теперь они варьируются в диапазоне от 3.5 до 4%. Импульсы для роста связывают прежде всего с быстрым увеличением спроса на немецкую промышленную продукцию в Китае и США. Ориентированные на глобальные рынки германские концерны основную проблему видят не столько в нехватке заказов, сколько в разрыве транспортно-логистических цепочек, когда постоянно возникают сбои в поставках сырья, узлов и компонентов.

Проводившиеся опросы среди предпринимателей свидетельствуют, что настроения в немецком бизнес-сообществе очень разные. Много зависит от отрасли и региона. Уверенно чувствуют себя крупные фармацевтические компании, производители медицинской техники, станков и оборудования, электротехнической продукции. В большинстве предприятия этого профиля находятся на юге и западе страны – в Баден-Вюртемберге, Баварии и в земле Северный Рейн-Вестфалия. На севере и востоке оптимизма меньше. Серьезные трудности испытывают прежде всего малые и средние предприятия (МСП), особенно в сфере услуг. Многие из них исчерпали собственные резервы, и их платежеспособность во многом зависит от финансовой поддержки государства [12].

В целом ситуация в экономике остается лабильной, и на многие вопросы нет однозначных ответов. Как долго правительство сможет, не опасаясь всплеска инфляции, “накачивать” экономику бюджетными деньгами и что будет со многими предприятиями, когда оно перестанет это делать? Госдолг ФРГ в 2021 г., по предварительным оценкам, составит 72.6% ВВП, инфляция пока растет умеренными темпами, но быстрее, чем в других странах еврозоны, и к концу года, скорее всего, превысит 3%.

Европейский центральный банк (ЕЦБ) тоже не сможет бесконечно поддерживать процентные ставки на беспрецедентно низком уровне (основная ставка рефинансирования ЕЦБ составляет сегодня 0%, а депозитная ставка – минус 0.5%). Свертывание программы “количественного смягчения” (*Quantitative easing, QE*) в очередной раз отложено до марта 2022 г., но рано или поздно точку ставить придется. Для многих малых и средних предприятий повышение стоимости кредитных ресурсов в сочетании с запланированным в 2022 г. сокращением мер государственной поддержки станет ударом, выдержать который смогут далеко не все.

Нет полной определенности и с динамикой заказов в промышленности. После впечатляющего роста в I кв. 2021 г. в апреле и мае был зафиксирован незначительный спад. Главная причина – все еще слабый внутренний спрос. Заказы поступают в основном из-за рубежа, причем преимущественно из “третьих стран” за пределами Евросоюза, на который обычно приходится почти 60% германского экспорта. Расчет на то, что спрос на промышленную продукцию ФРГ на рынках США и Китая “вытянет” всю немецкую экономику, выглядит не убедительно.

СПАСЕТ ЛИ КИТАЙ ГЕРМАНИЮ?

В 2020 г. произошло обвальное сокращение товарооборота между ФРГ и практически всеми ее главными партнерами, включая США [13]. Германский экспорт на американский рынок просел на 12.5%. Таким образом, весьма умеренный рост сегодня начинается с низкого старта. К тому же до сих пор не урегулированы торговые споры, возникшие в период правления Д. Трампа. Предложение координатора германского правительства по трансатлантическому сотрудничеству П. Байера вернуться к рассмотрению вопроса о заключении соглашения о свободной торговле между ЕС и США, сделанное им накануне первой зарубежной поездки президента Д. Байдена в Европу, пока остается без ответа.

Китай – единственная страна с крупной экономикой, с которой у Германии в кризисном

2020 г. увеличился товарооборот. Но увеличился он за счет импорта, а экспорт сократился, правда, на символические 0.1%. Уверенное восстановление китайской экономики после пандемии *COVID-19* сопровождается увеличением инвестиций, внутреннего спроса и импорта, что вызывает прилив оптимизма в немецких деловых кругах. Растущий китайский рынок, на котором представлено более 5 тыс. немецких фирм, превратился для Германии во второй по значимости после американского. Объемы продаж здесь у ряда крупнейших концернов, входящих в биржевой индекс *DAX*, составляют 25% и выше. Но отношения Германии со своим главным торговым партнером складываются далеко не безоблачно.

Шестой раунд германо-китайских межправительственных консультаций (апрель 2021 г.) проходил на фоне взаимного обмена санкциями между ЕС и КНР, что поставило под удар судьбу инвестиционного соглашения между Брюсселем и Пекином, заключения которого после семи лет переговоров в конце декабря 2020 г. добилась А. Меркель за несколько дней до истечения срока полномочий Германии в качестве председательствующей страны в Совете ЕС. В мае 2021 г. Европарламент, в том числе и голосами немецких депутатов, заблокировал ратификацию соглашения до тех пор, пока Китай не откажется от своих рестрикций против нескольких европарламентариев, которые были приняты в ответ на санкции самого ЕС против китайских чиновников по обвинению в преследовании и массовом интернировании уйгуров в китайском автономном районе Синьцзян.

Примерно в это же время в Бундестаге шли жаркие дискуссии на тему, следует ли квалифицировать политику китайских властей в отношении уйгуров как проявление геноцида. Буквально за несколько дней до начала межправительственных консультаций Бундестаг принял поправки к Закону о мерах по обеспечению безопасности в сфере информационных технологий, которые значительно ограничили возможности участия китайского концерна *Huawei* в создании сетей *5G* на территории Германии. Посольство КНР в Берлине отреагировало незамедлительно: Китай не оставит без последствий недружественные действия германских властей [14].

Выстраивание политики Берлина на китайском направлении в чем-то напоминает попытку испечь многослойный пирог. Здесь и необходимость учитывать заинтересованность бизнеса в расширении торгово-экономических связей, и претензии того же бизнеса к китайским властям по поводу того, что те “играют не по правилам”, и требования оппозиции “наказать” Китай за нарушения прав человека, и разногласия внутри ЕС относительно

реакции на китайский проект “Один пояс, один путь”, и давление США на союзников с целью добиться тесной координации европейской политики в отношении Китая с Вашингтоном. До сих пор А. Меркель удавалось лавировать, ставя при этом во главу угла экономические интересы страны. Сумеет ли так же умело это делать следующее правительство, особенно если в него войдут чувствительные к правозащитной проблематике и к пожеланиям Вашингтона “Зеленые”, — большой вопрос.

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Германская экономика не раз доказывала свою устойчивость к внешним шокам. Даже в сегодняшней ситуации положение ФРГ выглядит более предпочтительно по сравнению с большинством европейских стран. Конкурентоспособная и диверсифицированная промышленность, все еще приемлемый по нынешним меркам уровень государственного долга и способная вовремя нажать на тормоза бюджетная политика, доверие инвесторов, более гибкий, чем в прошлом, рынок труда — все это позволяет рассчитывать, что спад, связанный с пандемией, не затянется надолго. В пользу такого предположения говорит и ускорение темпов вакцинации, что позволит ослабить оставшиеся ограничения. Это в свою очередь позитивно скажется на сфере услуг и потребительском спросе.

Достигнет экономика Германии докризисного уровня на несколько месяцев раньше или позже — в конце концов не самое главное. Важнее, чтобы рост был устойчивым и продолжительным. А вот уверенности в том, что события будут развиваться именно по такому сценарию, среди немецких экс-

пертов нет. Среднесрочные прогнозы ведущих научных центров свидетельствуют, что на временном горизонте после 2022 г. ожидания высоких темпов роста заканчиваются. Даже Минэкономики ФРГ не планирует в 2023–2025 гг. темпы роста ВВП выше 1% в год (см. рисунок).

Причины такой осторожности в целом понятны. Имея экспортную квоту 47% ВВП, накопленные прямые инвестиции за рубежом на сумму 1.4 трлн евро и 27 тыс. предприятий с участием немецкого капитала за пределами страны, Германия сильнее всего зависит от состояния мировой экономики и мировой торговли. Между тем ни эксперты Всемирного банка, ни аналитики ВТО после восстановительного всплеска в 2021–2022 гг. не обещают радужных перспектив. Слишком велики факторы неопределенности и риски, связанные с вероятностью возникновения новых волн эпидемии, слабым спросом и вялой инвестиционной активностью предприятий на фоне неясных перспектив, быстрым ростом государственных и частных долгов.

Есть и внутренние ограничители роста. О главных проблемах начали говорить задолго до нынешнего кризиса. В Германии регулярно появляются книги с почти одинаковыми заголовками. Звучат они примерно так: “Проблемы стареющего общества” (*Die Probleme der alternden Gesellschaft*). Названия говорят сами за себя. Низкая рождаемость в сочетании с ростом продолжительности жизни увеличивают нагрузку на социальную систему, снижают предложение на рынке труда, а в некоторых сегментах экономики создают дефицит рабочей силы. Если раньше в Германии говорили о нехватке высококвалифицированных кадров (на-

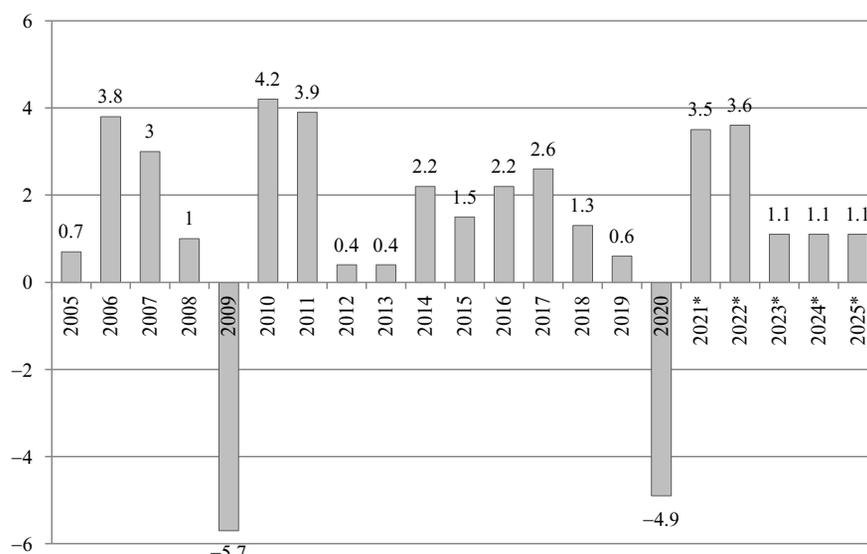

Рис. Динамика роста ВВП Германии и прогноз на 2021–2025 гг., %

Источник: [15].

пример, IT-специалистов), то сегодня рабочих рук недостает по широкому кругу профессий.

О новых проблемах тоже известно. Ключевую в 2019 г. озвучил министр экономики П. Альтмайер в своей концепции “Национальная промышленная стратегия-2030” (*Nationale Industriestrategie 2030*). Речь шла о том, что Германия отстает от своих основных конкурентов с внедрением в коммерческий оборот цифровых технологий и искусственного интеллекта, что создает угрозу конкурентоспособности немецкой промышленности. Рецепты, которые предлагал П. Альтмайер для повышения жизнестойкости отечественных компаний (возвращение к проведению вертикальной промышленной политики под эгидой государства, возвращение “национальных чемпионов”, способных противостоять крупным китайским и американским концернам, и др.), вызвали тогда острую полемику в политических и деловых кругах. Но само наличие проблем, названных министром в указанном выше документе, никто не оспаривает (напомним о предупреждении экспертов из *McKinsey*).

Простые граждане по-своему определяют круг стоящих перед страной трудностей, и с этим придется считаться новому правительству. Судя по результатам опроса, проведенного в апреле 2021 г. сотрудниками исследовательского подразделения Федерального ведомства статистики ФРГ, жителей Германии волнуют прежде всего две темы – изме-

нение климата (26%) и экономическая ситуация в стране (25%). Примечательно, что осенью 2019 г. только 5% опрошенных выражали озабоченность в связи с положением в экономике. Заметно увеличилось число тех, кто считает главной проблемой рост цен и безработицы (15%). Относительно стабильно количество людей, которых тревожит положение дел в системе здравоохранения и социального обеспечения (17%). С 36 до 16% за два года сократилось число недовольных миграционной политикой властей. Меньше всего, как ни странно, немцев волнуют сегодня проблемы налогов (3%), хотя отношение к этой теме всегда было очень щепетильным [16].

После 10 лет экономического роста, который начался сразу после кризиса 2009 г. и продолжался вплоть до спада в 2020 г., А. Меркель оставляет страну не в лучшем состоянии. Настроения в обществе не предреволюционные, но недовольных много. Люди устали от всего, что связано с пандемией, и от примелькавшихся годами политических деятелей, далеко не всегда в период кризиса действовавших наилучшим образом. Все ждут конца эпидемии и прихода в политику новых лиц. Будут ли новые лучше старых – никто не знает. При всех обстоятельствах в новейшей истории Германии А. Меркель останется крупной политической фигурой, масштаб которой еще предстоит оценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Die Finanzkrise meistern – Wachstumskraefte staerken. Jahresgutachten 2008/09*. Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung. Wiesbaden, 2008. 573 p. Available at: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/download/gutachten/ga08_ges.pdf (accessed 15.06.2021).
2. *Deutschland in der Finanz- und Wirtschaftskrise*. Deutsche Bundesbank. Monatsbericht, Oktober 2010. Available at: <https://www.bundesbank.de/resource/blob/692960/d75a835731e9525d9113254d6ece94f9/mL/2010-10-ueberblick-data.pdf> (accessed 15.06.2021).
3. *Statistisches Jahrbuch 2014. Deutschland und Internationales*. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2014. Available at: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEAusgabe_derivate_00000208/Statistisches-Jahrbuch2014.pdf;jsessionid=AC16E79C380E0FEB56A05878B006623B (accessed 15.06.2021).
4. *Bruttoinlandprodukt (BIP) und Wirtschaftswachstum. Statistisches Bundesamt (Destatis)*. Wiesbaden, 2021. Available at: <https://de.statista.com/themen/26/bip/> (accessed 15.06.2021).
5. Зарицкий Б.Е. *Экономика Германии*. Москва, МГИМО-Университет, 2019. 487 с. [Zaritskii B.E. *German Economy*. Moscow, MGIMO-University, 2019. 487 p. (In Russ.)]
6. *Energie fuer Deutschland 2020. Fakten, Perspektiven und Positionen im globalen Kontext*. Available at: https://www.weltenergie.de/wp-content/uploads/2020/06/Energie-f%C3%BCr-Deutschland-2020_small.pdf (accessed 15.06.2021).
7. *Die Zusammensetzung des öffentlichen Budgets in Deutschland*. Muenchen, ifo-Institut. 2018. Available at: <https://www.ifo.de/publikationen/2018/monographie-autorenschaft/die-zusammensetzung-des-oeffentlichen-budgets> (accessed 15.06.2021).
8. *Ländernotiz Deutschland – Bildung auf einen Blick 2018: OECD-Indikatoren*. Available at: https://www.oecd.org/berlin/publikationen/EAG2018_CN_DEU-GER.pdf (accessed 15.06.2021).
9. *Wirtschaftliche Auswirkungen. Statistiken mit Bezug zu COVID-19*. Statistisches Bundesamt (Destatis). Wiesbaden, 2021. Available at: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Querschnitt/Corona/Wirtschaft/kontextinformationen-wirtschaft.html> (accessed 15.06.2021).
10. *Konjunkturprognose 2021 und 2022*. Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung. Wiesbaden, 17. Maerz 2021. 55 p. Available at: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/Konjunkturprognosen/2021/KJ2021_Gesamtausgabe.pdf (accessed 15.06.2021).

11. Kollaps der Volkswirtschaft: Minus 15 Milliarden Euro pro Woche. *Spiegel*, 1. Mai, 2020. Available at: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/corona-krise-in-deutschland-bip-mit-15-milliarden-euro-pro-woche-im-minus-a-70fb7949-c7bd-458d-80e2-7106e82e75d7> (accessed 15.06.2021).
12. *Konjunktur je nach Branche und Region unterschiedlich*. Der Informationsdienst des Instituts der deutschen Wirtschaft, Koeln, 12. Mai, 2021. Available at: <https://www.iwd.de/artikel/konjunktur-je-nach-branche-und-region-unterschiedlich-509740/> (accessed 15.06.2021).
13. *Größter Rückgang seit der Finanzkrise: Deutsche Exporte brechen 2020 ein*. *Handelsblatt*, 9. Februar, 2021. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/coronakrise-groesster-rueckgang-seit-der-finanzkrise-deutsche-exporte-brechen-2020-ein/26895788.html/> (accessed 15.06.2021).
14. Deutschland und China: Beziehung unter Stress. *Deutsche Welle*, 28.04.2021. Available at: <https://www.dw.com/de/deutschland-und-china-beziehung-unter-stress/a-57354038> (accessed 15.06.2021).
15. *Veränderung des Bruttoinlandsprodukts (BIP) in Deutschland von 2005 bis 2020 und Prognose der Bundesregierung bis 2025*. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/164923/umfrage/prognose-zur-entwicklung-des-bip-in-deutschland/> (accessed 15.06.2021).
16. *Umfrage zu den wichtigsten Problemen für Deutschland 2021*. Statista Research Department, 27. April 2021. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/umfrage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/> (accessed 15.06.2021).

GERMAN ECONOMY: ANGELA MERKEL'S HERITAGE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 34-42)

Received 20.06.2021.

Boris E. ZARITSKIY (borsar@mail.ru),

Moscow State Institute of International Relations, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

The article analyses the main stages of development of the German economy during the 16-year reign of Chancellor Angela Merkel (2005–2021). During this period, Germany was reasonably successful in dealing with the impacts of the world financial and economic crisis it faced in 2008–2009. The 10 subsequent years witnessed economic growth, however, today the country is once again trying to find a way out of a crisis this time caused by the COVID-19 pandemic. In 2020, the GDP fell by almost 5%, while the industrial production declined by 10.4%. The return to the growth trajectory is being linked to improving the epidemiological situation and increasing foreign orders, primarily from China and the United States. The German economy is expected to reach pre-crisis levels in late 2022. Projections for further development assume that, due to a number of internal constraints and external risks, the GDP growth will not exceed 1% in 2023–2025. Angela Merkel is not leaving the country in the best of shapes. It is not her fault. Germany's economy has more than once demonstrated its resilience to external shocks. Even today, Germany's position looks preferable to that of most European countries. Its main advantage is a diversified and competitive industry, but the sentiments in the German business community vary greatly. Much depends on the sector and region. Small and medium-sized enterprises (SMEs), especially in the service sector, have been particularly hard hit. Many of them have run out of reserves, and their capacity to pay now depends largely on the financial support of the State. How long can the government "pump up" the economy with budget money without fear of a surge in inflation? Nor will the European Central Bank (ECB) indefinitely maintain interest rates at historically low levels. For many SMEs, the increase in the cost of credit, combined with the inevitable reduction in government support, will be a blow that not all will be able to withstand. People are tired of everything related to the pandemic and the years of familiar politicians. Everyone is waiting for the end of the epidemic and for new faces in politics. Whether the new politicians will be better than the old ones is a big question. Under all circumstances, in Germany's recent history, Angela Merkel will remain a major political figure whose scale is yet to be truly appreciated.

Keywords: economic crisis, pandemic, supply chains, state debt, export quota, investments, foreign orders, digitalisation, economic growth forecasts.

About author:

Boris E. ZARITSKIY, Doctor of History, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-34-42

ГЕРМАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ ЭПОХИ КАНЦЛЕРА А. МЕРКЕЛЬ

© 2021 г. В. Васильев

*ВАСИЛЬЕВ Виктор Иванович, доктор политических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (vvi-1947@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 03.06.2021.

Статья посвящена анализу политического наследия канцлера Германии А. Меркель в плане его возможного использования новым правительством ФРГ в ходе будущей трансформации страны и модернизации Евросоюза. Рассмотрены тенденции политики Берлина в развитии европейского суверенитета в условиях вызовов в сферах климата, экологии, здравоохранения, пандемии, безопасности, обороны, украинского конфликта, других кризисов. Особое место занимают подходы официального Берлина, политических партий ФРГ к возможному обновлению ЕС, направленному, по оценкам партии “Зеленых”, на преодоление “застоя” прежнего Кабинета министров. Насколько будет востребован опыт А. Меркель новым руководством ФРГ для противодействия разобщенности Евросоюза, закрепления стратегического суверенитета Европы на фоне конкуренции великих держав? Будет ли эффективным взаимодействие Берлина с Парижем и другими партнерами в реализации программ по выходу из постковидной ситуации, иным вопросам? Внесут ли правящие партии Германии предложения по нормализации отношений РФ–ФРГ–ЕС, или инерция мышления предполагает лишь ожидание прорывных идей со стороны Москвы?

Ключевые слова: Меркель, Германия, Европейский союз, НАТО, европейская интеграция, европейский суверенитет, европейская армия, пандемия, Россия, отношения РФ с ФРГ и ЕС, украинский конфликт.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-43-55

Политика в Европе, США, других регионах мира в определенной мере детерминирована стилем управления действующих лидеров, элит и характеризуется как ситуативная, реактивная, импульсивная. Взаимная корректность, уважительное отношение, традиционная выдержка партнеров в рамках дипломатических контактов уступают место пропаганде с оскорбительной риторикой, обоюдной неприязнью, налицо эрозия политической культуры, общедемократического свода приличий в целом. Вакцинная конкуренция – противостояние в сфере продвижения вакцины одной страны в ущерб другой – обнажила лицемерие политического истеблишмента стран, которые лишь на словах заявляют о готовности сделать все возможное для защиты жизни граждан. Политический эгоизм сводит на нет высшую ценность цивилизации – спасение человеческой жизни, девальвирует принципы солидарности, взаимной помощи, создает ложное ощущение превосходства, вседозволенности. В условиях напряженности между РФ и Западом, “посольских войн”, ослабления роли европейских и международных институтов, прогрессирующей государственной деменции, аберрации исторической памяти лидеры стран, элиты, экспертное сообщество призваны демонстрировать приверженность рациональной политике, достоверности документально подтвержденных фак-

тов, предлагать научно обоснованные выводы, прогнозы и рекомендации.

Стиль и методы управления канцлера А. Меркель всегда находились в центре пристального внимания европейской и мировой общественности, которая отдает должное лидеру крупной европейской державы, ценит ее вклад в сохранение единства ЕС, стабильности на континенте и в других регионах мира. В то же время немецкие и зарубежные политики и эксперты подвергают А. Меркель критике за ее просчеты, созданную систему управления ХДС и Германией, ошибки в противодействии распространению пандемии коронавируса.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАНЦЛЕРА А. МЕРКЕЛЬ

В период долгового кризиса канцлер способствовала сохранению единого денежного знака евро, ставшего частью исторической и культурной идентичности, показателем социального мира, экономического благополучия, политической стабильности Евросоюза. Консолидируя “благополучный север ЕС”, потворствуя политическим амбициям “младоевропейцев” с одновременными финансовыми вливаниями в их неустойчивую экономику, несмотря на обиды “южан”, А. Меркель создала солидный задел прочности Европейского

союза на будущее. При осуществлении курса под лозунгом “Я хочу служить Германии, Европе!” задачи канцлера подчинены одному стратегическому замыслу — достижению победы ХДС/ХСС на выборах в Бундестаг, сохранению влияния Берлина на ЕС. За усилия на этих и других направлениях, верность трансатлантической солидарности А. Меркель называют хранительницей либеральных ценностей Европы.

Первая в германской истории женщина-канцлер продемонстрировала аналитические и управленческие способности прекрасного пола. Ряд экспертов говорит о таком явлении, как “меркелизм”, — системе прежде всего политического долголетия. Он многолик, складывается из многих составляющих. Среди них — политический нарциссизм, порожденный завышенной самооценкой А. Меркель и уверенностью в том, что она является самой могущественной женщиной-политиком в мире. Другая грань “меркелизма” — инерция мышления, которая сковывает собственные поступки, интеллектуальную мысль, тормозит реформы внутри партии, блокирует споры по актуальной повестке дня, консервирует архаичный стиль управления. Меркель не терпит оппонентов, поэтому в ХДС так велик дефицит кадров, особенно из молодого поколения: страна расколота. Миграционная политика канцлера вызвала брожение внутри блока ХДС/ХСС, способствовала выходу из партии активистов с многолетним опытом работы, привела к созданию внутрипартийных течений. На волне евроскептицизма, ошибок в миграционной политике канцлера партия “Альтернатива для Германии” (АдГ) смогла расширить партийный контингент и теперь представлена во всех земельных парламентах, Бундестаге, Европарламенте (ЕП).

На завершающем этапе своей государственной карьеры канцлеру А. Меркель пришлось сдать самый главный экзамен в своей биографии — противодействие распространению коронавирусной инфекции. В чрезвычайных обстоятельствах как никогда были востребованы опыт и авторитет Меркель. Анализ практики взаимодействия Берлина с Брюсселем, Парижем, другими странами ЕС в борьбе с инфекцией позволяет сделать некоторые выводы.

- На первом этапе борьбы с пандемией диагностическое оборудование, высокая квалификация врачей и медперсонала подтвердили передовые позиции Германии в сфере охраны здоровья граждан. Но дальнейшее заметное повышение цифр заражения инфекцией (за сутки регистрировалось от 20 тыс. до 23 тыс. жителей ФРГ) привело к нарушению традиций рождественских праздников, обычного ритма повседневной жизни. На проводимых канцлером регулярных видеоконференциях с участием руково-

дителей федеральных земель согласовывались решения, скорее, реактивного характера.

- Пандемия коронавируса стала значительным фактором внутренней, европейской, международной политики. Она заметно повлияла на социально-экономическую, общественную составляющую, усилила негативные тенденции, придав им новое качество [1].

- Пандемия выявила уязвимость системы здравоохранения, разрушила представления об устойчивости передовых школ медицины в ключевых европейских странах, вызвала рост протекционистских и изоляционистских настроений, поставила под сомнение качество прогнозов об устойчивом развитии Евросоюза как наиболее продвинутом цивилизационном проекте.

- Мировая экономика впервые с 1930-х годов впала в самую глубокую рецессию, разрыв между богатыми и бедными странами увеличился, возросла опасность протекционизма. В ФРГ экономика просела в ряде стратегически важных отраслей производства экспортной продукции.

- Пандемия не привела к снижению насилия в кризисных точках и регионах мира. На фоне ослабления усилий по преодолению конфликтных ситуаций великие и региональные державы продолжают соперничество за статус, влияние, гегемонию.

- Заметно обострились споры об эффективности модели взаимодействия между Центром, землями, муниципальными структурами в ФРГ. Назрела необходимость реформ германского федерализма.

- В фокусе дискуссий находится безработица среди молодежи. Государство, реальный и частный секторы экономики, профсоюзы обеспокоены будущим молодого поколения, которое может превратиться в “потерянное поколение Короны”.

- Коронавирус подтвердил необходимость учета прогнозов и рекомендаций научного сообщества. Еще в 2012–2013 гг. Институт Роберта Коха разработал сценарий возможной вспышки пандемии, который во многом подтвердился в 2020 г. Эксперты исходили из трех волн пандемии с экономическим ущербом, надломом системы здравоохранения, чувством страха, неуверенностью людей, мутацией вируса. Сценарий описывает практически “один к одному” ситуацию 2020 г., включая дефицит оборудования, проблемы кадров, логистики и т. д. [2].

Примечательно, что в 2012 г. вопрос о профилактике предотвращения пандемии был рассмотрен на одном из заседаний Бундестага с участием экспертов Института Коха, 10 федеральных ведомств и структур. С немецкой педантичностью, точно-

стью был проведен системный анализ возможных рисков и угроз, сделаны выводы и прогнозы. Поставлены задачи государственного уровня, очерчены ключевые направления стратегического планирования на случай чрезвычайных ситуаций [3].

- Правительство ФРГ своими первыми успехами борьбы с пандемией обязано хорошему уровню системы здравоохранения. По мере распространения инфекции канцлер и ее команда либо колебались, либо действовали слишком поздно. Вскрывая ошибки, некоторые эксперты прибегали к метафорам, сравнивая, например, управление самолетом в исполнении профессионального летчика и посредственного пилота. Большой самолет, управляемый А. Меркель, не всегда уверенно держит курс, иногда в зонах турбулентности теряет равновесие [4].

Отменив собственное решение ужесточить карантин на Пасху весной 2021 г., канцлер смогла отбить атаку оппозиционных партий, предложивших рассмотреть вопрос о недоверии главе Кабинета министров. Она сумела быстро сориентироваться, подать опасную ситуацию как трезвый анализ, а публичные извинения – как личный мудрый ход. Разные взгляды на эту историю раскололи общественное мнение [5].

В условиях борьбы с *COVID-19* эксперты изображают систему Меркель неким бюрократическим монстром с множеством законов, нормативных актов, предписаний. “Корона” показала, насколько ФРГ, по сравнению с другими передовыми странами, отстает, например, в сфере цифровизации. Именно эта область должна стать ключевым драйвером прогресса и повышения производительности труда в постковидный период [6].

Немецкие исследователи, хотя и выделяют достижения канцлера, приходят к заключению, что на исходе эры Меркель Германия погружается в интеллектуальный и институциональный застой, напоминающий финальный этап “канцлера германского единства” Г. Коля [7].

Критикуют А. Меркель и оппоненты, выступающие за последовательную европейскую политику. Они упрекают канцлера в вялости при продвижении европейской интеграции, констатируют в ФРГ дефицит стратегического планирования, вследствие чего страдает институциональное взаимодействие, а результаты европейской политики весьма скромны. Один из уроков: поставленные в Коалиционном договоре правительства А. Меркель (2018–2021 гг.) амбициозные задачи о “новом прорыве в Европу, усилении европейской Германии” практически не выполнены [8]. Тем не менее, по опросам, 59% жителей Германии доверяют правительству, 54% – предприятиям [9]. Результаты опроса являются определенно рода авансом

доверия жителей правительству и предприятиям, которые обязаны не снижать усилий в борьбе с пандемией. Канцлер, зная о настроениях в ФРГ, пытается консолидировать общество страны, потерявшей ко второй половине апреля 2021 г. от пандемии уже более 80 тыс. человек, воздерживается от скоропалительных выводов, проявляет сдержанность. Окончательные выводы и уроки впереди.

Автор не разделяет ряда приведенных характеристик канцлера А. Меркель и считает, что крупный государственный деятель ФРГ, Европы и мира с ее человеческими слабостями и сильными сторонами лидера страны заслуживает уважения. Система Меркель обеспечила преемственность в политике, стабильность и процветание немцев в государстве с мощной экономикой. Канцлера подводят самонадеянность, завышенная самооценка, пренебрежение предупреждениями правоохранительных органов о возможном миграционном цунами в 2015–2016 гг., научными разработками медицинского сообщества с участием профильных ведомств в 2012–2013 гг. с тревожными сценариями о последствиях опасного вируса.

ФРГ разительно меняется по всем азимутам, звучат предупреждения о появлении нескольких Германий со специфическими субкультурами, где миграционный наплыв и пандемия вызвали заметный эгоизм, отчуждение, социальную агрессию между людьми, возмущенными в том числе проявлением коррупции в правящих партиях. Моральная “стерильность” немцев в сфере предотвращения обогащения чиновников высокого ранга – депутатов Бундестага – была нарушена участием народных избранников от ХДС/ХСС в аферах по продаже медицинских масок. Свое недовольство скандалами немцы выражают выходом из традиционных партий, переходом во вновь образующиеся объединения с радикальными лозунгами, сублимируют свои требования на выборах различного уровня. Качества лидера не могли не отразиться на выстраивании отношений Берлина–Брюсселя с Москвой. ФРГ задает тон жесткому курсу на российском направлении, не снимает санкции, сохраняя при этом важные каналы диалога с президентом РФ, государственными структурами, поощряя диалог гражданских обществ РФ–ФРГ, отстаивая строительство проекта СП-2.

Сложно найти статью лидера ФРГ, ученого-физхимика А. Меркель о состоянии и перспективах германских христианских демократов, кроме тезисов о будущем ФРГ и Евросоюза. Выступления и интервью не в счет, а вот суждения и идеи ученого с богатым политическим опытом востребованы в Евросоюзе, нужны собственной стране и избирателям, ведь политическое наследие оценивается в том числе по интеллектуальному багажу, которым

так богаты, например, канцлер В. Брандт и президент Й. Рау. Хотелось бы надеяться, что после ухода из большой политики А. Меркель найдет время не только для мемуаров, но и для глубоких аналитических обзоров тенденций европейской и мировой политики.

Борьба с пандемией совпала с периодом председательства ФРГ в Совете Евросоюза с 1 июля по 31 декабря 2020 г. В качестве непостоянного члена в Совете Безопасности ООН в 2019–2020 гг. ФРГ была нацелена на решение таких проблем, как разоружение, предотвращение кризисов, сохранение международного порядка и права, климат. Инициатива канцлера Германии в связи с 75-летием создания ООН (2020 г.), касающаяся реформирования Совета Безопасности с целью обретения Берлином статуса постоянного члена СБ ООН, говорит о стремлении ФРГ расширить свое влияние в Европе и мире.

На всех постах А. Меркель не раз доказывала способность к политическому долголетию. Опытные политики ХДС предупреждают, что немецкий политический класс, рядовые избиратели, зарубежные партнеры еще пожалеют о ее уходе из большой политики. С таким прогнозом автор согласен, отторгать опыт А. Меркель не следует.

ТРАНЗИТ ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ: НОВЫЕ ЛИДЕРЫ, АКЦЕНТЫ, ТЕНДЕНЦИИ

На фоне избирательной кампании по выборам в Бундестаг 2021 г. определено несколько проблемных блоков, которые окажут непосредственное воздействие на будущее Европейского союза. По опросам, самым крупным глобальным вызовом в среднем по ЕС считаются риски, связанные с изменением климата и окружающей среды, – 45%, на втором и третьем местах находятся терроризм и здравоохранение – 38 и 37% соответственно. Для немцев (60%) приоритетное место занимает фактор климата, который непременно окажет влияние на эволюцию Евросоюза. Примечательно, что 60% опрошенных европейцев считают пандемию ключевым триггером осмысления роли и места ЕС в мире, а главное – его будущего [10].

Тем временем эксперты выявляют тенденции развития Евросоюза в сторону усиления вопросов ренационализации. Глобализация находится на этапе своего переформатирования. Авторитарные государства закрепят свою политическую сущность. Слабые страны утратят возможность находить адекватные ответы на вызовы. Берлин способен стать центром притяжения для малых стран ЕС, которые могут пойти на ситуативные альянсы, как это имело место при согласовании вопро-

са о Фонде восстановления экономики Евросоюза после пандемии. Негативным тенденциям могут противостоять такие факторы, как относительно равные жизненные условия жителей ЕС, укрепление солидарности между странами-членами. Среди важных приоритетов в плане обеспечения устойчивого развития Европейского союза в будущем часть европейцев назвала реализацию совместной стратегии ЕС в сфере здравоохранения. Далее следуют вопросы энергетической независимости, углубление экономической интеграции, а также возможное введение евро во всех странах Союза. Сумма этих факторов рассматривается как системный механизм для поступательного развития ЕС в будущем. Ведущие партии ФРГ исходят из того, что страна призвана нести центральную ответственность за внутреннюю сплоченность Евросоюза, повышение активности Брюсселя в консолидированном ответе на глобальные вызовы – различные пандемии, климатические изменения, голод, миграцию.

Опросы общественного мнения в мае–июне 2021 г. относительно правительственных коалиций по итогам грядущих выборов указывают на серьезные возможности участия “Зеленых” в Кабинете министров ФРГ. Эксперты акцентируют сильные и слабые стороны у кандидатов на пост канцлера от трех партий: председателя ХДС Армина Лашета (блок ХДС/ХСС); члена президиума СДПГ Олафа Шольца; сопредседателя “Зеленых” Анналены Бербок.

А. Бербок, кроме традиционного для амбициозных политиков тщеславия, обладает тремя важными качествами: во-первых, бойцовским настроем на успех; во-вторых, жесткостью; в-третьих, стремлением углубленно изучить проблемы, докопаться до истины [11]. Одна из слабых сторон “зеленого политика” – отсутствие опыта работы на государственной службе, в муниципальных структурах.

В программных документах основных политических партий европейское направление остается базовым вектором политики Берлина. А. Лашет выделяет важность модернизации ФРГ в целях повышения эффективности взаимодействия между федеральным центром, землями, муниципальными структурами, поскольку от потенциала Берлина, устойчивости федеративной государственности страны зависит и будущее ЕС. Он делает упор на разработку стратегии на приоритетных направлениях германской внешней политики с отчетливым профилем суверенной Европы. Эти задачи могут быть возложены на будущую межведомственную структуру ФРГ – Совет национальной безопасности [12]. Группа ХДС/ХСС в Европарламенте выступает за эффективную политику ЕС в сфере безопасности и обороны, завершение создания европейского оборонного союза к 2025 г.

ХДС федеральной земли Нижняя Саксония ратует за построение сильной, суверенной Европы, мощным мотором развития которой призвана выступить Германия [13].

Приверженность европейской идее, суверенитету Европы сформулирована в документах германской социал-демократии. Для СДПГ суверенитет Евросоюза может быть достигнут лишь через повышение способности Брюсселя к самостоятельным действиям. Хотя НАТО и остается незаменимой опорой трансатлантического партнерства и Европы, параллельно с этим ЕС должен проявлять большую самостоятельность в сфере безопасности и обороны. В этом контексте СДПГ подтверждает свою стратегическую цель – формирование европейской армии как интегральной части ЕС, державы мира [14].

“Зеленые” фокусируют внимание на европейской политике с климатическими, экологическими акцентами. Они рассматривают трансатлантическое партнерство как важную опору германской внешней политики, европейский вектор которой должен быть усилен четкими общими ценностями. Стержнем обновленной трансатлантической повестки должен быть общий подход ФРГ, ЕС и США к политике в сферах климата, цифровизации, торговли, здравоохранения, прав человека. “Зеленые”, сомневаясь в полном смещении фокуса внимания Д. Байдена на Европу, предлагают Европейскому союзу и входящим в него государствам взять на себя больше ответственности в сфере безопасности и обороны [15].

К выборам в Бундестаг “Зеленые” пришли с богатым опытом политической конкуренции, практической работы в федеральном правительстве Г. Шрёдера в связке с СДПГ (1998–2005 гг.). Они представлены в 10 правительствах, 14 законодательных структурах из 16 субъектов Федерации; на выборах в Европарламент в 2019 г. увеличили количество мандатов с 40 до 56. Привлекательность партии подтверждается заметным расширением ее рядов: численность “Зеленых” составляет более 100 тыс. человек. В период борьбы с коронавирусной инфекцией они все больше позиционируют себя политическим объединением, готовым взять ответственность, возможно, даже с постом канцлера ФРГ [16]. В Европе экологи в качестве младшего партнера участвуют в правительствах шести стран – Австрии, Бельгии, Ирландии, Люксембурга, Швеции, Финляндии. В Европарламенте 75 представителей “Зеленых” составляют 10% от общего числа депутатов.

СвДП, следуя традициям своего кумира – бывшего лидера свободных демократов, вице-канцлера, министра иностранных дел Г.-Д. Геншера, в политической борьбе пытается доказать состо-

ятельность германского либерализма. СвДП критикует закостенелость, отжившие методы управленческой работы в ФРГ в период пандемии, вскрывает техническую отсталость страны. Так, вместо цифровых технологий местные учреждения здравоохранения ведут переписку через устаревшие факсы, высококвалифицированный персонал утонул в массиве документации, которую обрабатывают даже вручную. Впечатление – возвращение в XX в. Немецкие либералы отвергают благостную картину властей о прогрессе страны в сферах экономики, науки, образования, здравоохранения, намерены преодолеть застой, провести глубокую модернизацию. СвДП видит обновленный Евросоюз как влиятельный, мощный, суверенный актор, способный противостоять автократическим режимам. Свою суверенность и влияние ЕС может обеспечить после трансформации в реальный политический союз, в структуру на федеративных началах, с европейской конституцией, включая европейскую армию под контролем Европарламента, с самой современной системой здравоохранения, искусственным интеллектом и т. д. [17].

С диаметрально противоположных позиций, в том числе по вопросам европейской политики, выступает Альтернатива для Германии (АдГ). Спадающую было волну беженцев и пандемию правые популисты пытаются инструментализировать. Еще дальше в антиевропейской политике “альтернативщики” пошли с призывом о выходе ФРГ из Евросоюза (“Декзит”) и создании некоего нового экономического союза с общими интересами на территории Европы [18].

Заявление руководства АдГ о германском народе и германской идентичности в начале 2021 г., предвыборная программа, контакты с правыми экстремистами свидетельствуют о дальнейшей радикализации партии. Из эпохи Меркель в новое политическое измерение перетекает “проблема АдГ”, верхушка которой будет добиваться успеха на предстоящих общенациональных выборах, в том числе для получения государственного финансирования деятельности Фонда им. Эразма Роттердамского, близкого этой партии. Образовательный центр им. А. Франк прямо указывает на опасность такой возможности. В руководство Фонда АдГ входят “специалисты” по расовому превосходству и теориям заговоров, пытающиеся продвигать националистический контент в СМИ, социальных сетях, музеях [19].

Смена политического руководства Германии, появление нового неформального лидера Евросоюза непременно активизируют дискуссии в ФРГ и ЕС о возможностях Берлина в сферах закрепления европейского суверенитета, борьбы с пандемией, за создание “Союза здравоохранения ЕС”,

европейской армии и т. д. По опросам, проведенным германскими и французскими экспертами в 2020–2021 гг., дискуссии о будущем Европы, относительно самостоятельном курсе ЕС высветили в том числе отношение немцев и других народов Европы к дефиниции “европейский суверенитет”. Позитивная коннотация с этой дефиницией ассоциируется у 73% опрошенных немцев. Самыми большими препятствиями к укреплению европейского суверенитета для немцев представляются: во-первых, правительства с участием националистов (35% опрошенных); во-вторых, давление со стороны определенных государств (17%); в-третьих, культурные различия между европейскими нациями (17%); в-четвертых, слабость таких институций, как Европейская комиссия, Европарламент (14%).

Важными идентификационными показателями европейского суверенитета для немцев являются “независимость”, “право народа на самоопределение”, “свобода”. Среди базовых условий для достижения действительного европейского суверенитета немцы обозначили следующие приоритетные направления: во-первых, общая политика безопасности и обороны – 71% (решающая предпосылка); во-вторых, процветающая экономика – 67%; в-третьих, надежное обеспечение европейского производства в стратегических сферах, например продовольствия, здравоохранения, – 65%. Далее следуют: защита общих ценностей; контроль внешних границ Евросоюза; инструменты противодействия вмешательству со стороны зарубежных стран; европейские энергоресурсы; контроль стратегической инфраструктуры (порты, аэропорты, энергопроводы), а также цифровой инфраструктуры, социальных сетей [20].

Проблемы европейского суверенитета занимают особое место в тематических позиционных документах ведущих партий ФРГ.

Для СДПГ лишь самоутверждение, суверенитет Европы могут позволить дать ответы на вызовы, такие как: изменение климата, вопиющее социальное и экономическое неравенство людей, необузданный мировой цифровой капитализм, разрушение структур государственной власти в соседних с Европой странах, эрозия мультиполярного миропорядка. Партия определяет европейский суверенитет как способность ЕС самостоятельно, независимо формулировать и защищать свои интересы. Суверенная Европа призвана стать якорем, эффективным механизмом предотвращения кризисов и укрепления мира [21].

В Левой партии критически оценили документ СДПГ, увидев в нем призыв к “воинственной политике” Евросоюза [22].

“Зеленые” выступают за Стратегический европейский суверенитет (СЕС), поскольку лишь он позволит противодействовать кризисам и конфликтам, вызванным пандемией. СЕС предполагает политическую способность Евросоюза самостоятельно либо в рамках кооперации определять и защищать европейские ценности и интересы, давать отпор внешнему вмешательству, участвовать в формировании глобального миропорядка. Защита прав человека и предотвращение кризисов гражданскими методами есть и будут “зеленым ДНК” партии. Пока ЕС не трансформировался в автономный силовой фактор, нельзя допустить разрыва трансатлантического партнерства. Однако сильная европейская опора внутри НАТО могла бы содействовать укреплению стратегического суверенитета Европы [23].

Эксперты в области безопасности убеждены, что Европейский союз может справиться с опасным вызовом пандемии и другими рисками лишь в качестве глобального игрока в полицентричном мире при непереносимом усилении “европейского суверенитета”, сохранении роли важной опоры – трансатлантического партнерства [24].

Очевидно, что закрепление стратегического европейского суверенитета невозможно без решения комплекса проблем в рамках концепции и практики стратегической автономии Европы по таким важным направлениям, как климат, экология, безопасность и оборона, здравоохранение, торговля, цифровизация, искусственный интеллект и т. д. ЕС вместе с Германией намерены играть лидирующую роль, найти разумный баланс международного разделения труда и рисков так называемой стратегической зависимости, сделав “европейский задел” в указанных сферах для повышения влияния Европы на постковидный миропорядок.

Одно из направлений актуального дискурса посвящено созданию общих европейских вооруженных сил. Линия на возможное формирование европейской армии, или армии европейцев, закреплена в документах основных политических партий, коалиционных договорах правящих политических сил, включая Четвертое правительство А. Меркель. Эксперты настаивают на более уверенном и последовательном курсе Берлина в плане дополнения германской дипломатии весомыми военными возможностями [25, S. 20-21, 153-155].

Современные споры о компетенциях будущей евроармии свидетельствуют о незавершенности концепции и конституционального оформления механизмов принятия решений по ее использованию. По убеждению президента Бундестага В. Шойбле (ХДС), стержнем проблематики обороны и безопасности являются два момента: с какой целью может быть использована евроармия, а также какая

инстанция обладает полномочиями о принятии окончательного решения об участии этой структуры в различных миссиях. Политик уверен в необходимости создания европейских оборонительных сил независимо от будущей позиции США в отношении Европы. При разработке правовой базы оборонного союза рекомендуется учитывать не только подходы Берлина, но и воззрения других участников проекта [26, S. 268–269]. В таком же ключе рассуждает кандидат на пост канцлера от “Зеленых” А. Бербок, которая считает Европейский парламент основной инстанцией принятия решений об использовании европейской армии [27].

При продвижении евроинтеграционных и евроатлантических процессов в Берлине следует воздержаться от стремления к статусу Германии как “ведущей, руководящей нации Европы”, от морального превосходства немцев, якобы выполняющих историческую миссию. Немцы пока не избавились от комплекса вины за преступления нацистов, которую они пытаются заглядить в том числе демонстративным поведением как самого лучшего в нравственном отношении народа на европейском континенте. “Это было бы большой ошибкой,” — предупреждает известный немецкий ученый Х.-А. Винклер [28]. Призыв немецких ученых относится и к новому руководству Германии: избегать “особого немецкого пути” (то есть нового национализма), не давать повода для обвинений Берлина в экспансии, сохраняя европейскую суть политики при оказании помощи слабым в экономическом отношении странам — членам ЕС, соседям ФРГ и Евросоюза. Обращение ученых можно понять — опасения германизации Европы в некоторых странах не утратили своей актуальности.

Немецкие эксперты выделяют пять приоритетных внешнеполитических направлений, конфликтных точек, которыми будут заниматься Берлин и Брюссель в обозримой перспективе. По значимости проблемные регионы были обозначены так: Восточная Украина/Крым, Сирия, Ливия, прием западно-балканских стран в Евросоюз, взаимоотношения Греции и Турции [29]. Документы правительства ФРГ, заявления профильных ведомств, политиков, экспертов указывают на сохранение за “Крымской весной” стратегического раздражителя на российском направлении. Этот фактор снимает всякое благодушие по поводу того, что Крым якобы вынесен за скобки, а Берлин нацелен лишь на урегулирование конфликта на Донбассе. В Берлине и Брюсселе постоянно напоминают Москве о так называемом нападении на Крым, его аннексии, вторжении РФ на территорию Юго-Восточной Украины. Германские консерваторы, например, не отходят от своей линии — содействовать совместно с США возвращению Крыму его прежнего легитимного статуса [30].

“Зеленые”, видимо, сохраняют жесткую позицию применительно к проекту СП-2. Экологи настолько отрицательно относятся к нему, что на официальном портале партии ведут сбор подписей с призывом остановить программу. Они полагают, что реализация проекта на многие десятилетия могла бы “зацементировать” энергетическую зависимость от РФ [31].

Для Берлина и Брюсселя постсоветское пространство (особенно его западный сегмент) превратилось в плацдарм борьбы с Россией. После самоликвидации СССР бывшие советские республики обладают полным правом на самостоятельное развитие. Видимо, руководители новых государств уверены в их экономическом потенциале, политической зрелости элит, в устремлениях всех жителей своих стран к полному суверенитету. Пожелания Москвы лаконичны — свобода выбора, нейтральный статус с обеспечением прав русскоязычного населения, безопасность, сохранение культурно-исторических памятников общей истории, взаимовыгодное сотрудничество. Но и Запад действует честно, откровенно вовлекая ближайших соседей России в евроатлантическое пространство. Автор полагает, что не надо мешать президенту Украины В. Зеленскому при реализации его видения развития страны, решения конфликта на Донбассе, не стоит сетовать по поводу оценок им причин и итогов Второй мировой войны, оценок роли и места оппозиционных сил и СМИ в обществе. Это его право и выбор. Судя по всему, Зеленский уверен в экономическом и силовом потенциалах страны, когда заявляет об Украине как гаранте мировой продовольственной программы, главном бастионе защиты Запада, включая США, от агрессии России. Не имеет смысла вступать в полемику с киевскими экспертами, которые говорят об Украине как колыбели арийской цивилизации, готовят решения властей о включении деятелей культуры РФ в список лиц, угрожающих национальной безопасности Украины, о запрете книг на русском языке. К чему приводят изъятие художественных произведений из интеллектуального пространства, уничтожение многоязычия, нарушение прав национальных меньшинств с насаждением агрессивного национализма, хорошо известно из трагической истории Европы XX столетия.

Декларируя невмешательство во внутренние дела Минска, правительство ФРГ при поддержке Брюсселя приняло решение о выделении из госбюджета гражданскому обществу Беларуси 21 млн евро (о схемах распределения средств, разумеется, не сообщается) [32]. Если в России и Республике Беларусь серьезные политики и эксперты приветствуют стабильность Евросоюза, то в Берлине и Брюсселе мало кто желает успеха интеграционному взаимодействию Москва—Минск в рамках Союзного государства.

Прием президента Молдовы М. Санду в Берлине 19–20 мая 2021 г. на самом высоком уровне не оставляет сомнений в том, что Запад и далее будет насыщать политику Кишинева контекстом, который лишь усилит раскол в молдавском обществе на проевропейские и пророссийские силы. Вряд ли трансформация суверенного государства без учета молдавских интересов приведет к обещанному Берлином и Брюсселем еще в 2009 г. повышению материального благополучия жителей, духовному подъему общества республики.

В целом события в западном сегменте постсоветских республик и в Нагорном Карабахе свидетельствуют о продолжающемся “мирном распаде Советского Союза”. Обстановка в ряде бывших советских республик остается напряженной, недопущение большого военного конфликта в Европе остается приоритетной задачей и Москвы, и Берлина, и Брюсселя, и, разумеется, руководителей Белоруссии, Молдавии, Украины, Азербайджана, Армении.

Между тем немецкие эксперты пытаются делать прогнозы, возможно утопические, о состоянии Евросоюза к 2060 г. Они предполагают, например, как выход из ЕС Венгрии, так и самостоятельное вступление в Союз Каталонии и Шотландии [33]. В стратегических установках на европейском направлении немцы проявляют последовательность. В СДПГ задача осуществления проекта “Соединенных Штатов Европы” поставили еще в 1925 г. Социал-демократы, левый фланг профсоюзов ФРГ в 2021 г. указывают на актуальность вопроса, считая, например, успех в сфере экономики или любой кризис евроинтеграции новой отправной точкой приближения к европейской мечте [34]. Эксперты не предлагают готовых рецептов институционального оформления финального завершения европейской интеграции. Но Брекзит, актуальные вызовы и кризисы ускоряют динамику поиска, мобилизации стратегически мыслящих политиков и ученых, способных предложить свои прогнозы будущего, иногда напоминающие метафоры с созидательным зарядом сохранения и развития самого успешного в мире на сегодняшний день цивилизационного проекта. К объединению Германии немцы шли долго, настойчиво, целеустремленно, закрепляя магистральные тенденции. Каждый новый лидер ФРГ с командой интеллектуалов и профессиональных управленцев приближал час восстановления германского единства в рамках новой Европы.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РФ–ФРГ–ЕС: НОВЫЙ ПЕРИОД

Существует множество причин охлаждения отношений Москвы с Берлином и Брюсселем, которые в последнее время вылились во взаимное

отчуждение. Окончательно завершился период, в котором многие эксперты и на Западе, и в РФ отводили Германии роль некоего адвоката интересов России. В Берлине сделали свой выбор, определив России второстепенное место на шкале внешнеполитических интересов. Разрушив формат ежегодных межправительственных консультаций с участием лидеров, руководителей профильных министерств и ведомств, а также привязанных к ним заседаний гражданского общества РФ–ФРГ, в Берлине, к сожалению, закрепили за Германией статус “локомотива” конфронтационного курса в отношении России. Сейчас российско-германские отношения настолько ухудшились, что президент Штайнмайер говорит о сотрудничестве Москвы с Берлином в сфере энергобезопасности как последнем мостике, соединяющем обе столицы. Но и здесь есть большие риски. По знаковому проекту “Северный поток-2” германский политический класс, деловые круги, аналитические центры, гражданское общество расколоты. История с этим проектом – поучительный урок и для РФ, и для ФРГ, которые при разработке крупных совместных инициатив должны просчитывать все плюсы и минусы, финансовые и политические издержки.

К возможному участию “Зеленых” в правительстве ФРГ следует относиться спокойно, прагматично. У Москвы накоплен опыт диалога с “красно-зеленой” коалицией во главе с канцлером Г. Шрёдером (СДПГ) и вице-канцлером, министром иностранных дел ФРГ Й. Фишером (“Зеленые”) в 1998–2005 гг. И тогда контакты с “зеленым компонентом” германского правительства не всегда складывались просто – в Бундестаге выступления экологистов, как правило, отличались резкой антироссийской тональностью. Участие “Зеленых” в Кабинете министров ФРГ дало бы шанс на подключение немецких интеллектуальных, возможно, финансовых ресурсов (в форме целевых совместных проектов) для “всероссийской уборки территории страны” в РФ. Возможные для обсуждения проблемные блоки: национальные стратегии и проекты в сферах экологии и охраны окружающей среды; лесные и водные ресурсы в условиях изменяющегося климата; подходы общества к климатической политике государства и их взаимодействие в этой сфере; экологические “горячие точки” Баренцева/Евроарктического региона; устойчивое “зеленое” развитие; экологическое просвещение и экотуризм и т. д. Отвергать инициативы в этой сфере было бы недальновидно, тем более что лидеры “Зеленых” нацелены на осуществление глобальной социально-экологической трансформации с участием США, РФ и других держав.

Несмотря ни на что, в непростых эпидемических условиях, на фоне заметного ухудшения политического диалога Москвы с Берлином удалось

разработать план дальнейшего российско-германского взаимодействия в области науки и образования. Торгово-экономическое сотрудничество, контакты в сфере образования и науки, программы гражданского общества остаются прагматичным устойчивым компонентом общей повестки дня. Не прерываются совместное строительство, модернизация промышленных объектов, с использованием немецких технологий производятся автомобили, сельхозтехника, электрооборудование. Локализация немецких производств в РФ содействует осуществлению совместной программы “Экономика и устойчивое развитие 2020–2022 гг.”. Подавляющая часть германского бизнеса, руководители новых федеральных земель поддерживают усилия А. Меркель по завершению строительства проекта СП-2. По некоторым опросам, 95% руководителей размещенных в РФ немецких предприятий удовлетворены результатами, несмотря на пандемию, намерены наращивать кадровые ресурсы, расширять сотрудничество.

В то же время перезагрузки российско-германских отношений пока не предвидится. Слишком велики расхождения в понимании причин, мотивов, разломов как на Западе, так и на постсоветском пространстве, происходящих в России изменений. Политическое высокомерие, граничащее с чувством превосходства, исключает нахождение консенсуса, не способствует восстановлению доверия. Для Берлина и Брюсселя уровень передовых отраслей экономики, степень влияния гражданского общества на формирование политики Кремля остаются основными индикаторами определения статуса государства, его ценностных императивов. Правозащитное направление Берлина превратилось в концептуальную и практическую константы российской политики у всех демократических партий ФРГ, правительства страны. Заявления канцлера и, например, министра обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр в мае–июне 2021 г. в отношении РФ вызывают противоречивые ощущения. С одной стороны, А. Меркель подчеркивает необходимость диалога с Россией, с которой Германия связана исторически, социально и экономически, а также культурно, старается на финальной стадии своего канцлерства оставить у россиян благоприятное представление о своей политике применительно к РФ. С другой стороны, министр обороны акцентирует наращивание мускулов у бундесвера для защиты ценностей перед лицом угрозы со стороны России. Такие сентенции федеральный министр не озвучивает без согласования с главой правительства страны. А. Меркель могла бы совершить мужественный поступок на российском направлении, инициировав, например, проведение полноформатных межправительственных консультаций на высшем уровне с участием руководителей

министерств РФ и ФРГ. Такой диалоговый формат заморожен по инициативе немцев в 2014 г. Суверенный шаг канцлера означал бы не только восстановление системного механизма взаимодействия РФ–ФРГ, но и конкретный вклад в стратегическую дискуссию об отношениях Москвы с Евросоюзом. Можно предполагать, что после выборов в Бундестаг потенциал эффективного менеджера европейского масштаба будет востребован. Представляется, что в Вашингтоне, Брюсселе, Берлине уже имеются предложения известному политическому и государственному деятелю реализовать свой богатый опыт, возможно, в важных международных и европейских институциях, престижных немецких структурах. Как всегда, А. Меркель будет принимать решение осмотрительно, взвешенно, учитывать ситуацию, включая и состояние здоровья. Видимо, она продолжит традиции бывших канцлеров, президентов, политиков первого эшелона ФРГ по сохранению полезных контактов с Москвой. Немецких коллег принимали в Кремле и М. Горбачев, и Б. Ельцин, и Д. Медведев, и В. Путин. В Москве традиционно придавали и придают большое значение развитию многопланового диалога, взаимовыгодного сотрудничества с немецкими партнерами, определяющими контуры и содержание основных направлений политики ЕС. И сегодня европейский вектор Кремля остается приоритетным.

Автор, пытаясь найти рациональность в оценочных суждениях немецких политиков и экспертов, констатирует унифицированный подход к России, согласно которому Москва назначена основным фактором, мешающим динамичному развитию Евросоюза, разрушающим гармоничную жизнь в благополучных государствах Европы. Нельзя не согласиться с критикой внутренней политики России, в которой до сих пор не изжиты коррупция, преступность. Опасными для РФ остаются бедность, социальное неравенство на фоне все возрастающего благополучия скромного сегмента российских граждан, что противоречит заявленным Кремлем принципам справедливости, консолидации общества, укрепления государства. Есть надежда, например, на молодые управленческие кадры, новое поколение ученых, которые пытаются выстраивать будущее России по формуле “наука – кадры – инвестирование знаний в практику”, учитывают европейский и в целом международный опыт.

Хотя актуальные опросы о возможностях диалога РФ с ФРГ и Евросоюзом вызывают сдержанный оптимизм, но и такой настрой может быть быстро утрачен. Поводов для дальнейшей деградации отношений РФ–ФРГ–ЕС можно отыскать много и быстро.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Смена руководителя ФРГ, несомненно, повлечет за собой изменение стиля управления Германией, содержательных акцентов евроинтеграции, алгоритма взаимодействия Берлина с Брюсселем, Парижем, Вашингтоном, Варшавой, Москвой, столицами других стран. Вместе с тем новое правительство в целом сохранит преемственность курса на усиление Евросоюза, активизацию трансатлантического партнерства, на углубление взаимодействия Берлина с Парижем, интеграцию западно-балканских государств, поддержку трансформационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), активное вовлечение Беларуси, Молдовы и Украины в евроатлантическое пространство. Очевидно, что при выполнении Коалиционного договора правительства ФРГ внимание будет сфокусировано в том числе на закреплении стратегического европейского суверенитета. Избрание канцлера в 2021 г., а также выборы президента Франции в 2022 г. могут оживить соперничество по поводу лидерства двух стран в Евросоюзе. Оптимальный вариант – признание экономических возможностей и политической ответственности за Берлином, а влияния ядерной державы и члена СБ ООН – за Парижем, что дает право в равной степени говорить о лидерстве в ЕС и Германии, и Франции. Нарушение баланса интересов, чрезмерное проявление личных и государственных амбиций приведут к нежелательному перекоосу сил в “Старой Европе”, ослабят позиции Брюсселя, особенно при разрешении внутренних противоречий ЕС.

Уступки американцев немцам по вопросу проекта СП-2 означают серьезное отношение Байдена к Меркель, в целом к ФРГ, а также определенный политический аванс Вашингтона Берлину как одному из важных союзников, ключевых проводников евроатлантических установок на постсоветском пространстве. Но борьба за проект будет продолжена и после выборов в Бундестаг на фоне мобилизации немецких “Зеленых”, Польши, стран ЦВЕ, части американского политического класса против использования Москвой “газовой трубы” как оружия шантажа в отношении Киева.

Успех “Зеленых” на парламентских выборах в Германии с результатом более 20% голосов мог бы быть сигналом для наступления демократических сил на евроскептические движения внутри ЕС, для победы на выборах в Европейский парламент в 2024 г.

Правительственная конфигурация ФРГ с участием “Зеленых” открывает потенциальные возможности для реформ как Германии, так и Евросоюза. Стратегическая задача “Зеленых” по трансформации ЕС в некую федеративную европейскую республику может быть протестиро-

вана в ходе “Конференции о будущем Европы”. Площадка Конференции – интеллектуальная лаборатория обкатки целевых концепций также для СДПГ и СвДП. Диалоговые форматы Конференции дают возможность аккумулировать предложения рядовых граждан ЕС, выявить настрой брюссельской бюрократии, правительств стран – членов Союза относительно концептуального и институционального реформирования ЕС. Важным представляется вопрос о механизме принятия решений. Очевидна актуальность переформатирования принципа консенсуса в вариант квалифицированного большинства, что могло бы содействовать, с одной стороны, внутренней сплоченности Евросоюза, с другой – преодолению блокады назревших решений со стороны прежде всего “евроновичков”. Изменение договорно-правовой базы Евросоюза, превращение ЕП в реальный центр принятия политических решений могли бы содействовать трансформации ЕС в весомого актора в полицентричном мире.

Экономический, финансовый, интеллектуальный потенциалы Берлина остаются во многом определяющим инструментом воздействия ФРГ на обновление такой сложной системы, как Евросоюз. Искусство управления этими и иными ресурсами со стороны новых лидеров ФРГ могло бы позволить Берлину сохранить контроль над ситуацией в ЕС, скоростью и содержанием интеграционных проектов. Деловые качества, способность предвидения руководителя Кабинета министров ФРГ, вице-канцлера, министра иностранных дел, министров финансов и обороны будут играть существенную роль также на пути к стратегической автономии Европы.

Предлагаемая Брюсселем и Берлином триада отношений с РФ “Отпор, сдерживание, избирательное взаимодействие” с сохранением санкционного режима не может не снижать ценность категорий “дружба”, “примирение”. Позитивных изменений применительно к России ожидать не следует. Экологи усилят “украинизацию” политики Берлина, расширят каталог обвинений Москвы за поддержку президента Лукашенко. Примечательно, что идея Левой партии о подписании между РФ и ФРГ некоего “Договора о дружбе и примирении” отвергается всеми фракциями Бундестага. Название, дескать, рефлексировало далекое прошлое, эпоху первой холодной войны. Актуальна обновленная европейская восточная политика, в которой Берлин учитывает интересы, обеспокоенности стран и ЦВЕ, и постсоветского пространства. При всей привлекательности идеи использования методологии Брандта–Бара, которую артикулирует часть зарубежных и российских политиков и ученых, в Германии она популярна в кругах, не принимающих государственных решений. В самой СДПГ все меньше воспомина-

ют архитекторов “новой восточной политики” с их воззрениями на систему европейской безопасности с непременным участием Москвы, в партии не видно новых мыслителей с политической волей, мужеством, талантом предвидения. Для действующего канцлера, руководителей ХДС, ХСС, СДПГ, СвДП и “Зеленых” так называемая европейская восточная политика, как и мирное сосуществование ФРГ и ЕС с РФ, отражают не только формулу “диалог с санкциями”, но и всемерную поддержку российской оппозиции. Политический класс ФРГ исходит из того, что, например, лишь приход во власть Навального создаст необходимые условия для модернизации внутренней и внешней политики РФ. Любимец правительства ФРГ, СМИ и в целом Запада, кумир части российского общества, дескать, способен гарантировать конституционные права и свободы гражданина, провести глубокие реформы в сферах образования, науки, здравоохранения, экологии, климата, в армии, правоохранительных органах, решительно искоренить коррупцию, обеспечить высокие европейские стандарты уровня жизни жителей РФ. Наконец, он готов принять систему ценностей Запада для коренной перестройки взаимоотношений Москва–Берлин–Брюссель–Вашингтон. Условие отдельных немецких экспертов о возвращении Москвы в “европейский клуб”,

например, через возрождение “нового политического мышления М. Горбачева” свидетельствует, скорее, об их иллюзорном желании, нежели о профессиональных знаниях российских реалий. Прагматичен иной подход. Единая европейская культурно-историческая матрица Большой Европы, диалог лидеров РФ, ФРГ, Франции и США по актуальным проблемам, экономический фундамент системы контактов, портфель инициативных проектов партнеров, богатый опыт взаимоотношений Москвы, Берлина и Брюсселя, потенциал гражданского общества РФ–ФРГ–ЕС, включая оппозиционный сегмент, дают основания надеяться на возможный поворот к лучшему. Шансы на объединительную повестку, восстановление многопланового диалога сохраняются. Возможно, ими воспользуется новое поколение политиков и экспертов в РФ и ФРГ без предварительных условий, на основе разумных компромиссов.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Internationale Politik unter Pandemie-Bedingungen. Tendenzen und Perspektiven für 2021*. SWP-Studie, 26.12.2020, Berlin. 90 p. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2020S26_Corona_Studie.pdf#page=13 (accessed 22.03.2021).
2. *Wie ein Szenario von 2913 Teile der Corona-Pandemie von heute vorwegnahm*. Rbb24, 31.03.2020. Available at: <https://www.rbb24.de/politik/thema/2020/coronavirus/beitraege/risikoanalyse-robert-koch-institut-rki-bundestag-schutz-szenario.htm?listall=on/print=true.html> (accessed 30.04.2021).
3. *Bericht zur Risikoanalyse im Bevölkerungsschutz 2012. Unterrichtung durch die Bundesregierung*. Deutscher Bundestag. Drucksache 17/12051, 03.01.2013. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/120/1712051.pdf> (accessed 30.03.2021).
4. Soyka M. Die deutsche Bruchlandung. *Cicero*, 02.04.2021. Available at: <https://www.cicero.de/innenpolitik/deutschland-pandemie-politik-bruchlandung-corona-lockdown-buerger-angela-merkel> (accessed 06.04.2021).
5. Edmunds C. Merkels Fehlereingeständnis. Politische Größe oder politisches Versagen? *Tagesschau*, 24.03.2021. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/merkels-fehlereingestaendnis-101.html> (accessed 25.03.2021).
6. Rogowski M. Ideologische Enge und falsch verstandene Modernität. *Cicero*, 24.03.2021. Available at: <https://www.cicero.de/wirtschaft/wahlprogramm-baerbock-habeck-gruene-ideologie> (accessed 25.03.2021).
7. Hillebrand E. Nicht weit vom Stamm. *IPG Newsletter*, 01.04.2021. Available at: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/demokratie-und-gesellschaft/artikel/nicht-weit-vom-stamm-5090/> (accessed 07.04.2021).
8. *Deutschland braucht einen Europaplan!* EU-in-BRIEF. Ausgabe 03–2020. Europäische Bewegung Deutschland. Available at: https://www.netzwerk-ebd.de/wp-content/uploads/2020/11/EU-in-BRIEF-03_2020-Deutschland-braucht-einen-Europaplan.pdf (accessed 30.03.2021).
9. *Vorschuss in der Krise: Vertrauen der Deutschen steigt, globale Infodemie verbreitet aber Misstrauen*. Pressemitteilung Deutschland. Edelman Trust Barometer 2021. Available at: https://www.edelman.de/sites/g/files/aatuss401/files/2021-02/Pressemitteilung%20Edelman%20Deutschland_Trust%20Barometer%202021__k.pdf (accessed 24.03.2021).
10. *Die Zukunft Europas. Spezial-Eurobarometer 500 – Erste Ergebnisse*. 47 p. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/your-service/files/be-heard/eurobarometer/2021/future-of-europe-2021/de-report.pdf> (accessed 30.03.2021).
11. Baucker P., Schulte U. Baerbock wird Kanzlerkandidatin. Sie will. *Taz*, 19.04.2021. Available at: <https://taz.de/Baerbock-wird-Kanzlerkandidatin/15762149/> (accessed 28.04.2021).
12. *“Wir müssen strategisch werden”*. IX. Adenauer Konferenz eröffnet mit Grundsatzrede von Armin Laschet. Konrad Adenauer Stiftung. 20. Mai 2021. Available at: <https://www.kas.de/de/veranstaltungsberichte/detail/-/content/wir-muessen-strategischer-werden> (accessed 21.05.2021).

13. *Parteitags-Handbuch 2021. Landesparteitag der CDU in Niedersachsen am 6. Februar 2021 – digital*. CDU. Die Niedersachsen Union. Available at: https://cdu-niedersachsen.de/wp-content/uploads/2021/01/LPT2021_Handbuch_web.pdf (accessed 01.04.2021).
14. *Das Zukunftsprogramm der SPD. Wofür wir stehen. Was uns antreibt. Wonach wir streben*. SPD. Soziale Politik für Dich. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Parteispitze/20210321_Zukunftsprogramm_Leitantrag.pdf (accessed 29.03.2021).
15. *Deutschland. Alles ist drin. Programmwurf zur Bundestagswahl 2021*. Die Grünen. Available at: https://cms.gruene.de/uploads/documents/2021_Wahlprogrammwurf.pdf (accessed 04.04.2021).
16. *Die Grünen – eine Bestandsaufnahme*. Brunswick Review 2020. Available at: https://www.brunswickgroup.com/media/7715/brunswickreview_germangreen_german.pdf (accessed 03.04.2021).
17. *Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm Der Freien Demokraten*. Available at: <https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2021-04/110463-programmwurf-nie-gab-es-mehr-zu-tun-2.pdf> (accessed 13.05.2021).
18. Pfeifer H. AfD-Wahlprogramm. Radikal rechte Opposition. *Deutsche Welle*, 09.04.2021. Available at: <https://www.dw.com/de/afd-wahlprogramm-radikal-rechte-opposition/a-57133280> (accessed 03.05.2021).
19. *Die Stiftungstrick der AfD – “Die Desiderius-Erasmus-Stiftung ist gefährlich”*. Bildungsstätte Anne Frank. 14. Januar 2021. Available at: https://www.bs-anne-frank.de/fileadmin/content/Pressemitteilungen/2021-PMs/PM_2021_Der_Stiftungstrick.pdf (accessed 01.04.2021).
20. *Europäische Souveränität*. IPSOS-Studie für die Jean-Jaures-Stiftung und die Friedrich-Ebert-Stiftung. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/17452.pdf> (accessed 01.04.2021).
21. Souveränes Europa. *Positionen. Positionspapier der SPD-Bundestagsfraktion*, 27.10.2020. Available at: https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/fraktionsbeschluss_souveraenes-europa_20201027.pdf (accessed 20.04.2021).
22. Schindler J. SPD-Papier “Souveränes Europa” ist Ruf nach kriegerischer EU-Außenpolitik. *Die Linke*, 27.10.2020. Available at: <https://www.die-linke.de/start/presse/detail/spd-papier-souveraenes-europa-ist-ruf-nach-kriegerischer-eu-aussenpolitik/> (accessed 12.04.2021).
23. Kommer F. *Für ein souveränes Europa!* Mai 2020. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2020-05/FNS_4_Europäische%20Souveränität.pdf (accessed 17.04.2021).
24. Staigis A. *Ernstfall Europa – Jetzt*. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. No. 2, 2020. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2020_2.pdf (accessed 17.05.2021).
25. Mangasarian L., Techau J. *Führungsmacht Deutschland. Strategie ohne Angst und Anmassung*. München, dtv Verlagsgesellschaft mbH. & Co. KG, 2017.
26. Schäuble W. *Von der Krise zur Chance. Wir brauchen das vereinte Europa!* Essen, Klartext Verlag, 2017.
27. Bubrowski H., Schuller K. *Mit Dialog und Härte*. Bündnis 90/Die Grünen. 26.04.2021. Available at: <https://www.gruene.de/artikel/mit-dialog-und-haerte> (accessed 29.04.2021).
28. Winkler H.-A. “*Er hat einen Blick für die grossen Zusammenhänge*”. *Conrad Lay im Gespräch mit Melanie Langerich*. Deutschlandfunk. 31.08.2020. Available at: https://www.deutschlandfunk.de/heinrich-august-winkler-wie-wir-wurden-was-wir-sind-er-hat.1310.de.html?dram:article_id=483057 (accessed 30.04.2021).
29. *Kiesenwetter: Signalisieren, dass Europa Konflikte im eigenen Umfeld lösen kann*. Deutscher Bundestag. 05.03.2021. Available at: <https://www.bundestag.de/ipc-gasp-gsvp?url=L2Rva3VtZW50ZS90ZXh0YXJjaG12LzIwMjEva3cwOS1pbmRlcnZpZXRta2llc2V3ZXR0ZXItODI2NTk2&mod=mod456748> (accessed 11.03.2021).
30. *Das transatlantische Band wieder stärken – Für eine zukunftsgerichtete und umfassende Partnerschaft*. Positionspapier der CDU/CSU Fraktion im Deutschen Bundestag. Beschluss vom 26. Januar 2021. Available at: https://www.cducsu.de/sites/default/files/2021-01/Positionspapier%20-%20Das%20transatlantische%20Band%20wieder%20stärken_1.pdf (accessed 21.04.2021).
31. *Jetzt Appel unterzeichnen! Nord Stream 2 stoppen!* Bündnis 90/Die Grünen. Available at: <https://www.gruene.de/aktionen/nord-stream-2-stoppen> (accessed 06.04.2021).
32. *Statement von Außenminister Heiko Maas anlässlich der Online-Konferenz “Solidarity with Belarus” (Video-Konferenz)*. 06.02.2021. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2440150> (accessed 09.04.2021).
33. *Europa verstehen, Europa in die Zukunft denken – 40 Jahre Jahrbuch der Europäischen Integration*. Institut für Europäische Politik. 11 Mai, 2021. Available at: <http://iep-berlin.de/blog/forum/europa-verstehen-europa-in-die-zukunft-denken-40-jahre-jahrbuch-der-europaeischen-integration/> (accessed 15.05.2021).
34. *Auf zu den Vereinigten Staaten von Europa? Leitbilder für eine zukunftsfähige europäische Wirtschaftspolitik*. Bericht zur digitalen Konferenz-Reihe am 18. März, 15. und 19. April 2021. Available at: <https://www.fes.de/index.php?eID=dumpFile&t=f&f=63910&token=3d0c7377cead78ea0a05e5d68b2ffa77f6ee7cd8> (accessed 21.04.2021).

GERMANY AND THE EUROPEAN UNION AFTER THE EPOCH OF CHANCELLOR ANGELA MERKEL*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 43-55)**Received 03.06.2021.**Viktor I. VASILIEV (vvi-1947@yandex.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement 075-15-2020-783).*

The article is devoted to the analysis of the political legacy of German Chancellor Angela Merkel and in what way the new German government might possibly use it dealing with the transformation of the country and modernization of the European Union. The new political coalition with possible participation of the Green Party will preserve the continuity of the German foreign policy course for strengthening the European Union, deepening the transatlantic partnership, for active cooperation between Berlin and Paris, as well as for inclusion of Belarus, Moldova and Ukraine into the Euro-Atlantic area. The European sovereignty is the main focal point in Berlin. The Conference on the Future of Europe examines it, as well as other evolution issues. The updated legal framework of the EU, feasible strengthening of the European Parliament positions could help transform the European Union into a weighty actor in the polycentric world. Only powerful, relatively sovereign EU is able to secure the "European way of life". Judgments about the disintegration of the European Union are far from reality. The EU margin of safety and resistance are quite impressive, primarily due to the economic potential of Germany. However, it is really difficult to predict how the European Union will get out of the crisis caused by Covid-19. American concessions to the Germans on the Nord Stream 2 project mean Biden's serious attitude towards Merkel and Germany – the leader in the EU and one of the important NATO allies. The conditions for Russia's return to the "European club", for example, through the revival of M. Gorbachev's new political thinking in Moscow, indicate rather an illusory desire. There is another, more pragmatic approach. The single European cultural and historical matrix of Greater Europe, communication between the leaders of the Russian Federation, Germany, France and the USA, the economic foundation of contacts, as well as mutual sympathies between Russians, Germans, Europeans give reason to hope for a turn for the better. The chances of a unification agenda remain. Perhaps, it will be used by future generations of politicians, experts of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany without preconditions, on the basis of reasonable compromises.

Keywords: Merkel, Germany, European Union, NATO, European integration, European sovereignty, European army, pandemic, Russia, relations between RF, FRG and the EU, Ukrainian conflict.

About author:

Viktor I. VASILIEV, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of European Political Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-43-55

ФРГ И ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ БАЙДЕНА: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

© 2021 г. А. Кокеев

*КОКЕЕВ Александр Михайлович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (alkokeev@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 21.06.2021.

Рассмотрены наиболее существенные изменения в германо-американских отношениях после избрания Дж. Байдена. Выявлены основные факторы, воздействующие на трансатлантическую политику Берлина во взаимоотношениях с Китаем и Россией. Проанализированы подходы к климатической повестке и проблемы, связанные с выполнением ФРГ союзнических обязательств в НАТО. Раскрыты новые тенденции в подходе Германии к вопросу о стратегической автономии ЕС. Проанализированы расхождения по вопросам безопасности между основными немецкими партиями перед парламентскими выборами в сентябре 2021 г.

Ключевые слова: Германия, США, ЕС, Китай, Россия, трансатлантические отношения, климатическая повестка, политика безопасности, стратегическая автономия, бундесвер, расходы на оборону.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-56-68

Прочные и широко разветвленные трансатлантические связи, тесное взаимодействие с США в решении важнейших международных проблем являлись основополагающим императивом внешней политики ФРГ на протяжении всего послевоенного времени. Наряду с основной для Берлина задачей расширения и углубления европейской интеграции опора на США и НАТО в качестве незаменимой основы стратегии безопасности не ставится под вопрос ни одним немецким правительством. Вместе с тем глубокие изменения в международно-политической ситуации и усилившееся соперничество великих держав, новые вызовы безопасности обусловили необходимость определенной корректировки как самой трансатлантической политики Берлина, так и традиционного баланса между атлантизмом и европеизмом.

В связи с распадом СССР, объединением Германии и вступлением ряда центрально- и восточноевропейских стран в ЕС и НАТО в определенной мере снизилась потребность европейских союзников США в американских гарантиях безопасности. Эти гарантии (за исключением ядерных) продолжали рассматриваться как необходимые, но перестали считаться “жизненно важными”. Это, среди прочего, позволило европейцам, и особенно ФРГ, существенно сократить численность вооруженных сил и расходы на оборону, увеличив инвестиции в социальную и научную сферы, в НИОКР и развитие инфраструктуры и т. д. За время после окончания холодной войны экономические возможности и политическое влияние Германии в мире и прежде всего в ЕС существенно возросли. Германо-французский тандем стал признанным “мотором”

европейской интеграции, а важнейшей внешнеполитической задачей Берлина было объявлено строительство сильной и более самостоятельной в обеспечении своих интересов, включая сферу безопасности, Европы с целью укрепления ее суверенитета, а в более отдаленной перспективе – достижения стратегической автономии [1].

Неопределенность и непредсказуемость политики США при Д. Трампе придали дополнительный импульс этой наметившейся значительно раньше тенденции¹. Ни одна из стран – союзниц США не испытала такого разочарования в американской политике при Д. Трампе, как ФРГ. Обвинения Германии в иждивенчестве и огромной задолженности перед США и НАТО, угрозы отказаться от “защиты” европейцев, объявленное без всякого предупреждения сокращение американского военного присутствия в Германии, протекционистские меры в торговой политике, резкая критика внутренней и внешней политики ФРГ и грубые высказывания в адрес А. Меркель вызвали в Германии возмущение и рост недоверия к политике и союзническим обязательствам США.

Тем не менее на протяжении всех четырех лет президентства Трампа в Берлине не теряли надежды, что к мнению ФРГ и ЕС в Вашингтоне все же прислушаются и по важнейшим для обеих сторон вопросам удастся договориться. Вместо этого после выхода США из особо значимого для Германии (об этом см. далее) Парижского соглашения по кли-

¹ О необходимости повышения Германией и Евросоюзом собственной роли во внешней и оборонной политике руководители ФРГ заявляли еще в 2014 г. на Мюнхенской конференции по безопасности.

мату последовал их выход из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в отношении ядерной программы Ирана и российско-американского Договора по ракетам средней дальности (ДРСМД). Против важного для ФРГ германо-российского проекта “Северный поток-2” (СП-2) Вашингтон ввел санкции в отношении участвующих в нем фирм (в основном немецких). К концу пребывания Трампа на президентском посту разногласия между Берлином и Вашингтоном в подходах к решению важнейших международно-политических и двусторонних проблем продолжали нарастать. По мнению большинства ответственных немецких политиков, включая президента страны Ф.-В. Штайнмайера, германо-американские отношения оказались в самом глубоком кризисе после Второй мировой войны. Как отмечали в Берлине, трансатлантизм превратился в инструмент обеспечения интересов США и ограничения возможностей сотрудничества их союзников с Китаем, Россией и другими государствами. В Германии все чаще стали звучать требования переосмыслить политику в отношении Америки и более настойчиво отстаивать собственные интересы (разумеется, представленные как согласованная позиция Евросоюза). Исходя из этого, правительство А. Меркель занялось выработкой новой внешнеполитической стратегии страны во взаимоотношениях с Соединенными Штатами. В ее основу заложено представление о “сбалансированном партнерстве”, в котором ФРГ в качестве лидера сильной и независимой Европы могла бы взять на себя роль противовеса США в случае принципиальных расхождений интересов, опираясь не только на партнеров по ЕС, но и на такие страны, как Канада, Япония и Южная Корея.

Кризис трансатлантических отношений и недовольство немцев американской политикой четко отражаются в результатах множества социологических опросов. Так, согласно опубликованному в мае 2021 г. опросу “Индекс восприятия демократии” (*Democracy Perception Index, DPI*) исследовательского центра *Latana*, большинство немцев продолжало критически относиться к США, несмотря на заметный рост симпатии к их новому президенту Дж. Байдену. Более трети немецких участников опроса (36%) заявили, что влияние Америки угрожает Германии больше, чем России (29%) или Китая (33%). Каждый второй опрошенный (51%) назвал влияние США на “мировую демократию” отрицательным и лишь 32% – скорее положительным [2]. По результатам другого опроса от ноября 2020 г., только за последние три года число немцев, негативно оценивающих отношения между ФРГ и США, выросло на 23 п.п. и приблизилось к показателю 80% [3].

Дальнейшему снижению репутации США в Германии в немалой степени способствовали нацио-

нальный эгоизм Вашингтона в борьбе с пандемией *COVID-19*, разгул насилия и проявления расовой ненависти во второй половине 2020 г., “грязная” избирательная кампания Трампа, предпринятый его сторонниками штурм Капитолия и т. д.

Учитывая вышесказанное, нетрудно представить с каким вниманием в Германии следили за ходом американских выборов осенью 2020 г. После избрания Дж. Байдена, который считался последовательным приверженцем демократии, свободной торговли и традиционного атлантизма, в Берлине вздохнули с нескрываемым облегчением, высказывая уверенность в предстоящей нормализации германо-американских отношений и укреплении трансатлантических связей США с Евросоюзом. Первые шаги администрации Байдена в этом направлении – возврат США в Парижское соглашение по климату и к переговорам с Ираном, в Совет ООН по правам человека и в ВОЗ, продление срока действия российско-американского Договора об ограничении стратегических вооружений (СНВ-3) – были расценены в ФРГ как свидетельство существенных перемен в позициях Вашингтона по жизненно важным для нее международным проблемам. Повсеместно цитируемое высказывание Байдена “Америка вернулась”, прозвучавшее в ходе виртуальной сессии Мюнхенской конференции по безопасности 19 февраля 2021 г., было именно тем, что в Берлине хотели услышать от нового главы Белого дома. В своем выступлении на конференции А. Меркель объявила о готовности Германии “открыть новую главу” в трансатлантическом партнерстве и предложила Байдену тесное сотрудничество в выработке общего подхода и совместного плана действий во взаимоотношениях с Китаем и Россией. В то же время, несмотря на царившую на конференции эйфорию, канцлер сочла необходимым отметить, что США и их европейские союзники не всегда будут выступать с единых позиций. “У меня здесь нет никаких иллюзий”, – подчеркнула Меркель [4].

В Берлине не строят иллюзий и относительно того, что с приходом Байдена трансатлантические отношения вновь станут такими же, какими они были до президентства Трампа. Еще накануне выборов в США министр иностранных дел ФРГ Х. Маас предупреждал: “Каждый, кто считает, что с президентом от демократической партии все снова станет так, как было когда-то, недооценивает глубоких структурных изменений” [5].

“СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-2”: РАЗНОГЛАСИЯ СОХРАНЯЮТСЯ

Прежние разногласия, связанные с требованиями администрации Трампа остановить строительство газопровода СП-2, дали о себе знать

в первые же дни президентства Байдена, продемонстрировавшего свою неуступчивость в этом вопросе и намерение использовать образ “агрессивной России” для сплочения союзников в противостоянии новым вызовам. Несмотря на высокую заинтересованность в нормализации взаимоотношений с новой администрацией, отказываться от продолжения строительства газопровода Германия не намерена. И, как представляется, не только потому, что это повлекло бы за собой долгосрочные и крупные экономические потери, но и из-за политических соображений (в том смысле, что Берлин намерен отстаивать свое право принимать собственные решения, не всегда и не обязательно согласовывая их с Вашингтоном). Перед самым открытием Мюнхенской конференции бывший министр иностранных дел ФРГ З. Габриэль, возглавляющий созданную для укрепления взаимоотношений Германии с Соединенными Штатами НПО “Атлантический мост”, жестко отверг критику в отношении газопровода со стороны новой американской администрации, заявив: “С точки зрения европейского суверенитета это вообще не касается США. Я считаю, что это решение европейское – со всеми шансами и рисками. Отнюдь не американское” [6].

Проблемы, связанные с завершением строительства газопровода СП-2, стали самым серьезным камнем преткновения в начавшемся процессе перезагрузки трансатлантических отношений. В ФРГ подавляющее большинство политиков из всех партий (исключая “Зеленых”) считают проект чисто коммерческим и отвергают американские санкции как вмешательство во внутренние дела Германии и Евросоюза. При этом простого решения проблемы с газопроводом – даже в случае его достройки и ввода в действие – никто не ожидает. На это в числе других экспертов указывает старший аналитик близкого к правительству “Фонда наука и политика” (*Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP*) К. Вестфаль, чей доклад “Северный поток-2 – дилемма Германии”, опубликованный в апреле 2021 г., стал предметом широкого обсуждения в экспертном и политическом сообществе ФРГ. По мнению автора доклада, реализация этого проекта в нынешних международно-политических условиях больше “не функционирует как элемент снятия напряженности в германо-российских отношениях” [7]. Однако он остается весьма значимым с точки зрения энергетических интересов Германии, поскольку обеспечивает дополнительные поставки 55 млрд куб. м газа по наиболее короткому и современному пути и делает возможности энергопоставок в ФРГ более диверсифицированными, отмечает К. Вестфаль [7].

Вместе с тем нельзя не учитывать общую политическую ситуацию вокруг проекта. На сегодняшний день не только США, но и Еврокомиссия,

и многие страны ЕС, не говоря уже об Украине, не поддерживают позицию, по-прежнему отстаиваемую Берлином, и считают, что газопровод “разделяет Европу” и усиливает ее энергетическую зависимость от России. Давление на федеральное правительство в пользу отказа от проекта усилилось и в самой Германии, где экологическим организациям, подававшим иски в судебные инстанции, уже не раз удавалось приостанавливать строительство газопровода. Против него выступают министр обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр, председатель комитета Бундестага по внешней политике Н. Ретген, кандидат в канцлеры от имеющей высокие шансы войти в будущее правительство партии “Зеленых” А. Бербок. Тем не менее перспектива полного отказа от проекта (даже в случае его завершения), неизбежно приведшего бы к крупным инвестиционным и репутационным потерям Германии, всерьез в Берлине практически никем не рассматривается. А противостояние по этому вопросу с администрацией Байдена вылилось в поиски компромисса. В результате в ходе нескольких встреч главы МИД ФРГ Х. Мааса с госсекретарем США Э. Блинкеном весной 2021 г. такой компромисс в определенной степени был достигнут. 19 мая было объявлено о решении США не вводить санкций против компании – оператора газопровода *Nord Stream AG* и ее исполнительного директора, гражданина ФРГ М. Варинга, часто называемого в Германии “другом Путина”. В Берлине это решение было расценено как важный шаг навстречу, вписывающийся в новую трансатлантическую стратегию, нацеленную на выстраивание сбалансированных отношений США с союзниками, в которых Вашингтон нуждается для противостояния с “авторитарными режимами”.

Очевидно, что жесткое давление на Германию в тех вопросах, где уступок от нее ожидать не приходится, в эту стратегию плохо укладывается. Тем более что завершению строительства уже на 95% готового газопровода практически трудно помешать. К тому же заявление о *частичном* (курсив мой. – А.К.) отказе США от санкций против “Северного потока-2” было сделано в ходе первой встречи Э. Блинкена с главой МИД России С. Лавровым в Рейкьявике и вполне вписывалось в рамки смягчения конфликтности накануне предстоящей встречи Дж. Байдена с В. Путиным. При этом в Берлине не сомневаются, что новый американский президент продолжает так же жестко (за исключением избранного тона) отвергать проект газопровода, как и его предшественник, и будет препятствовать его вводу в строй. На это, среди прочего, указывает и тот факт, что буквально на следующий день после встречи в Рейкьявике США ввели новые санкции против 13 российских судов и 14 компаний, участвующих в прокладке газопровода. В Ва-

Вашингтоне явно рассчитывают на то, что даже в случае завершения строительства А. Меркель, а скорее всего ее преемника или преемницу удастся убедить согласиться с американскими доводами. В настоящее время ввод газопровода в строй предполагается в конце 2021 г. В условиях наступающей к этому времени “эры после Меркель” и весьма вероятного прихода в правящую коалицию “Зеленых”, давно и решительно выступающих против ввода СП-2 в строй, ситуация может существенно измениться. Обращает на себя внимание заявление А. Крамп-Каренбауэр (видящей “мало смысла” в остановке строительства почти законченного газопровода), сделанное после ее переговоров с главой Пентагона Л. Остином в Берлине в апреле 2021 г. о том, что в будущем объем поставок газа по новому газопроводу следует связать с поведением России [9]. Представляется, что в любом случае “Северный поток-2” достаточно долгое время останется предметом споров и серьезных разногласий между Германией, Евросоюзом и РФ, между государствами ЕС и между Германией и США.

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ

По словам Х. Мааса, ситуация с СП-2 является единственной темой, по которой у Берлина существуют серьезные разногласия с новой администрацией в Вашингтоне. Несмотря на то что по целому ряду вопросов (особенно по климатической повестке) позиции трансатлантических союзников заметно сблизились, такая оценка министра представляется существенным преувеличением. Об этом свидетельствуют проблемы выработки единой трансатлантической политики в отношении Китая. В своей речи на Мюнхенской конференции Байден назвал Китай главной угрозой трансатлантическому сообществу, подчеркнув, что западным союзникам следует готовиться к долгосрочному и жесткому противостоянию с ним.

В Берлине разделяют тезис о том, что в ближайшие десятилетия трансатлантическая повестка будет в значительной мере определяться растущим влиянием и политикой Китая, а взаимоотношения США и ЕС с КНР затронут не только экономические интересы ФРГ, но и сферу безопасности. С этим связываются опасения, что без согласованной (не только в самом Евросоюзе, но и с США) внешней и оборонной политики раздробленный и слабый в военном отношении ЕС может стать жертвой обостряющегося соперничества великих держав. Поэтому призывы Байдена к выработке единого трансатлантического подхода к взаимоотношениям с Китаем в Берлине в целом приветствуются. Однако возникшая еще при Трампе настороженность немцев по поводу попыток США втянуть Германию в антикитайский альянс никуда не ис-

чезла. Тем более что в отношении Китая политика Байдена мало отличается от политики Трампа, если не стала еще жестче. Как утверждает горячая сторонница “нового курса” Байдена, корреспондентка *Deutsche Welle* в Брюсселе Б. Везель, “только если европейцы создадут единый фронт с США, ущерб для китайской экономики может оказаться достаточно большим, что в какой-то степени вынудит Пекин к компромиссам” [8].

Однако такой путь к достижению компромиссов с Китаем вряд ли может устроить Берлин. Разумеется, там, как и в Вашингтоне, высказывают “глубокую обеспокоенность” насилием против уйгуров в китайской провинции Синьцзян и жестоким подавлением гражданских выступлений в Гонконге. Но позиции по обе стороны Атлантики относительно требуемой стратегии в отношении КНР заметно разнятся. В ФРГ опасаются, что жесткая антикитайская политика США может подорвать или, по меньшей мере, ослабить экономические связи ЕС, и прежде всего Германии, с Китаем. К тому же сторонники усиления давления на Пекин в Вашингтоне открыто призывают союзников не считаться со связанными с этим экономическими издержками. Очевидно, что ни в Берлине, ни в Брюсселе пока к таким действиям не готовы.

По итогам 2020 г. Китай впервые стал крупнейшим внешнеторговым партнером Евросоюза, опередив США. Для Германии он является таковым пятый год подряд (в 2020 г. товарооборот между двумя странами превысил 212 млрд евро) [9]. Немецкие автопроизводители, в значительной степени определяющие экспортный потенциал страны, продают в Китае больше автомобилей, чем в собственной стране. В 2018 г. в ходе очередных межправительственных консультаций между ФРГ и КНР был подписан документ “Ответственные партнеры за лучший мир”, в котором зафиксирован примат “основанного на правилах” международного порядка и говорится о поддержке деятельности ООН и ее целей. Названные формулировки не в последнюю очередь предназначались Трампу, не скрывавшему своего презрения к международным правилам и институтам.

С приходом в Белый дом Байдена конфликтный потенциал во взаимоотношениях западных союзников с Китаем не только не уменьшился, но продолжает расти. Переориентация трансатлантической политики на вопросы защиты демократии и либеральных ценностей привела к тому, что Евросоюз впервые с 1989 г. ввел против Китая санкции², на что Пекин не замедлил ответить еще более жесткими и обширными санкциями в отно-

² Санкции были введены в связи с упомянутой выше политикой Пекина в отношении меньшинств и жестокими подавлениями демократических движений.

шении депутатов Европарламента. В этой ситуации Вашингтон усилил давление на Берлин как своего важнейшего европейского партнера с целью привлечь его к более жестким мерам в адрес КНР. Это нашло свое отражение в принятом Бундестагом в апреле 2021 г. “Втором законе о повышении безопасности информационных систем”, явно направленном против китайского производителя *Huawei*, конкурентная активность которого вызывает особое раздражение в США. При этом не осталось без внимания, что, несмотря на ряд ограничений, концерну полностью не отказали в участии в высокоприбыльном оснащении сетей 5G в Германии [10].

С усилением великодержавного соперничества между США и Китаем традиционный для Германии курс на экономическую взаимозависимость и международное разделение труда все чаще вступает в противоречие с проводимым Байденом курсом на “разъединение” (*Decoupling*) трансатлантического альянса с Китаем. С одной стороны, в Берлине, как и в Вашингтоне, осознают риски, связанные со слишком сильной экономической и торговой зависимостью от КНР, отчетливо давшие о себе знать в период пандемии *COVID-19*. Тем более что Китай является единственным из крупнейших торговых партнеров Германии, с которым она имеет высокое отрицательное сальдо — около 14 млрд долл. С другой стороны, немецкая экономика глубоко интегрирована в мировое хозяйство. Не случайно Х. Маас, подводя итоги встречи со своим китайским коллегой Ван И, счел необходимым подчеркнуть, что, несмотря на множество обозначившихся проблем, “разъединение” Германии с Китаем является “неправильным путем” [10]. Помимо прочего, в Берлине опасаются, что политика жесткого давления на Пекин может способствовать его сближению с Москвой.

Для ФРГ, как и для ЕС в целом, выгоды от экономического сотрудничества и торговли с КНР превалируют над идеологическими расхождениями, положенными в основу позиции США при формировании единого трансатлантического подхода в отношении Китая. В конце 2020 г. Евросоюз (под председательством и при активном содействии Германии) и китайское руководство достигли принципиальной договоренности по Всеобъемлющему соглашению об инвестициях (*Comprehensive Agreement on Investment, CAI*), предусматривающему возможность для европейских компаний в Китае пользоваться более широкими, чем прежде, возможностями. Как отмечали эксперты, благодаря этому соглашению немецкие инвесторы должны были получить беспрецедентный доступ на китайский рынок.

Однако в Вашингтоне посчитали, что европейцы уступили давлению Пекина и согласовали

договор, наносящий ущерб интересам Соединенных Штатов и их союзников. В результате 20 мая 2021 г. Европарламент заморозил подготовку к ратификации *CAI*, назвав причиной этого решения введенные Пекином санкции против европейских дипломатов и призвав к более тесному сотрудничеству с США во взаимоотношениях с Китаем. Как отмечали многие эксперты, готовность Брюсселя подписать соглашение с КНР вопреки давлению со стороны новой американской администрации отражала прежде всего интересы Германии и ее возросшее влияние в ЕС.

В создавшихся условиях взаимодействие ФРГ с Китаем усложнилось, а поле маневра Берлина заметно сузилось. От крупных немецких политиков из разных партий (особенно из СДПГ) звучат рекомендации федеральному правительству избегать участия в “гегемонистском” американо-китайском противоборстве и не втягиваться в военную стратегию США по “сдерживанию” Китая. Показательно заявление лидера ХДС А. Лашета, претендующего после сентябрьских выборов на пост канцлера, о том, что он разделяет вызвавшую споры позицию А. Меркель по *CAI* и поддержит это соглашение, если станет канцлером.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

В предпринимаемых Берлином усилиях по восстановлению и активизации трансатлантического партнерства особое место отводится борьбе с изменением климата и переходу на возобновляемые источники энергии. На протяжении уже нескольких последних лет климатическую повестку подавляющее большинство немецких граждан неизменно относит к числу важнейших для Германии. Даже в условиях продолжающейся пандемии *COVID-19*, жесткого локдауна и экономического спада 59% опрошенных в мае 2021 г. немцев высказали мнение, что климатический кризис оказывает большее воздействие на экономику и общество, чем пандемия [11]. В связи с этим экологическая тематика постоянно находится в центре внимания правящей коалиции, тем более что демонстрирующая впечатляющие электоральные успехи партия Союз 90/“Зеленые” после парламентских выборов осенью этого года имеет хорошие шансы войти в правительство.

Выступая за достижение к 2050 г. намеченной в Парижском соглашении по климату и общей для ЕС цели “климатической нейтральности”, в Берлине всегда считали необходимым действовать совместно с другими крупными державами, прежде всего с США, Китаем и Россией. Выход Соединенных Штатов из Соглашения при Трампе, его климатическая политика, в результате которой многие климатические нормы в Америке были отменены

и она опустилась на нижние позиции списка стран по уровню “экологической эффективности”, вызывали резкую критику в Германии.

Со сменой власти в Вашингтоне в государственной климатической политике обозначились серьезные изменения. Вернув страну в Парижское соглашение, Байден заявил о намерении сделать противодействие климатическим изменениям одним из центральных элементов внешней политики и политики безопасности не только США, но и трансатлантического альянса. По инициативе нового американского президента 22–23 апреля состоялся климатический саммит, в котором приняли участие (в виртуальном формате) главы 41 государства, включая президента России В. Путина. На саммите было объявлено о решимости Соединенных Штатов к 2030 г. удвоить объем производства возобновляемой энергии, сократить эмиссию парниковых газов, а также оказывать научное и финансовое содействие в вопросах климата другим странам и т. д. [12]. При этом в Берлине не осталось незамеченным, что, признав явное запаздывание Вашингтона с решением климатических проблем, Байден заявил о намерении *возглавить* (курсив мой. — А.К.) противодействие климатическому кризису на глобальном уровне.

Включение климатической повестки в трансатлантический контекст широко поддерживается в Германии, на сегодняшний день являющейся общепризнанным лидером мирового экологического движения. В октябре 2019 г. правительство А. Меркель, прозванной в Германии “климатическим канцлером”, приняло масштабную “Программу по защите климата”, в которой прописан план действий в области охраны окружающей среды и использования возобновляемых источников энергии. Как следует из проекта обновленной версии федерального закона о защите климата, одобренного федеральным правительством 12 мая 2021 г., Германия намерена к 2045 г. — на пять лет раньше запланированного срока — стать “климатически нейтральной”.

По мнению большинства немецких экспертов, поставленные в новом законе задачи являются очень амбициозными и трудновыполнимыми. В частности, только с 2023 по 2030 г. Германии предстоит сократить выбросы вредных парниковых газов существенно больше, чем предписывалось в первоначальном варианте закона. Очевидно, что такая активность не в последнюю очередь связана с разворачивающейся в стране предвыборной борьбой, в которой экологическая проблематика станет одной из центральных. Неслучайно за еще большее сокращение сроков выполнения поставленных в новом законе задач выступают не только “Зеленые”, но и представители всех пра-

вительственных партий. (Хотя еще в апреле этого года А. Меркель заявляла о намерении сделать Германию климатически нейтральной лишь к 2050 г.) Как следует из выступления канцлера на климатическом саммите, в ближайшие годы Германии предстоят крупные изменения в транспорте, жилищном хозяйстве и т. д., на которые в следующие четыре года будет выделено 54 млрд евро [13].

Борьба с изменениями климата и охрана окружающей среды сегодня остаются одной из немногих сфер, где возможны не только оживление трансатлантического взаимодействия, но и активизация сотрудничества между США, ЕС, Китаем и Россией с прицелом на решение других, не обязательно связанных с климатической повесткой проблем.

БОЕГОТОВНОСТЬ БУНДЕСВЕРА И РАСХОДЫ НА ОБОРОНУ

Высоко оцениваемые в Берлине начавшиеся при Байдене изменения в трансатлантических отношениях неизменно сопровождаются заверениями ведущих немецких политиков о готовности Германии стать более активным партнером США, взять на себя больше ответственности в решении общих задач и т. п. В условиях новых вызовов безопасности, главным из которых в США и НАТО считают политику Китая и России, и смещения фокуса американских стратегических интересов на азиатско-тихоокеанское направление, важнейшим требованием к Германии как европейскому лидеру становится увеличение ее материального и финансового вклада в НАТО. Очевидно, что надеждам на то, что при Байдене жесткие требования Вашингтона о повышении боеготовности бундесвера и немецких расходов на оборону отойдут в прошлое, сбыться не суждено. Меняется разве что тональность дебатов. К тому же и готовность Берлина хотя бы частично пойти навстречу этим требованиям существенно повысилась. Но в условиях продолжающейся пандемии и экономического спада сделать это будет непросто.

Давней и наболевшей проблемой Германии является неудовлетворительное состояние и хроническое недофинансирование армии. По свидетельству ежегодных инспекций бундесвера, на протяжении уже почти десятка лет немецкая армия во многом не отвечает требованиям НАТО, а значительное количество ее боевой техники непригодно для использования [1]. Кроме того, в последние годы в результате отмены призыва численность бундесвера сократилась, в то время как зона его использования постоянно расширяется. Таким образом, прежние проблемы с боеготовностью и оснащением немецкой армии современным

вооружением не только остаются нерешенными, но и обострились.

Как отмечал уполномоченный Бундестага по вопросам обороны Х.-П. Бартельс в январе 2021 г., несмотря на значительное увеличение военных расходов за последние пять лет, состояние немецких вооруженных сил по-прежнему остается неудовлетворительным и характеризуется нехваткой персонала, дефицитом материального обеспечения и чрезмерным бюрократизмом [14]. Из-за неутвержденного в условиях пандемии финансирования несколько крупных военных проектов бундесвера оказалось под угрозой срыва. В частности, это относится к программам создания нового европейского истребителя с участием ФРГ, Франции и Испании, нового танка, разрабатываемого Германией и Францией, и новой подводной лодки, в разработке которой вместе с Германией участвует Норвегия. Остаются нереализованными не столь глобальные, но весьма важные для армии проекты, такие как закупка двух патрульных самолетов *Boeing P-8A*, двух танкеров, новых служебных катеров и т. д. Как следует из конфиденциального документа Министерства обороны ФРГ, на который ссылается журнал *Spiegel*, большинство отмеченных проблем связано с общим запланированным сокращением выделяемых после 2022 г. средств. Очевидно, что названными выше проблемами предстоит заняться следующему правительству.

18 мая 2021 г. министр обороны ФРГ А. Крамп-Каренбауэр и генеральный инспектор бундесвера Э. Цорн обнародовали ключевые положения объемистого документа, направленного на рассмотрение в Бундестаг. Предполагается, что положения этого документа должны быть реализованы в течение нескольких лет, но первые шаги запланированы уже на этот год. Как сказано в документе, вооруженные силы Германии слабо соответствуют современным вызовам и угрозам и нуждаются в масштабной модернизации. Главными целями, по словам Э. Цорна, являются повышение оперативной готовности бундесвера и переориентация его центральной задачи с участия в зарубежных миссиях на территориальную оборону альянса.

Разъясняя поставленные в документе задачи, А. Крамп-Каренбауэр заявила, что нынешнее состояние вооруженных сил ФРГ не позволяет им эффективно противостоять растущему влиянию Китая и России [15]. Как справедливо отмечал директор Центра германских исследований Института Европы РАН В. Белов, жалобы немецкого Минобороны на недостаточное финансирование раздаются в течение многих лет и в значительной мере направлены на то, чтобы получить поддержку электората [16].

Представляется, что в условиях экономических и финансовых проблем, обострившихся в последнее время, а также с учетом традиционного скептицизма немцев в отношении необходимости наращивания Германией военной мощи, добиться этого будет сложно. Достаточно сказать, что несмотря на эйфорию, связанную с приходом в Белый дом Байдена, в германском экспертном и политическом сообществе вновь активизировалась дискуссия по вопросу об участии ФРГ в программе совместного использования ядерного оружия в рамках НАТО. Глава фракции, входящей в правительство СДПГ в Бундестаге, Р. Мютцених призывает к выводу американского ядерного оружия с территории Германии и выходу последней из этой программы. Депутаты от партии “Зеленых”, рассчитывающие после выборов оказаться в новом правительстве, придерживаются схожей позиции.

С названным выше кругом проблем неразрывно связан вопрос о немецких расходах на оборону, являвшихся предметом острых споров Берлина с Вашингтоном при Трампе, требовавшем от ФРГ выполнения обязательного для всех членов НАТО решения о повышении оборонных расходов к 2024 г. до 2% от ВВП. Все федеральные правительства до украинского кризиса фактически игнорировали это решение, принятое еще в 2002 г., а соответствующий показатель не превышал 1.2%. В последние годы, в условиях растущего влияния Китая, обострения напряженности в отношениях НАТО и ЕС с Россией и усилившегося давления со стороны США, готовность Берлина к увеличению военных расходов заметно возросла. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (*SIPRI*), в 2020 г. расходы Германии на оборону возросли на 5.2% по сравнению с предыдущим годом и составили 52.8 млрд долл. (около 44 млрд евро), или 1.56% от ВВП, что стало крупнейшим ростом военного бюджета страны со времен холодной войны [17]. По общей сумме расходов на оборону европейских участников НАТО ФРГ отстает только от Великобритании и Франции. Тем не менее вопрос о выполнении Германией предписаний альянса продолжает оставаться камнем преткновения в ее взаимоотношениях с США и при Байдене. А. Крамп-Каренбауэр, наиболее активно из всех немецких политиков выступающая за скорейшее достижение 2%-го показателя, считает это “возможным” лишь в 2031 г. А. Меркель, отличающаяся дипломатичностью, говорит о решимости “стремиться к его достижению”. К тому же канцлер не раз подчеркивала, что в ее понимании, помимо собственно военных статей, к оборонным расходам относятся и затраты на деятельность по предотвращению кризисов (преимущественно невоенного характера), помощь развивающимся

странам и пр. Показательно, что когда в мае 2019 г. ФРГ передала в НАТО информацию о крупнейшем за последние десятилетия увеличении военного бюджета, то Министерство обороны выступило с разъяснением, что в основном были увеличены расходы, которые в соответствии с критериями НАТО можно относить к оборонным. В частности, речь шла о расходах на содержание размещенных на территории Германии иностранных военнослужащих, дезактивацию устаревших типов боеприпасов и т. п.

Как представляется, несмотря на заметный рост военных расходов в последнее время, в обозримой перспективе Германии вряд ли удастся достичь требуемого показателя. С учетом высокого общего объема ВВП и его ежегодного прироста почти на 2% нынешний военный бюджет ФРГ пришлось бы увеличить почти вдвое. Это вызывает протест не только у подавляющего большинства немецких граждан, но и у депутатов Бундестага от всех партий. Кандидат в канцлеры от СДПГ на предстоящих выборах в Бундестаг, нынешний министр финансов О. Шольц высказывается даже против показателя 1,5%, подчеркивая, что в условиях экономического спада приоритет должен отдаваться повышению расходов на социальные нужды и восстановлению экономики. Глава фракции СДПГ в Бундестаге Р. Мютценх в интервью газете *Neue Osnabrücker Zeitung* 28 апреля 2021 г. заявил, что в ходе предвыборной борьбы будет выступать за отказ Германии от выполнения обязательства расходовать на оборону не менее 2% от ВВП, подчеркнув, что полностью разделяет позицию кандидата в канцлеры от партии “Зеленых” А. Бербок, назвавшей в своем программном предвыборном интервью увязку расходов на оборону с ВВП “абсурдной” [18, 19].

Очевидно, что разгоревшаяся накануне парламентских выборов в Германии дискуссия по вопросу о необходимости повышения расходов на оборону определяется не только финансовыми или электоральными соображениями. Помимо усиления военно-политического противостояния в мире и известной реакции НАТО, в Берлине не могут игнорировать позицию новой администрации США, изменившейся лишь по тональности, но не по сути, а также усиление проамериканских настроений в странах Балтии и ЦВЕ.

Нацеленность Германии на повышение своего влияния и в ЕС, и в обновленной трансатлантической связке предполагает, среди прочего, увеличение расходов на оборону. Представление о том, что европейцы еще долго не смогут обходиться без американских гарантий безопасности, разделяют все значимые политические силы ФРГ, и любое немецкое правительство будет вынуждено платить

за них по возможности больше. В этом же направлении Берлин подталкивает и желание урегулировать наиболее острые разногласия с Вашингтоном, возникшие при Трампе. Кроме того, осуществление инициированного в свое время германо-французским тандемом (и в очередной раз на время подзабытого) проекта продвижения к стратегической автономии ЕС также потребует финансовых затрат.

К СПОРАМ О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ЕС

Президентские выборы и смена власти в США дали новый импульс давно ведущимся европейским дебатам о стратегической автономии. Содержащееся в официальных документах Евросоюза понятие “стратегическая автономия” для многих остается неясным. Ведущая роль в продвижении концепции строительства стратегической автономии Европы исторически принадлежала Франции. Неопределенность и непредсказуемость политики США при Трампе, а также Брекзит в значительной мере способствовали сближению позиций Германии и Франции в отношении необходимости для Европы “взять, — по словам А. Меркель, — собственную судьбу в свои руки” и делать больше для обеспечения безопасности, защиты своих стратегических интересов и укрепления европейского суверенитета.

Центральным пунктом подписанного в январе 2019 г. в Аахене германо-французского договора о сотрудничестве и интеграции является обязательство продвигаться к сближению целей и стратегий обеих стран по углублению европейской интеграции и укреплению политической автономии ЕС, в том числе и в вопросах обеспечения безопасности. В одном из пунктов договора закреплена обоюдная готовность обеих стран отвечать на агрессию третьей стороны, что прямо связывалось аналитиками с угрозами Трампа “ухода США из Европы”. Важным результатом расширившегося германо-французского сотрудничества в вопросах укрепления европейской обороноспособности на пути к стратегической автономии ЕС стала программа *PESCO* (*Permanent Structured Cooperation*), направленная на оптимизацию военно-промышленного сотрудничества европейских стран. К середине 2020 г. в рамках *PESCO* осуществлялось 47 проектов, в 17 из которых участвовала Германия [1].

В связи с надеждой европейцев, и особенно немцев, на позитивные изменения в трансатлантическом сотрудничестве при Байдене споры о необходимости дальнейшего стремления к стратегической автономии вспыхнули с новой силой. За два дня до выборов в США А. Крамп-Каренбауер опубликовала в журнале *Politico* статью под заголовком “Европа по-прежнему нуждается в Америке”, в которой говорилось, что европейцы не могут за-

менить решающую роль Соединенных Штатов как гаранта их безопасности и “иллюзиям о европейской автономии” пора положить конец [20]. Через несколько дней это высказывание резко раскритиковал французский президент Э. Макрон, заявив о полном несогласии с немецким министром и обвинив ее в “ошибочной интерпретации истории”. Макрон подчеркнул, что США могут рассчитывать на европейцев только в том случае, если они “относятся серьезно к самим себе” и “обладают суверенитетом в собственной оборонной политике” [21]. По его мнению, американские и европейские интересы безопасности во многом не совпадают, а чрезмерные надежды на эффективность НАТО ограничивают Европе свободу действий, поэтому она будет и дальше заниматься повышением собственной автономности.

Как считают некоторые аналитики, в результате серьезных разногласий, обозначившихся в германо-французском споре по проблемам будущих взаимоотношений Брюсселя с Вашингтоном и НАТО в сфере безопасности, европейцы оказались перед выбором: курс на стратегическую автономию или (курсив мой. — А.К.) восстановление тесных связей с США и опора на них и североатлантический альянс. Такой подход представляется несколько упрощенным. Теоретически все европейские лидеры согласны с тем, что Евросоюз должен предпринимать больше усилий для обеспечения собственной безопасности, проявляя готовность, считает А. Крамп-Каренбауэр, “не только брать, но и отдавать”. Берлин и Париж едины в том, что для этого должно выделяться больше средств. Как отмечала министр обороны Германии в упомянутой выше статье в *Politico*, затраты на стратегическую автономию, понимаемую как окончательный отход от США, могут оказаться “несравнимо выше” требуемых НАТО 2% от ВВП.

Нельзя не заметить, что, настойчиво призывая к укреплению европейской самостоятельности, Макрон вовсе не требует разъединения Европы с США (тем более “окончательного”) и отнюдь не считает, что в обозримом будущем европейская оборона сможет обеспечиваться вне рамок НАТО. Большинство усматриваемых в германо-французском споре разногласий лишь кажущиеся. Так, критика немецким министром “иллюзий” о стратегической автономии не столько направлена против важнейшего стратегического партнера Берлина в ЕС, сколько предназначена для “естественного и неизбежного” (А. Меркель) союзника Германии по другую сторону Атлантики и должна продемонстрировать, что ФРГ нуждается в США и рассчитывает на их помощь.

Среди немецких политиков немало атлантистов традиционного толка, считающих, что со сменой власти в Вашингтоне произойдет возврат к преж-

ней, удобной для Германии схеме трансатлантических взаимоотношений, где ответственность за обеспечение европейской безопасности практически полностью была возложена на Соединенные Штаты. Однако тех, кто разделяет эту позицию, — меньшинство. Как показывают различные опросы общественного мнения, более половины немцев выступают за укрепление независимости от США. В опросе, проведенном в восьми государствах ЕС об отношении их граждан к “европейскому суверенитету”, Германия оказалась в лидерах (почти две трети опрошенных его поддерживают) [22]. В то же время около половины респондентов высказываются за сохранение традиционной для Германии сдержанности в военно-стратегических вопросах, что в известной мере служит препятствием для активизации усилий в продвижении к стратегической автономии.

Наиболее последовательными приверженцами укрепления европейского суверенитета (эта смягченная формулировка в последнее время встречается все чаще), в том числе в вопросах обороны, остаются участники нынешней правящей коалиции ХДС/ХСС и СДПГ, при этом в левом крыле СДПГ и у “Зеленых” преобладают настроения против повышения военных расходов. В правопопулистской партии Альтернатива для Германии (АдГ) считают, что число немецких солдат, участвующих в военных операциях как в рамках НАТО, так и по мандату ЕС, должно быть уменьшено. В “Левой партии” и вовсе полагают, что не только НАТО, но и бундесвер в основном себя изжили. За прошедшие годы в немецком обществе широко распространились антиамериканские настроения и идеи европейской автономии, предполагающие в том числе вывоз из Германии американского ядерного оружия и выведение части военнослужащих США, которые пользуются достаточно широкой поддержкой в обществе. Учитывая вышесказанное, некоторые немецкие эксперты видят опасность в том, что Германия и ЕС в целом могут оказаться в ситуации наихудшего для них варианта разрешения упомянутого выше спора: Европа без американской защиты и без собственных возможностей ее заменить.

Говорить о “резком повороте” ФРГ к “традиционному” атлантизму не приходится. В Берлине нет ни одного ответственного политика, считающего возможным возврат трансатлантических отношений к “дотрамповским” временам. Представители всех партий едины во мнении, что начавшееся при Байдене обновление трансатлантического партнерства будет сопровождаться сокращением американских обязательств в Европе и переориентацией внешнеполитических интересов США в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. “Поэтому нам нужно будет и в дальнейшем инве-

стировать средства в европейскую безопасность и в наши общие возможности. А целью должен быть европейский суверенитет”, — говорится в статье Х. Мааса в газете *Die Welt*. Не забыв сопроводить это утверждение фактически обязательной для представителя федерального правительства оговоркой, что названная цель не противоречит трансатлантическому партнерству, министр отметил, что “это партнерство не означает слепое повиновение” [5].

Очевидно, неизбежные на какое-то время для ЕС и Германии дополнительные усилия по восстановлению трансатлантических связей и нормализации взаимоотношений с США затормозят стимулированное политикой Трампа медленное продвижение ЕС в направлении стратегической автономии. Между тем с утверждениями некоторых экспертов о том, что в результате намеченных при Байдене изменений в трансатлантизме Евросоюзу придется распрощаться с самой идеей стратегической автономии, согласиться трудно. Подобные высказывания сегодня достаточно часто слышны по обе стороны Атлантики. Однако, когда эйфория европейцев и особенно немцев от “возвращения США в Европу” несколько уменьшится, а нигде не исчезнувшие старые и уже появившиеся новые расхождения дадут о себе знать, ситуация может измениться. Стоящий перед Европой вопрос: что она может ожидать от Вашингтона и что ей придется делать самой, перейдет в практическую плоскость. Разумеется, сегодня в Берлине рады тому, что администрация Байдена демонстрирует заинтересованность в укреплении взаимопонимания и взаимоотношений с союзниками. В то же время там прекрасно понимают, что американцы будут использовать обновленный трансатлантизм прежде всего в своих собственных интересах, далеко не всегда совпадающих с европейскими, а иногда и прямо им противоречащих.

С приходом в Белый дом администрации Байдена надежды Берлина на улучшение германо-американских отношений и укрепление трансатлантического сотрудничества Вашингтона и Брюсселя в известной мере оправдываются. Соединенные Штаты возобновили участие в целом ряде международных организаций, продлили действие важнейшего для поддержания стратегической стабильности Договора СНВ-3, распространили трансатлантическую повестку на приоритетную для Германии проблематику защиты климата. Как представляется, готовность ФРГ стать более активным партнером США выросла не только на словах, и взаимодействие Берлина с Вашингтоном в решении ряда международных проблем в обозримый период расширится.

Вместе с тем уже после первых 100 дней пребывания Байдена на президентском посту ожидания, что с уходом Трампа наиболее спорные моменты его трансатлантической политики будут кардинально пересмотрены, постепенно рассеиваются. В немецких экспертных и политических кругах все чаще задаются вопросом, не ограничатся ли столь ожидаемые изменения в основном лишь смягчением риторики. Как отмечают в Берлине, многие из ключевых установок политики Байдена, по сути, мало чем отличаются от подходов его предшественника: ставка на силу во взаимоотношениях с Китаем и Россией, требования дальнейшего повышения военных расходов, жесткое противодействие проекту “Северный поток-2”, продолжение протекционистской торговой политики и т. д.

В Берлине не осталось незамеченным решение Вашингтона (хотя и чисто символическое) об увеличении численности американского воинского контингента в Германии на 500 человек (взамен объявленного Трампом вывода 12 тыс. военнослужащих), которое не было согласовано и оказалось неожиданным для всех европейских союзников США по НАТО. В полной мере это относится и к решению о выводе американских войск из Афганистана. О нем Байден без предварительных консультаций информировал Германию и других партнеров, не оставив им никакого другого выбора, кроме как в спешке и без должной подготовки начать выводить свой войска. С разочарованием в ФРГ отнеслись к отказу администрации Байдена снабдить Европу минимальным объемом американских вакцин, что было воспринято как намерение следовать установке Трампа — “Америка прежде всего”.

Несмотря на ряд позитивных изменений в Берлине не ожидают возврата к прежним (“дотрамповским”) весьма удобным и выгодным трансатлантическим отношениям. Здесь исходят из того, что и ЕС, и ФРГ оказались перед новыми вызовами, уклоняться от которых станет еще труднее, чем в предыдущие годы. Не в последнюю очередь это связано с происходящим глубокоим расколом в американском обществе, необходимостью неотложного решения множества экономических, социальных, расовых и других внутривнутриполитических проблем. Достаточно упомянуть образовавшийся в США крупнейший торговый дефицит в сочетании с беспрецедентно высокой задолженностью. Кроме того, учитывая тот факт, что за Трампа проголосовала половина американских избирателей, а также возраст нынешнего президента, в обозримом будущем нельзя исключать возможность возврата к той или иной форме “трампизма”.

В последние годы Германия заметно отошла от прежней сдержанности в наращивании воен-

ного потенциала, существенно повысила расходы на оборону, активизировала участие в военных операциях НАТО. Вместе с тем нынешние попытки Вашингтона приобщить союзников к жесткому силовому противостоянию с Китаем и Россией вызывает у значительной части немецкого истеблишмента серьезное беспокойство. “Германия и Европа должны будут настроиться на более жесткую и отчасти напоминающую времена Дж. Буша мл. политику Вашингтона”, — отмечалось в редакционной статье немецкой газеты *Tageszeitung* под красноречивым заголовком “Трансатлантические отношения: новая жесткость” [23]. Если вспомнить, в какой степени политика Дж. Буша мл. отвергалась Германией (вплоть до ее отказа от участия в военной операции НАТО в Ираке), можно предположить, к каким конфликтам интересов приведет “новая жесткость” Байдена. С учетом вышесказанного нельзя исключать, что в долгосрочной перспективе широко распространенное в общественном сознании немцев представление о США как ненадежном партнере может укрепиться, а стихшие на время дебаты о европейском суверенитете и стратегической автономии обрести второе дыхание. К тому же давление в этом направлении важнейшего для ФРГ партнера — Франции отнюдь не ослабевает.

Кроме того, в Германии в активную политическую деятельность вступают представители поколения, для которого события Второй мировой войны и послевоенная американская помощь ФРГ мало что значат. Несравнимо больше их занимают вопросы экологии и цифровизации, проблемы демократии и прав человека, политического и культурного плюрализма. Соответственно, на смену традиционной для немцев благодарности американцам за прошлое приходит критическое восприятие их роли в сегодняшнем мире.

Безусловно, вопрос о повышении вклада Германии в обеспечение европейской безопасности, включая ее военную составляющую, останется

одним из важнейших для любого правительства, сформированного после сентябрьских выборов в Бундестаг. С весьма возможным (на сегодняшний день) приходом в правительство “Зеленых” нынешние подходы Берлина к вопросам безопасности и обороны могут претерпеть определенные изменения. В частности, в предвыборных установках “Зеленых”, как и у всех основных немецких партий, говорится о важности участия ФРГ в НАТО и укрепления трансатлантической солидарности. Но при этом в них содержится требование о безъядерном статусе страны, а это полностью противоречит американскому ядерному планированию в НАТО и участию в нем Германии, против которого выступает и часть членов СДПГ.

В то же время при любом исходе выборов ожидать существенных изменений к лучшему в германо-российских отношениях не приходится. И дело не только и не столько в усилившейся проатлантической ориентации ФРГ или ее уступках требованиям Вашингтона, сколько во внутренних изменениях, происходящих как в России, так и в Германии. Разрыв между ценностными представлениями обеих сторон увеличивается, а сплывающийся при Байдене трансатлантический альянс придерживается во взаимоотношениях с РФ ценностно-ориентированного подхода.

В связи с этим, на наш взгляд, наиболее желательным для Москвы было бы сохранение у власти нынешней правящей коалиции ХДС/ХСС и СДПГ, хотя и ее подход к взаимоотношениям с Россией заметно ужесточился. Последовательное отстаивание правительством А. Меркель проекта “Северный поток-2” вопреки жесткому противодействию Вашингтона и расхождению Берлина с целым рядом его европейских союзников свидетельствует о том, что, несмотря на укрепление трансатлантической связки, Германия в определенных случаях готова дистанцироваться от США для защиты своих интересов. Как представляется, в этом отношении ничего не изменится и после ухода А. Меркель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Арбатова Н., Кокеев А., под ред. *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Москва, Весь мир, 2020. 368 с. [Arbatova N., Kokeev A., eds. *Strategic autonomy of the EU and prospects for cooperation with Russia*. Moscow, Ves' mir, 2020. 368 p. (In Russ.)]
2. Kitzman J. Deutsche sehen in USA größere Bedrohung als in China oder Russland. *Der Spiegel*, 05.05.2021. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/deutsche-sehen-in-usa-groessere-bedrohung-als-in-china-oder-russland-a-d616341d-b1b7-4d87-949d-c2a2959a205b> (accessed 03.06.2021).
3. Amerikaner und Deutsche starten mit unterschiedlichen Meinungen über die transatlantische Allianz in das Jahr 2021. *Pew Research Center*, 23.11.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2020/11/23/amerikaner-und-deutsche-starten-mit-unterschiedlichen-meinungen-uber-die-transatlantische-allianz-in-das-jahr-2021/> (accessed 06.03.2021).
4. *Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des virtuellen Forums der Münchner Sicherheitskonferenz am 19. Februar 2021* (Videokonferenz). Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-des-virtuellen-forums-der-muenchner-sicherheitskonferenz-am-19-februar-2021-videokonferenz-186-0126> (accessed 13.04.2021).

5. Maas H. Es ist Zeit für einen transatlantischen Neuanfang. *Die Welt*, 25.10.2020. Available at: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article218520574/US-Wahlkampf-Es-ist-Zeit-fuer-einen-transatlantischen-Neuanfang.html> (accessed 06.05.2021).
6. Gabriel: Nord Stream 2 geht USA nichts an. *Die Welt*, 18.02.2021. Available at: <https://www.welt.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/article226591245/Gabriel-Nord-Stream-2-geht-USA-nichts-an.html> (accessed 12.03.2021).
7. Westphal K. Nord Stream 2 – Deutschlands Dilemma. *Stiftung Wissenschaft und Politik*, 20.04.2021. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/nord-stream-2-deutschlands-dilemma/> (accessed 02.06.2021).
8. Glucroft W. USA und Deutschland: 500 weitere Soldaten. *Deutsche Welle*, 13.04.2021. Available at: <https://www.dw.com/de/usa-und-deutschland-500-weitere-soldaten/a-57178428> (accessed 27.04.2021).
9. Wesel B. Meinung: Europas Partnerschaft mit den USA hat ihren Preis. *Deutsche Welle*, 24.03.2021. Available at: <https://www.dw.com/de/meinung-europas-partnerschaft-mit-den-usa-hat-ihren-preis/a-56976778> (accessed 06.04.2021).
10. Die Volksrepublik China ist erneut Deutschlands wichtigster Handelspartner. *Statistisches Bundesamt*. Available at: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/handelspartner-jahr.html> (accessed 02.06.2021).
11. Hein M. Deutschland und China: Beziehung unter Stress. *Deutsche Welle*, 28.04.2021. Available at: <https://www.dw.com/de/deutschland-und-china-beziehung-unter-stress/a-57354038> (accessed 30.04.2021).
12. Schrader C. Mehrheit der Deutschen für konsequenten Klimaschutz – trotz Corona. *Süddeutsche Zeitung*, 10.05.2020. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/wissen/corona-klimaschutz-umfrage-1.4902185> (accessed 17.05.2021).
13. Никифоров О. Плюсы и минусы климатического саммита Джо Байдена. *Независимая газета*, 17.05.2021. [Nikiforov O. The pros and cons of Joe Biden's climate summit. *Nezavisimaya gazeta*, 17.05.2021. (In Russ.)] Available at: https://www.ng.ru/ng_energiya/2021-05-17/9_8149_summit.html (accessed 21.05.2021).
14. Deutschland und Europa sind weiter auf Klimaschutzkurs. *Die Bundesregierung*, 22.04.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-leaders-summit-on-climate-1895578> (accessed 30.04.2021).
15. Carstens P. Nicht bereit zur kollektiven Verteidigung. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 28.01.2020. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/wehrbeauftragter-bartels-kritisiert-den-zustand-der-bundeswehr-16604787.html> (accessed 08.03.2021).
16. Wiegold T. Pläne für die "Bundeswehr der Zukunft": Weniger Stäbe, mehr Einsatzbereitschaft – Neufassung (m. Pressekonferenz). 18.05.2021. Available at: <https://augengeradeaus.net/2021/05/plaene-fuer-die-bundeswehr-der-zukunft-weniger-staebe-mehr-einsatzbereitschaft-neufassung-m-pressekonferenz/> (accessed 22.05.2021).
17. Мисик Л. "Вечная проблема": Германии не хватает денег на новый танк и истребитель. *Газета.ru*, 11.05.2021. [Misik L. "Eternal problem": Germany does not have enough money for a new tank and fighter. *Gazeta.ru*, 11.05.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.gazeta.ru/army/2021/05/11/13588844.shtml#:~:text=%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%8F%20%D0%9C%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA-,11.05.2021,-%2C%2018%3A206> (accessed 24.05.2021).
18. Auch Deutschland gibt mehr aus. *Globale Militärausgaben steigen erneut an*. 26.04.2021. Available at: <https://www.n-tv.de/politik/Globale-Militaerausgaben-steigen-erneut-an-article22513732.html#:~:text=Deutschland%20steigerte%20seine%20Milit%C3%A4rausgaben%20um,Jahr%202020%20dem%20Jahresbericht%20zufolge> (accessed 30.04.2021).
19. Mützenich fordert Abkehr vom Zwei-Prozent-Ziel der Nato. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 28.04.2021. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/ruestungsausgaben-muetzenich-fordert-abkehr-von-zwei-prozent-ziel-der-nato-17316429.html> (accessed 30.04.2021).
20. Kramp-Karrenbauer A. Europe still needs America. *Politico*, 02.11.2020. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-still-needs-america/> (accessed 22.05.2021).
21. Thuman M. Die EU muss ihre Position zu den USA neu vermessen. *Zeit Online*, 26.11.2020. Available at: https://www.zeit.de/politik/ausland/2020-11/strategische-autonomie-europa-verteidigung-emmanuel-macron-annegret-kramp-karrenbauer?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (accessed 06.04.2021).
22. Hanke T. Wie erfolgreich ist die Idee der europäischen Souveränität? Eine Zwischenbilanz. *Handelsblatt*, 02.04.2021. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/essay-wie-erfolgreich-ist-die-idee-der-europaeischen-souveraenitaet-eine-zwischenbilanz/27062976.html?ticket=ST-14350308-4z7Er0cL9U4XME9Pxiv9-ap5> (accessed 16.04.2021).
23. *Transatlantisches Verhältnis: Eine neue Härte*. Available at: <https://taz.de/Transatlantisches-Verhaeltnis!/5743191/> (accessed 16.04.2021).

**FRG AND BIDEN'S TRANSATLANTIC STRATEGY:
UNSOLVED PROBLEMS AND NEW CHALLENGES**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 56-68)

Received 21.06.2021.

Aleksandr M. KOKEEV (alkokeev@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИММО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

This article addresses the most significant changes in German-American relations since the election of J. Biden; unveils the main factors influencing Berlin's transatlantic policy in relations with Russia and China; analyzes approaches to the climate agenda and problems associated with the fulfillment of Germany's allied obligations in

NATO; reveals new trends in Germany's approach to the issue of strategic autonomy of the EU; investigates the discrepancies on security issues between the main German parties ahead of the parliamentary elections in September 2021. The first steps of the Biden administration to normalize the transatlantic ties undermined by Trump (the return of the United States to participation in international negotiations and organizations) were seen in Berlin as evidence of significant changes in Washington's positions on international problems of vital importance to Germany. At the same time, Berlin has no illusion that with the arrival of Biden, transatlantic relations will once again be the same as they were before Trump's presidency. The most important stumbling block in the beginning process of resetting the transatlantic relations was the set of problems associated with the completion of the Nord Stream 2 gas pipeline construction. It is clear that Biden is just as harshly rejecting this project as his predecessor did, and will continue to obstruct its commissioning. After the elections to the Bundestag in September 2021, the internal political situation in Germany may change significantly. In any case, the Nord Stream 2 issue will remain a subject of disputes and serious disagreements between Germany, the USA, the EU and Russia for a long time. In Germany it is assumed that in the coming decades, the transatlantic agenda will be largely determined by the growing influence and policy of China, and the relationship between the United States and the EU with China will affect not only the economic interests of the FRG, but also the sphere of its security. The climate agenda today remains one of the few areas where it is possible not only to revive the transatlantic interaction, but also to intensify cooperation between the United States, the EU, China and Russia with an eye to interaction in solving other problems, not necessarily related to the climate agenda. The most important U.S. demand for Germany remains an increase in its material and financial contribution to NATO. Berlin's readiness to meet these requirements has increased significantly. However, the thesis that the Europeans are faced with a choice – a course towards strategic autonomy or restoration of close ties with Washington and reliance on the United States and NATO – seems simplified. Representatives of all German parties are unanimous in the opinion that the renewal of the transatlantic partnership, which has begun under Biden, will be accompanied by a reduction in American commitments in Europe. Therefore, the EU will have to invest more in its own security and (in the longer term) strategic autonomy.

Keywords: Germany, USA, EU, China, Russia, transatlantic relations, climate agenda, security policy, strategic autonomy, Bundeswehr, defense spending.

About author:

Aleksandr M. KOKEEV, Candidate of History, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-56-68

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: НАЗАД В БУДУЩЕЕ?

© 2021 г. Н. Павлов

*ПАВЛОВ Николай Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (kotjajo@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 20.04.2021.

Если оперировать категориями геополитики, Россия и Германия – две доминирующие державы на евразийском континенте. На протяжении трех веков страны связывали “особые отношения”. За последние 50 лет их сотрудничество позитивно сказалось и в продвижении разрядки международных отношений в глобальном масштабе, и в вопросах разоружения, и в деле германского объединения, и во включении России после распада СССР в мировые финансово-экономические структуры. Но сейчас механизм конструктивного взаимодействия явно разладился. Почему это произошло и стоит ли нам ожидать перелома в ситуации после парламентских выборов в ФРГ и формирования нового правительства, зная, что “гарант стабильности” германской внешней политики канцлер Ангела Меркель навсегда покидает свой пост? На эти вопросы и пытается найти ответы автор статьи.

Ключевые слова: Россия, Германия, российско-германские отношения, международные отношения, внешняя политика Германии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78

Германия в самом широком историческом понимании всегда была предпочтительным партнером России. От уровня и качества взаимодействия двух государств если не все, то, как минимум, многое зависело в континентальном масштабе. Объективно две страны идеально дополняют друг друга: с одной стороны, бескрайние просторы и неисчерпаемые природные богатства, с другой – высочайший уровень экономического развития и передовые технологии. Но главное – это креативный потенциал немцев и русских, которых при всех различиях в менталитете объединяет удивительная психологическая совместимость и взаимная приязнь. Но история не носит линейного характера, и в германо-российском (германо-советском) общении были взлеты и падения, были периоды, когда личные амбиции правителей, геополитические просчеты безответственных политиков, ложно трактуемые государственные интересы и массивная пропаганда национальной исключительности разъединяли наши народы и ставили их по разные стороны баррикад.

Нынешнее время не самое простое для обеих стран. В условиях нарастания центробежных тенденций в мировой политике они вступили в 2021 г. в очередной избирательный цикл, чреватый внутривластными катаклизмами. И тут и там полным ходом идет избирательная кампания, соответственно в Государственную думу и Бундестаг ФРГ. Насколько важен исход парламентских выборов для определения перспектив сотрудничества между президентской Россией и парламентской Германией и по каким направлениям это сотрудничество может и должно осуществляться? Можно ли ждать

прорывов на поле российско-германского взаимодействия в условиях геополитических, экономических, экологических, демографических и эпидемиологических вызовов? Или на ближайший законодательный период, а то и на годы мы обречены на застой и стагнацию? Шагаем ли мы вместе в условное “светлое будущее” или скатываемся назад в эпоху холодной войны, которая и станет нашим безрадостным настоящим?

Прежде чем ответить на эти и другие вопросы и, главное, спросить себя, почему именно этот, а не иной вектор в связке Берлин–Москва стал доминирующим, следует проследить динамику двусторонних отношений в период канцлерства Ангелы Меркель.

“ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ”

Когда А. Меркель, убежденный “атлантист”, в 2005 г. была избрана канцлером Федеративной Республики Германия, многие политики и внешнеполитические эксперты без особых иллюзий восприняли это событие применительно к германо-российским отношениям. Однако вопреки негативным прогнозам глава немецкого правительства продолжила курс на “стратегическое партнерство” с Москвой, продекларированный Г. Шрёдером. Новым и ожидаемым стало дополнение его правочеловеческой тематикой и тезисом о необходимости синхронизации с общей внешнеполитической стратегией Европейского союза [1, S. 118]. Под занавес первого срока правления Меркель двустороннее взаимодействие стало име-

новаться “партнерством для модернизации”, понимаемом в самом широком смысле.

В целом связи развивались по восходящей. Продолжались интенсивные насыщенные контакты лидеров двух стран, которые в одном только 2006 г. встречались в различных форматах шесть раз. В 2007 г. В. Путин и А. Меркель встречались пять раз. Фрау бундесканцлерин первая из лидеров Запада приехала в марте 2008 г. в Москву знакомиться с Д. Медведевым сразу после его избрания президентом России. В свою очередь, последний в качестве своего европейского дебюта выбрал Германию, где 5 июня озвучил идею разработки юридически обязывающего Договора о европейской безопасности (ДЕБ).

Как отлаженный механизм, функционировали межгосударственные консультации. Представители гражданских обществ оживленно дискутировали в рамках Петербургского диалога, Потсдамских встреч и других форумов. Набирал темп взаимный товарооборот, ежегодный прирост которого составлял в среднем 25–30%. По итогам 2008 г. был достигнут рекордный уровень в 68 млрд долл. против 32,9 млрд долл. в 2005 г. Доля ФРГ в российском импорте составила в 2008 г. 12,8%, в экспорте – 6,9%. Соглашения о запуске новых проектов были подписаны с *Siemens AG* и *Daimler AG*. Несмотря на мировой экономический кризис, на российском рынке успешно действовали около 6 тыс. немецких фирм. ФРГ последовательно продвигала проект “Северный поток” (в том числе в поиске соинвесторов из третьих стран), помогая России в проведении непростых переговоров со скандинавскими и прибалтийскими партнерами.

Вместе с тем первым признаком изменений во внешнеполитическом курсе Кремля стало выступление В. Путина 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, в котором было озвучено новое позиционирование окрепшей России в мире как глобально оперирующей державы. Кремлевская заявка не осталась без внимания, но официальных комментариев на этот счет из Берлина не последовало.

Событием, действительно обеспокоившим немцев, стала “пятидневная война” на Кавказе (российско-грузинская война), когда Россия дала отпор грузинской агрессии против Южной Осетии и защитила своих граждан в августе 2008 г., а затем признала независимость Цхинвала и Сухума. На этот раз Берлин ограничился вербальным и достаточно мягким ответом. Правительство ФРГ упрекнуло Кремль в “избыточной реакции” на действия президента Грузии Саакашвили, параллельно обвинив Москву в зажиме демократических прав и свобод граждан, использовании энергоресурсов в качестве средства политического давления на зарубежных

партнеров. Была изменена и формулировка содержания двусторонних отношений, зафиксированная в Коалиционном договоре 2009 г. не без влияния свободных демократов, вошедших в состав второго правительства А. Меркель. В документе, который по сути является “дорожной картой” на каждый легислатурный период, Россия, в прошлом “стратегический партнер”, опустилась до уровня “важного партнера” в решении региональных и глобальных проблем [2, S. 120].

Произошли изменения и в общественном мнении Германии. Если в 2001–2004 гг. две трети немцев рассчитывали на хорошие долгосрочные отношения с РФ, то в сентябре 2008 г. их число сократилось до 45% (число скептиков, напротив, увеличилось почти вдвое, достигнув цифры в 25%). Если в 2003 г. 27% немцев считали Россию надежным партнером, то пятью годами позже их количество сократилось до 17%. Упало и доверие к В. Путину (16 против 36% в 2003 г.) [3].

Тем не менее именно благодаря позиции ФРГ удалось снять с повестки дня НАТО на декабрьской (2008 г.) встрече министров иностранных дел альянса вопрос о предоставлении партнерства для членства (ПДЧ) Грузии и Украине, а также возобновить деятельность Совета Россия–НАТО (СРН), замороженную по инициативе США после “пятидневной войны” на Кавказе. Более того, осенью 2010 г. в Лиссабоне Берлин в очередной раз выступил адвокатом интересов Москвы при выработке новой стратегической концепции Североатлантического альянса, предусматривавшей развитие сотрудничества с РФ, и принятия Совместного заявления Совета Россия–НАТО, ориентированного на конструктивный диалог.

Подъем по лестнице взаимопонимания закончился после публикации 3 октября 2011 г. В. Путиным в газете “Известия” статьи, из которой следовало, что российское руководство решило сосредоточить свою активность на республиках бывшего Советского Союза, то есть на сфере своего влияния и своих интересов в Евразии. Следующий год прошел под знаком критики немцами верхушечной рокировки, механизма выборов в России, усиления авторитарных тенденций, а также рестриктивной политики Кремля в отношении правозащитников и оппозиции. 9 ноября 2012 г. не без участия ведомства федерального канцлера Бундестаг принял весьма критичную резолюцию о положении в РФ. Ответ последовал незамедлительно: в Москве были проведены проверки в филиалах немецких политических фондов, а процедурную сторону парламентских выборов в Германии группа прокремлевских экспертов раскритиковала как “не соответствующую международным стандартам”.

На фоне политико-идеологических разногласий экономические показатели впечатляли. В Российской Федерации в начале третьего президентского срока В. Путина было аккредитовано уже свыше 6 тыс. немецких фирм, а в торговле между Германией и Россией установлен новый рекорд: в 2012 г. двусторонний товарооборот увеличился на 6.9% и превысил 80.51 млрд евро. Тем не менее в этот период Германия откатилась на третье место по товарообороту, пропустив вперед Китай и Нидерланды. В целом взаимное общение вошло в русло прагматичного взаимодействия, лишено иллюзий и основанного на принципах “реальной политики” Бисмарка.

Формирование в 2013 г. третьего коалиционного правительства А. Меркель с участием ХДС/ХСС и СДПГ не внесло принципиальных изменений во внешнеполитическую стратегию Берлина на российском направлении. При этом германский курс выстраивался с учетом общественных настроений, которые, приходится констатировать, имеют отрицательную динамику. Согласно результатам репрезентативного опроса, проведенного в 2013 г. институтом изучения общественного мнения *EMNID* [4], число немцев, позитивно настроенных по отношению к России, уменьшилось по сравнению с аналогичными опросами семилетней давности вдвое – с 30 до 15%. Кроме того, за более тесное сотрудничество с Россией выступили теперь только 34% опрошенных. Это было даже меньше, чем ратовавших за расширение связей с Китаем (39%), Польшей (48%) и Японией (55%), не говоря уже о Великобритании (58%) и США (69%).

В коалиционном соглашении 2013 г. помимо традиционного тезиса о том, что “безопасность в Европе и для Европы можно обеспечить только совместно с Россией, а не против России”, Москва вновь приглашалась к сотрудничеству в рамках “модернизационного партнерства” для достижения прогресса в общественной, политической и экономической областях (они указаны именно в такой последовательности). Германия выразила готовность открыто обсудить с российским руководством различные представления о “модернизационном партнерстве” при условии соблюдения Москвой “норм демократии и правового государства в соответствии с принятыми на себя международными обязательствами”. И далее опять подчеркивалась необходимость проведения более согласованной политики по отношению к России в рамках Евросоюза [5, S. 169]. Восхождение по лестнице взаимного сотрудничества забуксовало, а на следующий год эта лестница круто повернула вниз.

Присоединение Россией Крыма и события на востоке Украины, включая катастрофу со сбитым малайзийским *Boeing MH17*, полностью пере-

черкнули все позитивные наработки в отношениях Россия–Запад, Россия–Германия. Берлин, для которого Хельсинкский заключительный акт (1975 г.) и Парижская хартия для новой Европы (1990 г.) с их директивами не покушаться на суверенитет и территориальную целостность других государств и отказаться от применения силы или угрозы ее применения были “священной коровой”, выступил одним из инициаторов введения против Москвы санкций и поставил вопрос об исключении ее из *G8*. В правительственном заявлении по крымскому вопросу 13 марта 2014 г. канцлер назвала сложившуюся ситуацию “конфликтом за сферы влияния и территориальные претензии, как мы его знаем по истории XIX и XX вв.” и отметила, что Россия предстала не в качестве гаранта стабильности, а как государство, воспользовавшееся слабостью соседа.

Ответ Кремля – небезызвестное продуктовое эмбарго. В том же году впервые были отменены и перенесены на неопределенный срок межгосударственные консультации с участием первых лиц. Кстати, они до сих пор не возобновились. Аналогичная участь постигла и ежегодное заседание Петербургского диалога. Снизился уровень государственного представительства на разного рода значимых общественных и культурных мероприятиях.

Отрицательную динамику демонстрировали и опросы общественного мнения. Согласно данным Алленсбахского института демоскопии, после включения Крыма в состав Российской Федерации для 55% немцев Россия стала представлять собой угрозу миру, и только 10% назвали ее надежным партнером. И если 10 лет назад еще 55% граждан ФРГ выступали за тесное сотрудничество с Москвой, то на момент опроса их число снизилось до 32%. Резко упал и имидж российского президента. 65% немцев оценили его действия чрезвычайно критично [6]. Причем данные опросов за 2015 и последующие годы только ухудшились и стали сравнимы с временами холодной войны.

Переход на конфронтационный курс с РФ в самом широком смысле сказался и на военном планировании. Число самолетов люфтваффе, участвовавших в патрулировании воздушного пространства Балтики, было увеличено с четырех до шести. Бундесвер предоставил инфраструктуру для усиления базирующейся в Киле группировки кораблей из состава Сил быстрого реагирования. ФРГ расширила свое участие в ежедневной радиолокационной разведке самолетами АВАКС (база в Гайленкирхене) над территорией юга Украины, Молдавии и Крыма. Федеральное правительство наложило вето на поставку в Россию оборудования для стрелкового комплекса, а фирма-производитель *Rheinmetall AG* получила от бундесвера за-

каз на оборудование подобного центра в Германии в качестве возмещения ущерба от невыполнения российского заказа.

Весной 2015 г. была проведена хакерская атака на внутреннюю сеть Бундестага и федерального правительства, организованная, по утверждению Генеральной прокуратуры Германии, российскими спецслужбами. В ходе длительного расследования выяснилось, что хакеры скачали огромное количество данных, в том числе десятки тысяч электронных писем парламентариев, а также получили доступ к компьютеру А. Меркель. Информация, которая попала к ним в руки, раскрывала детали личной и деловой жизни канцлера, а также политической ситуации в Германии (в марте 2021 г. очередной хакерской атаке, предположительно из России, подверглись не менее семи депутатов Бундестага и 31 депутат ландтагов).

В том же году произошла довольно эмоциональная пикировка между В. Путиным и А. Меркель во время празднования 70-летия Победы над фашизмом. Президент России заявил, что всеми осужденный пакт Молотова–Риббентропа был оправдан с точки зрения интересов безопасности СССР, а канцлер Германии назвала “преступной и противоречащей международному праву аннексию Крыма”, добавив, что “военные действия на Украине нанесли серьезный удар по сотрудничеству” между Россией и Германией. Ответ не заставил себя ждать: через несколько дней депутату Бундестага К.-Г. Вельману без объяснения причин было отказано во въезде на территорию Российской Федерации.

Берлин осудил политическую поддержку и военную помощь, оказанные Москвой президенту Б. Асаду, и начавшуюся 30 сентября 2015 г. операцию воздушно-космических сил России в Сирии против международных террористических организаций и антиправительственной оппозиции, а также блокирование Россией в Совбезе ООН резолюций по Сирии.

Свидетельством движения по ведущей вниз лестнице стали экономические показатели. Товарооборот России с Германией в 2016 г. уменьшился по сравнению с предыдущим годом на 11.1% (5.1 млрд долл.) и составил 40.7 млрд долл. Российский экспорт сократился на 16.2%. Импорт из ФРГ упал почти на 4.8%. Доля Германии во внешне-торговом обороте России в 2016 г. практически не изменилась и составила 8.7%. Продолжился уход немецкого бизнеса из России: если в 2014 г. на российском рынке насчитывалось 6500 немецких фирм, в 2015 — 5583, в 2016 — 5237, в 2017 — 4965, в 2019 — 4274, то в 2020 г. их осталось 3971.

Все это правительство Германии было вынуждено учитывать в своем внешнеполитическом

планировании и поэтому провело ревизию доктринальных установок в области политики безопасности с учетом российского фактора. Если в “Белой книге по безопасности и будущему бундесвера” (2006 г.) Россия называлась “приоритетным партнером”, с которым следует развивать тесное сотрудничество в рамках как Европейского союза, так и НАТО, то в аналогичном документе, изданном Министерством обороны ФРГ в 2016 г., России была переведена из категории партнеров в группу риска. В документе говорится, что своим желанием использовать силу в продвижении собственных интересов Кремль открыто ставит европейский порядок под вопрос, односторонне изменяя установленные международным правом границы, а это чревато серьезными последствиями для безопасности в Европе и тем самым для безопасности Германии. В нем Россия обвиняется в отказе от тесного партнерства со странами Запада и в концентрации на стратегическом соперничестве с ними. Она упрекается в “глобальных амбициях”, что якобы выражается в увеличении ее военной активности на границах со странами ЕС и НАТО. В документе отмечается, что если РФ не изменит свой политический курс, то в ближайшем будущем будет представлять собой вызов безопасности на европейском континенте [7, S. 31-32].

После паузы, вызванной парламентскими выборами в ФРГ и формированием четвертого правительства А. Меркель, градус конфронтации вновь повысился. В коалиционном соглашении между ХДС/ХСС и СДПГ 2018 г. утверждается, что, аннексировав Крым и вмешавшись в конфликт на востоке Украины, Россия нарушила нормы международного права и подорвала европейский мирный порядок. Дескать, нынешний ее внешнеполитический курс требует от Германии “особой осмотрительности и стойкости” [8, S. 149-150]. Более того, в документе не было ни слова о партнерстве, будь оно “стратегическое”, “модернизационное” или просто “важное”. Своей основной задачей Берлин поставил “возвращение к отношениям, которые основываются на обоюдном доверии и мирном согласовании интересов и которые вновь сделали бы возможным тесное сотрудничество” по обеспечению мира и урегулированию значимых международных вопросов.

В мае 2018 г. после решения Вашингтона торпедировать ядерную сделку с Ираном, которой ни Путин, ни Меркель не видят альтернативы, последовало возобновление контактов вначале на высоком, а потом и на высшем уровне. Тогда же в Германии началось строительство немецкого участка газопровода “Северный поток-2” (далее — СП-2).

18 мая и 18 августа соответственно в Сочи и Мезеберге, а также в первых числах декабря в Ар-

гентине и в конце июня 2019 г. в Японии (в рамках саммита G20) состоялись рабочие встречи В. Путина и А. Меркель, в ходе которых, как говорилось в официальных сообщениях, оба лидера не только “сверили часы” по актуальным международным проблемам, но и обсудили “животрепещущие” вопросы двустороннего экономического сотрудничества – все это в контексте конфронтационности и хаоса, которые вносила в глобальную повестку дня политика президента США Д. Трампа. Подрос и взаимный товарооборот, выйдя из критической для двусторонних отношений зоны и поднявшись до 60 млрд евро. Произошло это, правда, исключительно за счет увеличения импорта нефти и газа из России. При этом следует заметить, что этот показатель был вдвое меньше, чем товарооборот Германии с Польшей (120 млрд евро).

Восхождение по ведущей вниз лестнице возобновилось после убийства в августе 2019 г. в берлинском Тиргартене бывшего чеченского полевого командира, гражданина Грузии Хангошвили. Полиция по горячим следам задержала предполагаемого убийцу – гражданина РФ, подозреваемого Генпрокуратурой Германии в связях с российскими спецслужбами. Однако реакция правительства ФРГ была на удивление сдержанной. Власти ограничились высылкой двух сотрудников российского посольства в декабре 2019 г. Причем поводом стала не доказанная причастность к убийству, а недостаточная помощь в расследовании со стороны правоохранительных органов России.

В списке важнейших внешнеторговых партнеров Германии Россия по итогам 2019 г. заняла 13-е место. При этом она не только с большим отрывом уступила лидерам – Китаю, Нидерландам, США, Франции и Италии, но также восточноевропейским странам – Польше и Чехии. Товарооборот Германии с Польшей достиг в 2019 г. почти 123.5 млрд евро, с Чехией – 92.7 млрд. С Россией он составил 57.77 млрд евро. Следует учитывать, что ФРГ взяла курс на отказ от использования угля, и спрос на него будет падать. Поэтому вполне прогнозируемо дальнейшее снижение российско-германского товарооборота, составившее в 2019 г. 6.6% [9].

В мае 2020 г. на фоне экономического кризиса и начала глобальной борьбы с коронавирусом А. Меркель расставила окончательные акценты во внешней политике ФРГ. Выступая на видеоконференции в близком к ХДС Фонде им. Конрада Аденауэра, она заявила, что отношения с Китаем будут внешнеполитическим приоритетом председательства Германии в Совете ЕС во второй половине 2020 г. По ее словам, у Евросоюза есть “большой стратегический интерес активно выстраивать отношения с Китаем, одним из главных действующих лиц текущего столетия”. Понимать это следу-

ет так, что Россия с ее проблемами внутри и вовне была отодвинута грандом европейской интеграции, ее движущей силой и самым авторитетным государством на континенте на второй план.

Европа, сказала она далее, не нейтральна, Европа – часть политического Запада, и именно это обстоятельство определяет характер отношений с РФ. Есть разные причины стараться иметь с ней хорошие отношения. В их числе Меркель назвала географическую близость, совместную историю, необходимость взаимодействия в решении некоторых международных проблем, экономические связи, но не создание общего противовеса Китаю. Поэтому в отношениях с Россией канцлер поставила более чем скромную цель – не партнерство в любых его формах, а только мирное сосуществование, которое, замечу, было определяющим для биполярного мира и времен холодной войны. Отныне диалог с Москвой будет носить “критически-конструктивный” характер. Критический, потому что российская сторона, по словам Меркель, неоднократно нарушала международное право, положения Хельсинкского заключительного акта и Европейской конвенции по правам человека.

“Россия создала в непосредственном соседстве с собой пояс нерешенных конфликтов и в нарушение международного права аннексировала украинский полуостров Крым, – указала Меркель. – Она поддерживает марионеточные режимы в отдельных регионах Восточной Украины и совершает нападения с применением гибридных средств на страны западной демократии, в том числе на Германию” [10]. Вывод напрашивается сам собой: Москва уже не является “одним из главных действующих лиц текущего столетия”, да и большого интереса у ЕС и ФРГ к ней нет.

Политические заморозки сказываются и на экономике. Если по итогам 2019 г. отрицательную или умеренно отрицательную динамику в деловом климате в России констатировал 31% опрошенных немецких партнеров, то в 2020-м эта цифра выросла до 69%. Лишь 12% респондентов отметили положительную или умеренно положительную динамику. В этой ситуации абсолютное большинство немецких фирм не собирались расширять свой бизнес: 71% не планировали в ближайшие 12 месяцев новые инвестиции в российскую экономику. А 70% немецких бизнесменов отметили, что двусторонние отношения между Германией и Россией за минувшие 12 месяцев ухудшились [11].

В августе 2020 г. последовало отравление А. Навального, после чего российский оппозиционер был доставлен на лечение в Берлин и стал личным гостем А. Меркель. Затем – его возвращение в Москву, арест, протесты, жесткая реакция Кремля и не менее жесткие ответные заявления со сто-

роны властей ФРГ, включая угрозу введения новых точечных санкций. При этом следует иметь в виду, что Федеративная Республика декларирует свою внешнюю политику как “ценностную политику”, политику, базирующуюся на ценностях евроатлантической цивилизации, в основе которой безусловное соблюдение прав человека и норм международного права. Наложение друг на друга политики, пандемии и экономического кризиса не замедлило сказаться на деловом общении двух стран. В 2020 г. объем торговли между Россией и Германией сократился на 22,2% до уровня в 45 млрд евро, что стало наиболее низким уровнем с 2005 г. [12].

Копилку взаимных раздражителей пополнили еще два важных демарша со стороны Кремля. Первый — это заявление министра иностранных дел России С. Лаврова в конце марта 2021 г. в ходе визита в КНР о том, что у России с ЕС “как с организацией отношений нет”. “Вся инфраструктура уничтожена односторонними решениями Брюсселя”, — сказал он. — Дескать, вы виноваты, вы и исправляйте ситуацию. Только тогда мы “будем готовы на основе равноправия и поиска баланса интересов наращивать отношения” [13]. Понятно, что это обвинение — не более чем вербальная пикировка с Западом, когда вина за рост напряженности возлагается на противную сторону. Однако в Берлине оно было расценено как прямой упрек в адрес Германии, поскольку именно она долгие годы была адвокатом интересов РФ в ЕС и именно через Берлин пролегла самая прямая, короткая и эффективная линия связи Москвы с Брюсселем.

Второй демарш, вызвавший отрицательную реакцию в политическом истеблишменте ФРГ, — наращивание Россией в апреле военной активности у границ с Украиной, при понимании того, что Германия является самым активным участником “нормандского формата” по урегулированию ситуации на востоке Украины.

УРАВНЕНИЕ С ЧЕТЫРЬМЯ ИЗВЕСТНЫМИ

В этих условиях началась кампания по выборам в парламенты обеих стран, назначенные на сентябрь текущего года. В президентской России итоги выборов лишены интриги, да и Государственная дума — не тот орган, который влияет на выработку внешней политики государства. Правительство формируется в РФ не по партийному принципу и не по воле парламента. А вот в парламентской Германии дела обстоят с точностью до наоборот. Главный вопрос состоит в том, какие партии попадут в Бундестаг и смогут претендовать на правительственную ответственность, будучи подконтрольными (персонально канцлер) парламенту за внутренний и внешний курс.

Интрига парламентских выборов в Германии представляет собой уравнение с четырьмя известными. Известно, какие партии попадут в Бундестаг, известны их внешнеполитические установки в отношении России, не известна, однако, партийная конфигурация будущей правящей коалиции. Откуда взялась цифра четыре? Все очень просто. Только четыре политические силы — блок ХДС/ХСС, СДПГ, Союз 90/“Зеленые” и СвДП — могут претендовать на правительственную ответственность. Левая партия, корни которой уходят в правившую в бывшей ГДР Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), и правопопулистская Альтернатива для Германии (АдГ), впитавшая в себя неонацистский электорат, с момента своего возникновения и попадания в парламент заклеены традиционными партиями и их избирателями как политические “изгои” и априори не рассматриваются в качестве потенциальных союзников по правящей коалиции на федеральном уровне. Их удел — вечная оппозиция.

Каков же реальный расклад сил? После ухода Меркель с поста председателя ХДС, добровольной отставки ее партийного протеже А. Крамп-Карренбауэр, провальных выборов в марте в Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце, считавшихся в прошлом цитаделью христианских демократов, и после так называемой масочной аферы (в нее были замешаны депутаты Бундестага Н. Лёбель от ХДС и Г. Нюсляйн от ХСС) перспективы блока ХДС/ХСС получить безоговорочный мандат на формирование правительства, мягко говоря, весьма туманны. Согласно опросам, христианские демократы балансируют на уровне 30–33%, и их рейтинг все еще во многом базируется на авторитете канцлера А. Меркель — безусловно, самого популярного политика в ФРГ. Но “эра Меркель” подошла к концу, и адекватной замены “матери нации” нет, хотя преемственность во внешней политике гарантированно сохранится. Новый лидер А. Лашет не так популярен, как его политическая “опекунья”, зато может опираться на ее авторитет.

На втором месте по популярности — Союз 90/“Зеленые”, набирающий примерно 22% голосов. Подхватив в сложной экономической и эпидемиологической обстановке самые “горячие” темы и четче обозначив свой профиль, “Зеленые” перетягивают к себе протестный электоратевой партии, АдГ и недовольных из стана СДПГ, которые потерпели поражение на последних земельных выборах в марте 2021 г.

Третью позицию в рейтинге занимают социал-демократы, имеющие поддержку от 16 до 18%. СДПГ является старейшей партией в Германии и в эпоху биполярного мира, особенно в период канцлерства В. Брандта и Г. Шмидта, пользо-

валась огромной популярностью и поддержкой со стороны избирателей. Но длительное отсутствие достаточно харизматичного лидера ввергло организацию в перманентный кризис, на который наложился и кризис программных установок, ставших достаточно размытыми и потерявшими былую привлекательность с точки зрения их социальной составляющей. С приходом в руководство правительством и партией амбициозного, энергичного и харизматичного Г. Шрёдера и провозглашения им в 1998 г. эпохи “Берлинской республики” проблема, казалось, была решена, но ненадолго. Его время закончилось в 2005 г., и партия вновь впала в длительный лидерский анабиоз, который не преодолен до сих пор: руководство теперь осуществляет гендерный дуэт, а кандидат в канцлеры — фигура далеко не бесспорная и не аккумулирующая в своем политическом багаже опыт государственного и партийного строительства.

Четвертая известная политическая величина — Свободная демократическая партия Германии — занимает в рейтинге 5-е место с примерно 8% поддержки со стороны электората. Ее опережает АдГ (10–12%). Проведя четыре года в непарламентской оппозиции, обновив руководство и сумев четко сформулировать программные цели, партия смогла вернуться в Бундестаг и наверняка будет претендовать на то, чтобы войти в ту или иную правительственную коалицию.

Отношение всех четырех претендентов на правительственную ответственность к проводимому Кремлем курсу как во внешней, так и во внутренней политике в целом негативное. Еще в 2018 г. опросы, проведенные Вторым германским телевидением, показали, что российскому руководству не доверяли 58% сторонников СвДП, 61 — ХДС/ХСС, 65 — СДПГ и 74% — партии Союз 90/“Зеленые” [14]. Отрицательная динамика в общественном мнении и в партийной среде с тех пор не изменилась. Разница отмечается лишь в деталях, прежде всего в отношении газопровода “Северный поток-2”.

По мнению экспертного сообщества, новое руководство ХДС в лице его председателя А. Лашета продолжит либерально-центристский курс Меркель в отношении России, который отличается умеренной критикой Кремля и поддержкой строительства СП-2 как чисто коммерческого проекта, не зависящего от развития внутривосточной ситуации в РФ и внешних обстоятельств. Поддерживая санкции Запада против Москвы за Крым и Донбасс, христианские демократы выступают за их смягчение и даже частичную отмену, как только будет достигнут прогресс в реализации минских договоренностей. И хотя Россия для них во многих отношениях является “противником За-

пада”, кооперация с Москвой остается важной задачей в решении таких проблем, как имплементация Парижского соглашения по климату, ситуация в Ливии и иранская ядерная программа [15].

Схожую позицию занимает и руководство баварского Христианско-социального союза. Было бы нечестно отказаться от всех договоров с Россией в газовой сфере, заявил премьер-министр Баварии и председатель ХСС М. Зёдер, если действительно есть желание добиться каких-то подвижек. “Нам необходимы честные дебаты о стратегических последствиях и балансе ценностей и интересов. Права человека нарушает ведь не только Россия, большие сомнения есть и в отношении Китая. Каждый день многие задают вопрос: а можем ли мы, собственно, иметь с ними экономические отношения? Но давайте зададим вопрос по-другому: может ли германская экономика позволить себе не осуществлять экономическую деятельность с такими странами?” — резюмировал он [16].

Самую жесткую позицию в отношении Москвы занимает партия Союз 90/“Зеленые”. Ее руководство бескомпромиссно поддерживает антироссийские санкции, обвиняет Кремль в нарушении прав человека, рестриктивной политики в отношении оппозиции, требует остановить строительство газопровода “Северный поток-2” и увеличить финансирование бундесвера, чтобы не дать таким авторитарным государствам, как Россия, Китай и Турция, заполнить возникший силовой вакуум [17].

Позиционируя себя наследниками “новой восточной политики” В. Брандта, социал-демократы придают большое значение германо-российским отношениям как с исторической точки зрения, так и в контексте современной международной повестки дня. Россия, по мнению руководства партии, остается для Германии и европейцев “крайне важным действующим лицом”, всегда оказывавшим значительное влияние на стабильность европейского континента. Возлагая на Москву ответственность за обострение ситуации в мире (Крым, Донбасс, Сирия, кибератаки на Бундестаг ФРГ) и поддерживая в принципе антироссийские санкции, социал-демократы тем не менее выступают за укрепление диалога с Россией и против прекращения строительства северного газопровода. В своей предвыборной платформе они традиционно подчеркивают, что “мир в Европе возможен не против, а только с Россией”. В германских и европейских интересах, говорится на сайте партии, — “достижение прогресса с Россией по вопросам общей безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, а также защиты климата, устойчивого развития, энергетики и борьбы с пандемиями”. Кроме того, СДПГ предлагает частично

облегчить визовый режим с РФ — для расширения молодежных обменов между странами. “При всей необходимой критике мы и в отношении России делаем ставку на готовность к диалогу и сотрудничеству. Ценными для наших стран являются межобщественные контакты, поддержку и расширение которых мы хотим продолжать” [18].

Свободная демократическая партия традиционно отстаивает принципы либерализма — незабываемость прав и свобод человека, неприкосновенность частной собственности. Председатель СвДП К. Линднер поддержал идею введения персональных санкций против окружения президента В. Путина в ответ на отравление А. Навального и репрессии в отношении оппозиции, а также призвал к мораторию на достройку СП-2. “Пока в России нарушаются основные человеческие и гражданские права, мы не можем вести с ней дела как обычно, — заявил он. — Это касается и таких инфраструктурных проектов, как СП-2. Сейчас нужно не принципиально отказываться от этого проекта, а объявить мораторий”. По его словам, продолжение строительства газопровода должно быть тесно увязано с интересами партнеров в Евросоюзе и на Украине [19].

ПАРТНЕРА ПО ТАНЦУ В ПОЛИТИКЕ НЕ ВЫБИРАЮТ

Итак, какие межпартийные конфигурации теоретически возможны с участием известных политических величин?

Вариант первый. Возобновление “большой коалиции” (ХДС/ХСС—СДПГ). Эту возможность минимизирует многолетняя усталость партнеров-соперников друг от друга и невысокая вероятность того, что в совокупности они получают более 50% голосов.

Вариант второй. “Черно-зеленая коалиция” (ХДС/ХСС—“Зеленые”). За этот вариант выступает, в частности, новый председатель ХДС А. Лашет.

Вариант третий. Образование “Ямайки” — коалиции цвета черно-желто-зеленого ямайского флага (ХДС/ХСС—СвДП—“Зеленые”). Учитывая, что “Зеленые” в своей идеологии и риторике сдвигаются вправо, то связка ХДС/ХСС—Союз 90/“Зеленые” во всех ее вариантах вполне возможна.

Вариант четвертый. “Кенийская коалиция” по цветам флага Республики Кения — черно-красно-зеленый (ХДС/ХСС—СДПГ—“Зеленые”). Теоретически возможно — на практике трудно осуществимо.

Вариант пятый (а). “Светофорная” или “красно-желто-зеленая” коалиция (СДПГ—СвДП—“Зеленые”). Успешно функционирует в Рейн-

ланд-Пфальце и вполне может стать образцом для подражания в Берлине при условии, что эти три партии наберут необходимое большинство голосов.

Вариант пятый (б). Зеленая “светофорная коалиция”, в которой первую скрипку будет играть Союз 90/“Зеленые”, а СДПГ и СвДП останутся в роли младших партнеров.

Вариант шестой. “Германская”, или “черно-красно-желтая” коалиция по цветам флага Германии (ХДС/ХСС—СДПГ—СвДП). Вполне возможный расклад с учетом того, что А. Меркель, против которой выступал председатель СвДП К. Линднер, больше не будет канцлером.

Российскому руководству не придется выбирать, с кем иметь дело после парламентских выборов и формирования правящей коалиции. Важно иметь в виду, что в принципиальном плане курс руководства ФРГ в отношении России не претерпит кардинальных изменений вне зависимости от партийного состава правительства. Как говорится, в политике партнера по танцу не выбирают. В общественном сознании и политическом истеблишменте Германии давно сложился консенсус в отношении приоритетов во внешней политике, и соответствующая табель о рангах всегда фиксируется в каждом коалиционном соглашении. На первом месте традиционно фигурирует Европейский союз, на втором — евро-атлантические отношения, на третьем — миротворческая деятельность и бундесвер с его проблемами, на четвертом была Россия. Теперь в Кремле должны считаться с тем, что место Москвы занял Пекин, а сотрудничество между Россией и Германией сведено к “мирному сосуществованию”. И это надолго.

Более того, необходимо учитывать тот факт, что на российско-германские отношения самым существенным образом влияет встроенность Германии в евро-атлантические структуры (ЕС, НАТО, G7, финансовые институты), и поэтому жесткий билатерализм в связке Берлин—Москва исключен. В вопросах войны и мира, обеспечения стабильности и безопасности, разрешения международных конфликтов, а также соблюдения демократических прав и свобод ФРГ всегда будет действовать на московском направлении согласно евро-атлантической шкале ценностей и с оглядкой на своих союзников и партнеров. Конечно, диалог на высшем уровне не прекратится, но будет отягощен взаимными обвинениями и пробуксовывать при каждом удобном и неудобном случае, потому что оба государства живут в разных измерениях и мыслят в разных плоскостях. Одна — по геополитическим понятиям XIX—XX столетий, другая — в геоэкономических категориях XXI в. Потепление и смягчение или частичная отмена санкций возможны будут только при условии прогресса Минского процесса,

то есть деэскалации ситуации в Донбассе и ослабления давления Кремля на российскую оппозицию. На торгово-экономическом фронте прорывов также не ожидается. Что же касается “Северного потока-2”, то остается только надеяться на разум и реализм немецких политиков, которые смогут не прогнуться под давлением Вашингтона.

Все эти факторы, а также тот путь, который Россия и Германия преодолели, идя вверх по лестнице, ведущей вниз, указывают на то, что обе страны возвращаются назад в прошлое, в эпоху системного противостояния, которое на обозримый отрезок времени станет их будущим.

Возможен ли иной сценарий? Действительно, история иногда делает такие повороты, которые не может предсказать ни один провидец. Вспомним хотя бы разрядку в Европе, когда “новая западная политика” Л. Брежнева и его единомышленников синхронизировалась с “новой восточной политикой” В. Брандта. Или курс на перестройку, взятый М. Горбачевым с его “новым политическим мышлением”. Тогда был положен конец холодной войне и конфронтации между Востоком и Западом. Но для подобных коренных перемен государственным деятелям нужны убежденность в их необходимости, ясная цель, желание и твердая политическая воля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD*. Berlin, 11.11.2005. 130 p. Available at: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=16f196dd-0298-d416-0acb-954d2aba9d8d&groupId=252038 (accessed 11.04.2021).
2. *Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP*. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. 17. Berlin, Legislaturperiode, 2009. 132 p. Available at: http://www.portal-sozialpolitik.de/uploads/sopo/pdf/2009/2009-10-26_koalitionsvertrag_17_wp.pdf (accessed 11.04.2021).
3. Опрос: немцы скептически смотрят на Россию. *Deutsche Welle*, 18.09.2008. [Poll: Germans are skeptical about Russia. *Deutsche Welle*, 18.09.2008. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/опрос-немцы-скептически-смотрят-на-россию/a-3653971> (accessed 11.04.2021).
4. Жолквер Н. Почему в Германии стало меньше друзей России? *Deutsche Welle*, 17.09.2013. [Zholkver N. Why are there fewer friends of Russia in Germany? *Deutsche Welle*, 17.09.2013. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/почему-в-германии-стало-меньше-друзей-россии/a-17094775> (accessed 11.04.2021).
5. *Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Deutschlands Zukunft gestalten*. 18. Berlin, Legislaturperiode, 2013. 185 p. Available at: <https://archive.org/details/Koalitionsvertrag2013CDUCSUSPDGerman/page/n13/mode/2up> (accessed 11.04.2021).
6. Варкентин А. Опрос: как меняется отношение немцев к России на фоне украинского кризиса. *Deutsche Welle*, 17.04.2014. [Varkentin A. Poll: how the attitude of Germans to Russia is changing against the background of the Ukrainian crisis. *Deutsche Welle*, 17.04.2014. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/опрос-как-меняется-отношение-немцев-к-россии-на-фоне-украинского-кризиса/a-17573406> (accessed 03.02.2021).
7. *Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und Zukunft der Bundeswehr, 2016*. Bundesministerium der Verteidigung, Hrsg. Berlin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2016. 143 p. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed 11.04.2021).
8. *Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land*. 19. Berlin, Legislaturperiode, 2018. 177 p. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/downloads/20936562/4/koav-gesamttext-stand-070218-1145h.pdf> (accessed 11.04.2021).
9. Гурков А. Внешняя торговля Германии: маленькая Венгрия скоро обгонит большую Россию. *Deutsche Welle*, 26.02.2020. [Gurkov A. German foreign trade: small Hungary will soon overtake big Russia. *Deutsche Welle*, 26.02.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/внешняя-торговля-германии-маленькая-венгрия-скоро-обгонит-большую-россию/a-52528244> (accessed 20.03.2020).
10. Жолквер Н. Россия для Берлина и ЕС не приоритет, приоритет – Китай. *Deutsche Welle*, 28.05.2020. [Zholkver N. Russia is not a priority for Berlin and the EU, China is a priority. *Deutsche Welle*, 28.05.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/россия-для-берлина-и-ес-не-приоритет-приоритет-китай/a-53604206> (accessed 30.05.2020).
11. Гурков А. Немецкий бизнес в России: могло бы быть хуже, но лучше пока тоже не станет. *Deutsche Welle*, 10.12.2020. [Gurkov A. German business in Russia: it could be worse, but it won't get better yet. *Deutsche Welle*, 10.12.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/nemeckij-biznes-v-ru-moglo-by-byt-huzhe-no-luchshe-ne-stanet/a-55885089> (accessed 30.05.2020).
12. Демидова О. Объем торговли Германии с Россией упал до уровня 2005 года. *Deutsche Welle*, 19.02.2021. [Demidova O. The volume of trade between Germany and Russia fell to the level of 2005. *Deutsche Welle*, 19.02.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/torgovlja-germ-rossii-upala-do-nizshego-s-2005-goda-urovnja/a-56629806> (accessed 30.03.2021).
13. *Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел КНР Ван И*. Гуэйлинь, 23 марта 2021 г. [Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov during a joint press conference with Chinese Foreign Minister Wang Yi. Guilin, March 23, 2021. (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647898 (accessed 29.03.2021).

14. Немецкие элиты взяли курс на Россию? *Око планеты*, 19.05.2018. [Have the German elites set a course for Russia? *Oko Planet*, 19.05.2018. (In Russ.)] Available at: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/429906-nemeckie-elity-vzyali-kurs-na-rossiyu.html> (accessed 09.04.2021).
15. Armin Laschet über die Kanzlerkandidatur, Corona und Russland. *Frankfurter Allgemeine*, 22.01.2021. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/armin-laschet-ueber-die-kanzlerkandidatur-corona-und-russland-17160064.html> (accessed 29.03.2021).
16. Проблемы с демократией есть не только у России. Премьер Баварии выступил против остановки СП-2. *Русский дозор*, 13.09.2020. [It is not only Russia that has problems with democracy. The Prime Minister of Bavaria opposed the stop of the SP-2. *Russkii dozor*, 13.09.2020. (In Russ.)] Available at: <https://rusdozor.ru/2020/09/13/problemy-s-demokratiej-est-ne-tolko-u-rossii-premer-bavarii-vystupil-protiv-ostanovki-sp-2/> (accessed 11.04.2021).
17. Он, кажется, недостаточно ненавидит Россию. Лидер “Зеленых” о главе ХДС. *EurAsia Daily*, 20.01.2021. [He doesn't seem to hate Russia enough. The leader of the «Greens» on the head of the CDU. *EurAsia Daily*, 20.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://easaily.com/ru/news/2021/01/20/on-kazhetsya-nedostatochno-nenavidit-rossiyu-lider-zelenyh-o-glave-hds> (accessed 13.04.2021).
18. Правящая в Германии партия выступила за облегчение визового режима с РФ. *РИА Новости*, 02.03.2021. [The ruling party in Germany called for easing the visa regime with the Russian Federation. *RIA News*, 02.03.2021. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20210302/germaniya-1599645900.html> (accessed 05.04.2021).
19. Ромашенко С. В Германии призвали к мораторию на “Северный поток-2”. *Deutsche Welle*, 24.01.2021. [Romashenko S. Germany has called for a moratorium on “Nord Stream 2”. *Deutsche Welle*, 24.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.dw.com/ru/v-frg-prizvali-k-moratoriju-na-severnyj-potok-2/a-56328293> (accessed 25.01.2021).

RUSSIA AND GERMANY: BACK TO THE FUTURE?

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 69-78)

Received 20.04.2021.

Nikolay V. PAVLOV (kotjaico@mail.ru),

Moscow State Institute of International Relations, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

In terms of geopolitics, Russia and Germany are the two dominant powers on the Eurasian continent. For three centuries, they have been having a “special relationship”. Over the past 50 years, their cooperation has had a positive impact on promoting the detente of international relations globally, in matters of disarmament, in the cause of German unification, and in the inclusion of Russia in the global financial and economic structures after the collapse of the USSR. However, in recent years, the mechanism of constructive interaction has clearly deteriorated due to differences in understanding of the world order prospects, the role and place of the two countries in the post-bipolar system of international coordinates. The parliamentary elections in Germany and Russia will not affect the foreign policy course of Berlin and Moscow, and the Russian leadership will not have to choose with whom to deal. It is important to understand that Beijing has taken Moscow's place in foreign policy priorities, and cooperation between Russia and Germany is reduced to “peaceful coexistence”. This is for a long time. It is also necessary to take into account that Russian-German relations are most significantly affected by Germany's integration into Euro-Atlantic structures, and, therefore, strict bilateralism in the Berlin–Moscow link is excluded. In matters of war and peace, ensuring stability and security, resolving international conflicts, as well as respecting democratic rights and freedoms, the Federal Republic of Germany will always act in the Russian direction according to the Euro-Atlantic scale of values and with an eye to its allies and partners. Of course, the dialogue at the highest level will not stop, but it will be burdened with mutual accusations and will stall at every convenient and inconvenient occasion, because both states live in different dimensions and think in different planes. One lives according to geopolitical concepts of the 19th–20th centuries, the other operates in geo-economic categories of the 21st century. Warming, easing or partial lifting of sanctions will be possible only if the Minsk process progresses, that is, de-escalating the situation in the Donbass and relieving the Kremlin's pressure on the Russian opposition. No breakthroughs are expected on the trade and economic front either. All this suggests that we are going back to the past, to the era of systemic confrontation, which will be our reality for the foreseeable future.

Keywords: Russia, Germany, Russian-German relations, international relations, foreign policy of Germany.

About author:

Nikolay V. PAVLOV, Doctor of History, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78

“ЗЕЛЕНОЕ” ФИНАНСИРОВАНИЕ В СТРАНАХ БРИКС

© 2021 г. Л. Худякова, Т. Урумов

ХУДЯКОВА Людмила Семеновна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (l.khudyakova@imeto.ru).

УРУМОВ Тимур Русланович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (spikeron@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 30.03.2021.

Рассматривается политика “зеленого” финансирования в странах БРИКС на национальном уровне, а также в рамках организации в целом. Особое внимание уделено анализу нормативно-правовой базы “зеленых” финансовых инструментов, применяемых в Китае как одном из глобальных лидеров. Использование методов сравнительного и контент-анализа позволило выявить наилучшие практики “зеленого” финансирования и потенциал их использования в России.

Ключевые слова: устойчивое финансирование, БРИКС, “зеленое” финансирование, “зеленые” облигации, Китай, Бразилия, Индия, Россия, ЮАР.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-79-87

Задачи устойчивого развития стали в последние годы мейнстримом глобальной экономики. В их фокусе находится создание механизмов “зеленого” финансирования, обеспечивающего сохранение экологического здоровья планеты. В 2020 г. пандемия *COVID-19* первоначально вызвала опасения, что “зеленая” повестка может отойти на второй план. Однако большинство правительств и частных инвесторов подтвердили свою приверженность целям устойчивого финансирования. Страны БРИКС зафиксировали ее в меморандуме “О принципах ответственного финансирования”, принятом в ноябре 2020 г. на XII саммите под председательством РФ.

УСПЕХИ КИТАЯ

В 2010-е годы в КНР значительно активизировалась деятельность в сфере “зеленой” экономики и “зеленого” финансирования. Это обусловлено как ухудшением экологической ситуации в стране, так и ее геополитическими амбициями. В 2016 г. во время своего председательства в *G20* Пекин стал инициатором создания в ней Рабочей группы по “зеленому” финансированию. Тогда же были опубликованы «Руководящие принципы по формированию “зеленой” финансовой системы» (*Guidelines for Establishing the Green Financial System*) в КНР [1, 2]. Они предусматривают ряд экономических мер по поддержке и стимулированию “зеленых” инвестиций, в том числе операции по перекредитованию у Народного банка Китая (НБК), предоставление специализированных “зеленых” кредитных гарантий и субсидий на выплаты процентов по кредитам на “зеленые” проекты, а также

запуск Национального “зеленого” фонда развития. Термин “зеленая финансовая система” включен в Стратегию построения экологической цивилизации в рамках 13-й пятилетки [3]. Национальная система “зеленого” финансирования, по планам, обеспечит КНР достижение углеродной нейтральности к 2060 г. [4].

Выделены три ключевые сферы “зеленого” финансирования: банковское кредитование, эмиссия облигаций, операции институциональных инвесторов. Характерной особенностью политики в рассматриваемой области является активное привлечение к ее реализации региональных правительств всех уровней. В 2019 г. региональными и местными властями страны было выпущено более 500 документов в области развития “зеленых” финансов [5, p. 25].

Законодательное регулирование “зеленых” финансов в Китае началось в 1995 г. Тогда оно касалось преимущественно банковского кредитования, которое получило значительно большее развитие, чем “зеленые” облигации. Это не случайно: банковское кредитование (*bank-based*) является преобладающей формой финансирования бизнеса в стране. В 1995 г. НБК принял два рекомендательных документа по стимулированию участия коммерческих банков в кредитовании проектов по охране окружающей среды и минимизации экологических рисков. В 2012 г. Банковская регуляторная комиссия (БРКК) опубликовала документ, предусматривавший комплекс мер по “озеленению” национальной банковской системы — «Руководящие принципы “зеленого” кредитования» (*Notice on Issuing Green Credit Guidelines*).

Последующие акты НБК и БРКК (2013–2018 гг.) касались регулирования конкретных вопросов: оценки воздействия природоохранных рисков на кредитные рейтинги клиентов, предоставления статистических данных по “зеленым” кредитам ведущими банками, установления количественных и качественных показателей оценки эффективности данных кредитов, стимулирования “зеленого” финансирования за счет открытия постоянных среднесрочных кредитных линий НБК, включения “зеленой” отчетности в общую систему макроэкономической отчетности на постоянной основе. В 2019 г. Регуляторная комиссия по банкингу и страхованию (бывшая БРКК) выпустила Инструкции по включению факторов *ESG* в систему кредитования и страхования [6].

Жестко регламентированная и одновременно стимулирующая система регулирования способствовала значительному росту “зеленых” банковских кредитов в Китае. По состоянию на конец 2020 г. общий объем рынка “зеленых” кредитов составил 1.8 трлн долл. [7].

Рынок “зеленых” облигаций начал формироваться в конце 2015 г. В том же году был выпущен Проектный каталог, содержащий первые национальные стандарты для определения “зеленых” проектов. Обращение китайских “зеленых” облигаций стало расти быстрыми темпами, что позволило создать новые каналы финансирования “зеленого” бизнеса в Китае и одновременно предложить инвесторам новый вид активов. К концу 2020 г. совокупный объем рынка “зеленых” облигаций КНР составил 190 млрд долл. [7]. Основными направлениями инвестиций были “чистый” транспорт и “зеленая энергетика” – соответственно 37% и 28%, еще 15% – водные ресурсы и водоотведение [8, р. 9].

Основными регулирующими органами на рынке “зеленых” облигаций в стране являются НБК, Национальная комиссия по развитию и реформам, Комиссия по регулированию ценных бумаг (КРЦБК) и Министерство финансов, которые осуществляют тщательный надзор за разными сегментами рынка. Он распределяется в соответствии с типом облигации. Каждый регулятор разрабатывает и предоставляет собственные руководящие принципы по выпуску “зеленых” облигаций. Так, финансовые облигации, обращающиеся на межбанковском рынке, регулирует НБК, корпоративные облигации на фондовых рынках – КРЦБК, муниципальные облигации – Минфин.

Третья группа потенциальных участников рынка “зеленого” финансирования – институциональные инвесторы. Руководящие принципы по “зеленому” инвестированию были выпущены в 2018 г. Ассоциацией по управлению активами Ки-

тая (АУАК) [9]. Документ призван стимулировать управляющих инвестиционными фондами уделять внимание природоохранной устойчивости, повышать осведомленность инвесторов в отношении экологических рисков, а также систематизировать определение и методы внедрения “зеленых” инвестиций.

В целом доля институциональных инвесторов на рынке “зеленых” финансовых инструментов Китая невелика относительно других его участников. В частности, не проявляют активности местные институциональные инвесторы. По состоянию на июль 2020 г. “зеленые” облигации имели в своих портфелях лишь два крупных управляющих фонда – *Fullgoal Fund Management* и *CIB Fund Management*, являющийся дочерней организацией Промышленного банка Китая [10, р. 19].

Особенностью китайской системы “зеленого” финансирования является подход к анализу и страхованию природоохранных рисков. Важными участниками рынка являются страховые агентства. Они, как правило, выступают в качестве третьей стороны при осуществлении сделок в целях оценки и управления рисками, в частности идентифицируя “зеленые” проекты, осуществляя оценку рисков и составляя отчетность по “зеленому” кредитованию. Эти процедуры считаются основополагающими в рамках системы оценки рисков при банковском кредитовании.

Для стимулирования “зеленого” финансирования государство использует ряд фискальных мер, в частности предоставление налоговых льгот. Они применяются с 2015 г. преимущественно для стимулирования выпуска “зеленых” облигаций. Другим инструментом являются меры по повышению кредитного рейтинга эмитента “зеленой” облигации с целью снижения стоимости облигационного займа.

Важным участником “зеленого” финансирования является государственный Китайский банк развития (*China Development Bank, CDB*). Он активно участвовал в разработке правил “зеленого” кредитования и одним из первых финансовых институтов КНР присоединился к Глобальной инициативе по отчетности (*Global Reporting Initiative*). Фактические объемы финансовой поддержки “зеленой” сферы со стороны *CDB* довольно внушительны. На конец 2019 г. сумма выданных “зеленых” кредитов на балансе банка составила 304.35 млрд долл., что стало наибольшим показателем среди банков страны [11].

CDB способствовал разработке государственной политики по стимулированию инвестиций в возобновляемую энергетику (ВИЭ) и низкоуглеродный транспорт, а также сам финансировал многие проекты. В результате разрабатываются

технологии, позволяющие в перспективе повысить конкурентоспособность ВИЭ по сравнению с традиционными источниками энергии. Финансирование осуществляется преимущественно за счет выпуска “зеленых” облигаций. Так, в ноябре 2017 г. *CDB* выпустил международные “зеленые” облигации, номинированные в долларах и евро, на общую сумму 1.62 млрд долл. Это была первая китайская эмиссия облигаций, сертифицированных в соответствии с международными стандартами. В августе 2020 г. была осуществлена эмиссия на сумму 1.43 млрд долл. [12]. Всего с 2017 г. банком выпущено “зеленых” облигаций на сумму около 3.6 млрд долл. (25 млрд юаней) [13].

Представляет интерес существующая в стране “зеленая” классификация проектов, так называемая таксономия. Выше уже упоминался Проектный каталог по “зеленым” облигациям 2015 г. (*Green Bond Endorsed Project Catalogue*). В 2019 г. вышел Руководящий каталог по “зеленым” отраслям (*Green Industry Guiding Catalogue*). В 2020 г. был вынесен на обсуждение обновленный Проектный каталог по “зеленым” облигациям (*Green Bond Endorsed Projects Catalogue*), подготовленный НБК совместно с Государственным комитетом по делам развития и реформ и КРЦБК. В нем выделены основные категории проектов: ВИЭ и энергосбережение; снижение уровня загрязнения атмосферы, утилизация отходов, экономия воды и поддержание водохозяйственного комплекса, чистое производство; “зеленый” транспорт; “зеленое” строительство; “зеленые” услуги (оценка, аудит, сертификация, мониторинг проектов) [14].

Каталог 2020 г. исключает пункт по “чистой” утилизации угля, пункты о “чистом” производстве жидкого топлива, угля и проекты по снижению выбросов от угольных электростанций. Эти изменения делают его значительно более жестким с точки зрения отнесения проектов к категории “зеленых” по сравнению с Руководящим каталогом по “зеленым” отраслям 2019 г. и больше соответствующим международным стандартам. В случае утверждения он, во-первых, позволит полностью гармонизировать национальные стандарты (как эмитенты, так и инвесторы будут опираться на единую национальную “зеленую” таксономию). Во-вторых, критерии 2020 г. больше соответствуют международным стандартам, что будет способствовать признанию китайских “зеленых” облигаций в качестве таковых на мировых рынках. Принятие документа в предложенном варианте позволит разрешить многолетние противоречия в “зеленой” таксономии на внутреннем и международном рынках и повысить заинтересованность иностранных инвесторов в приобретении китайских “зеленых” облигаций.

УСИЛИЯ БРАЗИЛИИ, ИНДИИ, ЮАР

Бразилия. Одним из первых документов, регламентирующих систему “зеленого” финансирования в стране, стал «“Зеленый” протокол» (*Protocol Verde*). Он был принят в 2008 г. Федерацией банков Бразилии (*FEBRABAN*)¹ совместно с Министерством окружающей среды и государственными банками. Протокол представляет собой набор добровольных рекомендаций для государственных и частных банков страны в сфере “зеленого” финансирования. Он предполагает предоставление его участникам кредитных линий и финансовых программ на устойчивые и “зеленые” проекты, а также информирование и привлечение новых участников. В 2014 г. Центральным банком Бразилии была выпущена “Резолюция 4.327”, в которой прописаны требования по управлению рисками для банков, финансирующих устойчивые, в том числе “зеленые”, проекты [15]. В ней объединены ключевые положения документов ЦБ, изданных в период 2008–2011 гг. и касающихся внедрения и соблюдения финансовыми институтами и инвестфондами принципов социальной и экологической ответственности.

Государство осуществляет поддержку “зеленого” финансирования в стране преимущественно через Национальный банк развития (*BNDES*). Он выдает кредиты на долгосрочные инвестиционные проекты в сфере охраны окружающей среды по ставкам, значительно ниже среднерыночных. Через различные программы и механизмы поддержки банк финансирует большую часть всех проектов в области ВИЭ сроком как до 6 лет (среднесрочные), так и до 16 лет (долгосрочные).

Среди фискальных мер поддержки “зеленых” проектов следует отметить экологический налог на добавленную стоимость (*ICMS Ecologico*), который был введен в 1991 г. В 16 штатах Бразилии 1–6% сборов этого налога расходуются муниципалитетами на решение экологических проблем.

“Зеленый” финансовый рынок страны представлен такими инструментами, как “зеленые” облигации и кредиты. Национальной “зеленой” таксономии в стране нет. За основу берется международный стандарт *SBI*.

Первые “зеленые” облигации в Бразилии были выпущены в 2015 г. К середине 2019 г. совокупный выпуск таких облигаций на внутреннем рынке составил 5.2 млрд реалов (918 млн долл.), а на внешнем – 4.5 млрд долл. [16]. Они были выпущены 19 бразильскими компаниями. При этом 14 выпусков осуществлялось на национальном фи-

¹ *FEBRABAN* является институциональной платформой для 118 входящих в ее состав банков и осуществляет активную работу по стимулированию банков к учету принципов *ESG* в их деятельности.

нансовом рынке, а 5 – на международных рынках. “Зеленые” облигации используются в различных секторах экономики страны, в основном в секторе возобновляемой энергетики (42%), сельском хозяйстве и проектах по сохранению лесов (24%), водных ресурсов (15%), на утилизацию отходов (8%) [17, p. 8].

Первым институтом, эмитировавшим “зеленые” облигации, причем на международном рынке, стал *BNDES*. Облигации стоимостью 1 млрд долл. были выпущены в мае 2017 г. [18, p. 82] для финансирования природоохранных проектов, преимущественно в сфере ветро- и геотермальной энергетики.

По данным Федерации банков Бразилии, за последние несколько лет в стране наблюдается рост и “зеленого” кредитования. Так, если в 2013 г. объем “зеленых” кредитов составил 123.7 млн реалов (52.3 млн долл.), то в 2018 г. – уже 412.3 млн реалов (112.96 млн долл.) [19]. Большая их часть предоставлялась на проекты в сфере возобновляемой энергетики.

Индия. Основной формой привлечения “зеленого” финансирования являются облигации. По состоянию на начало 2020 г. совокупный объем выпуска “зеленых” облигаций составил 10.3 млрд долл. (15-е место в мире) [20]. Большая часть средств идет на развитие возобновляемой энергетики (83%), другими направлениями являются “чистый” транспорт (13%), устойчивое водопользование (4%) [20, p. 18].

Ключевым органом, регулирующим операции с “зелеными” облигациями, является Совет по ценным бумагам и биржам Индии (*Securities and Exchange Board of India, SEBI*). В 2017 г. он издал «Требования по раскрытию информации для допуска и выпуска на фондовой бирже “зеленых” долговых финансовых инструментов». Следует отметить, что в Индии, как и в Бразилии, нет национальной “зеленой” таксономии, финансовые регуляторы опираются на подходы *SBI*. В связи с этим, а также отсутствием строгой системы контроля за соблюдением международных стандартов эмитенты в ряде случаев сами определяют критерии, что таит в себе возможность «“зеленого” камуфляжа» (*greenwashing*).

Хотя долговое финансирование является основным инструментом привлечения средств на “зеленые” проекты, в стране существуют и другие инициативы в данной сфере. Так, в 2015 г. центробанк обозначил проекты в области систем снабжения питьевой водой и небольшие проекты по возобновляемой энергетике в качестве приоритетных для кредитования, обязав банки до 40% кредитов выдавать на такие начинания. В 2016 г. для стимулирования развития сектора возобновляемой энергетики было создано Индийское

агентство по развитию возобновляемой энергетики (*Indian Renewable Energy Development Agency, IREDA*) – фактически государственный “зеленый” банк. После этого ряд других индийских банков предпринял шаги по трансформации в “зеленые” банки. Краудфандинг, когда инвесторы финансируют конкретный проект через объединенный инвестфонд, также является активно развивающимся механизмом “зеленого” финансирования.

ЮАР. Одним из системообразующих игроков на рынке “зеленого” финансирования является Национальное казначейство (*South Africa’s National Treasury*). Оно осуществляет прямое финансирование “зеленых” инициатив посредством создания специализированных фондов. Одним из крупнейших является “зеленый” фонд, созданный Министерством окружающей среды совместно с Национальным банком развития. Также государство широко использует фискальные инструменты. В стране с 2015 г. существует углеродный налог за использование транспортных средств. Есть налоговые льготы для предприятий, генерирующих возобновляемую энергию [21].

“Зеленый” финансовый рынок в ЮАР представлен преимущественно облигациями. В 2012 г. Корпорацией по промышленному развитию (*Industrial Development Corporation*) были выпущены первые в стране “зеленые” облигации на сумму 5 млрд рэндов (581.39 млн долл.) для инфраструктурных проектов в сфере ВИЭ [22]. На бирже Йоханнесбурга размещены муниципальные “зеленые” облигации на сумму 1.46 млрд рэндов (141.75 млн долл.) на финансирование проектов по солнечным водонагревателям. В 2014 г. на бирже был открыт специальный сегмент для работы с “зелеными” облигациями. За 2017–2019 гг. были осуществлены их выпуски на проекты в сфере ВИЭ на сумму до 2.8 млрд рэндов (212.12 млн долл.) на разные сроки обращения [23]. На международном рынке в 2020 г. банком *Standard* была осуществлена сделка по 10-летней “зеленой” облигации на сумму 200 млн долл. с Международной финансовой корпорацией через Лондонскую фондовую биржу [24]. Наибольшую долю в облигационном финансировании занимают проекты в сфере ВИЭ (32.6%), затем идут “чистый” транспорт и транспортная инфраструктура (17.4%), сельское хозяйство (14.7%), утилизация отходов и использование водных ресурсов (по 9.5%), ресурсосбережение (8.4%) и “зеленое” строительство (7.9%) [22, p. 30].

Характерной особенностью ЮАР является активное финансирование “зеленых” проектов институциональными инвесторами, прежде всего пенсионными фондами. В 2011 г. в ЮАР вышел Кодекс ответственного инвестирования (*Code for Responsible Investing, CRISA*), где прописаны реко-

мендации по осуществлению прединвестиционного анализа и инвестирования в соответствии с Принципами ответственного инвестирования ООН (*UN Principles for Responsible Investing, UNPRI*). С 2011 г. пенсионные фонды обязаны учитывать принципы *ESG* в своих стратегиях. По состоянию на 2020 г. около 4.4 млрд рэндов (280.25 млн долл.) направлено ими в “зеленые” активы [23, р. 30].

В ЮАР на данный момент нет национальной “зеленой” таксономии, пока в качестве основы берется таксономия *SBI*. Однако Национальным казначейством ЮАР совместно с Международной финансовой корпорацией идет ее разработка.

СИТУАЦИЯ В РОССИИ

До недавнего времени зарубежные и российские эксперты отмечали существенное отставание РФ в области “зеленого” финансирования [25]. В последние годы ситуация меняется в лучшую сторону. Это обусловлено рядом факторов. В их числе превращение устойчивого и “зеленого” финансирования в неотъемлемый компонент глобальных финансов, а также в важный элемент репутационного капитала компаний и банков, особенно международного профиля. Поддержка со стороны инвесторов принципов *ESG*, требование к заемщикам предоставлять информацию об экологических рисках проектов и иметь *ESG*-рейтинг подталкивают российские компании, прежде всего экспортно ориентированные, к экологизации своей деятельности.

Важным стимулом также являются международные обязательства России в части экологии по реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 г. и Парижского соглашения по климату 2015 г. Наконец, нельзя не учитывать повышение значимости экологических рисков для экономического развития России, в том числе в рамках энергетического перехода, в ходе которого прогнозируется постепенное снижение использования ископаемого топлива и создание низкоуглеродной и циркулярной экономики. В этих условиях страны ЕС планируют ввести пограничный углеродный налог (*border carbon tax*) на импорт товаров и сырья из развивающихся стран с высоким “углеродным” следом, что может снизить конкурентоспособность российских экспортеров нефти и газа, а также других углеродоемких товаров.

Ответом на эти вызовы стали активные шаги по включению “зеленой” повестки в стратегические документы РФ, а также созданию нормативно-правовой базы “зеленого” финансирования. Так, в декабре 2018 г. был утвержден паспорт национального проекта “Экология” (2019–2024 гг.), который предусматривает расходы на сумму 4 млрд руб., в том числе 3.2 млрд из внебюджетных источников,

а также создание Российского экологического оператора для привлечения частных денег в отрасль, работающую с коммунальными отходами [26].

“Зеленое” финансирование включено в “Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 гг.” [27]. Активно действует экспертная рабочая группа по ответственному инвестированию, в том числе “зеленому” финансированию, при Банке России. В 2019 г. она подготовила Концепцию организации в России методологической системы по развитию “зеленых” финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования. Документ содержит рекомендации по созданию единого методологического центра, таксономии “зеленых” продуктов, системы стандартов и верификации [28].

В 2020 г. вступила в силу новая редакция положения Банка России “О стандартах эмиссии ценных бумаг” (2019 г.), которая определяет порядок эмиссии облигаций с целевым использованием полученных средств, в том числе “зеленых”, и обязанность эмитентов предоставлять необходимую информацию о проекте и осуществлять мониторинг расходования средств. В дополнение к стандартам по “зеленым” облигациям в июле 2020 г. Банк опубликовал информационное письмо для институциональных инвесторов по реализации принципов ответственного инвестирования. В 2021 г. ЦБ РФ планирует провести эксперимент по развитию “зеленой” ипотеки.

Правительство Москвы первым среди субъектов РФ в марте 2021 г. объявило о подготовке выпуска “зеленых” облигаций. Средства пойдут на финансирование экологических проектов, включая предотвращение загрязнения окружающей среды, сохранение природных ресурсов, повышение энергоэффективности [29].

В ноябре 2020 г. был создан Межведомственный комитет по “зеленому” финансированию с закреплением за Минэкономразвития роли координатора и назначением ВЭБ методическим центром. ВЭБ также поручена сертификация “зеленых” проектов. В конце 2020 г. ВЭБ опубликовал на своем сайте первую версию методических указаний по “зеленому” и ответственному финансированию, а также таксономию “зеленых” продуктов, которая должна стать основой для национального стандарта [30]. Его наличие важно для развития и регулирования “зеленого” финансирования, получения искомого экологического и экономического эффекта, в том числе избежания “экологического камуфляжа”.

Согласно предложениям ВЭБ, “зеленым” может считаться проект, одновременно удовлетворяющий нескольким критериям: требованиям рос-

сийской таксономии, хотя бы одной из целей ЦУР, задачам Парижского соглашения по климату. При этом экологический эффект должен быть материальным и подробно задокументированным в соответствии с методикой верификатора. Подчеркивается необходимость регулярного предоставления отчетности по достижению целевых показателей, а также оценке экологических рисков.

Согласно предлагаемой ВЭБ таксономии, к числу “зеленых” будут отнесены проекты по снижению загрязнения окружающей среды, выбросов CO_2 , энергосбережению и повышению эффективности использования природных ресурсов, адаптации экономики к изменению климата. В перечень по отраслям входят энергосбережение, “зеленое” строительство, промышленное производство (экологическое машиностроение, энергосберегающие технологии и материалы, разработка замкнутых технологических процессов), “чистый” транспорт, водоснабжение и водоотведение, лесное хозяйство, сохранение природных ландшафтов и биоразнообразия, ИКТ. Однако пока до конца не согласованы технические параметры скрининга проектов, бенчмарки для оценки уровня “углеродного следа” и другие метрики, необходимые для выявления и снижения экологических рисков и оптимального достижения заявленных целей.

Потребности и возможности формирования рынка “зеленого” финансирования в России огромны, особенно с учетом масштабов природного капитала, стоимость которого в перспективе будет только расти. Однако, несмотря на значительный прогресс в последние годы, преодоление ряда институциональных и регуляторных препятствий, очевидно, что мы еще только в начале пути. Об этом свидетельствуют имеющиеся статданные.

Первые “зеленые” облигации, маркированные на основе принципов *ICMA*, были выпущены на Московской бирже в декабре 2018 г. В 2019 г. на бирже был выделен сектор по устойчивым облигациям, включая “зеленые”. К концу 2020 г., по данным платформы *INFRAGREEN*, сумма рублевой эмиссии “зеленых” облигаций шести эмитентов на Московской бирже составила 120 млрд руб. В том числе крупнейший эмитент — РЖД — осуществил размещение на сумму 100 млрд руб.

Эмитенты привлекли финансирование для реализации проектов в сферах “чистого” транспорта, ЖКХ и энергетики на территории нескольких субъектов РФ. В частности, в феврале 2020 г. компания “СФО Русол 1” разместила три выпуска “зеленых” облигаций на сумму 5.7 млрд руб. в целях рефинансирования банковских кредитов, выданных ООО “Солар системс” на строительство двух геотермоэлектростанций в Астраханской области. Кроме того, РЖД разместили “зеленые” облига-

ции на Ирландской и Швейцарской биржах в иностранной валюте объемом 500 млн евро и 250 млн швейц. фр. [31]. В целом объем выпущенных российских облигаций составил примерно 2.5 млрд долл., что в разы меньше, чем в Китае (190 млрд долл.), Индии (10.3 млрд) и Бразилии (9.7 млрд)².

“Зеленое” кредитование также пока не получило значимого развития. В 2020 г. лишь несколько российских компаний привлекли “зеленые” кредиты или кредиты, привязанные к *ESG*-факторам. Активность на “зеленом” поле проявляют главным образом российские экспортно ориентированные компании, не находящиеся под санкциями, как, например, “Сибур”, “Полиметалл”. Они демонстрируют приверженность *ESG*-принципам и стремятся получить признание международных рейтинговых агентств (*Sustainalytics*, *DowJones* и др.) для привлечения инвесторов, в первую очередь иностранных.

В частности, “Полиметалл” получил “зеленый” кредит банка *Societe Generale* на сумму 125 млн долл. для финансирования проектов по переходу к устойчивой и низкоуглеродной экономике. Московский кредитный банк, в котором миноритарным акционером является ЕБРР, привлек привязанный к показателям *ESG* кредит на сумму 20 млн долл. немецкого банка *Landesbank Baden-Wuerttemberg (LBBW)* [31].

Крупнейшие российские банки с государственным участием пока масштабно не участвуют в “зеленом” кредитовании, хотя в большинстве случаев *ESG*-принципы включены в их кредитную и инвестиционную стратегии. Одним из препятствий эксперты называют низкий уровень разработанности системы оценки рисков по “зеленым” кредитам. Требуется более четкая регламентация раскрытия нефинансовой информации по проектам.

В последнее время созданные в 2019–2020 гг. фонды ответственного инвестирования (ОПИФ), принадлежащие банку ВТБ, “Сбербанку”, “Райффайзенбанку” и др., предлагают своим клиентам стратегии по “зеленому” инвестированию. Российские же страховые компании пока не проявляют интереса к предоставлению гарантий по климатическим и иным экологическим рискам.

Для прогресса в развитии “зеленого” финансирования в РФ необходимы время и целенаправленные усилия всех заинтересованных сторон. Особенно важна четко сформулированная государством долгосрочная политика, побуждающая финансовые институты и компании к “зеленому” финансированию и инвестированию, в том числе в новые “зеленые” технологии и развитие ВИЭ,

² Рассчитано авторами на основе данных годовых отчетов *Climate Bonds Initiative*.

создание необходимой инфраструктуры. От Банка России ожидается принятие конкретных регуляторных директив, касающихся риск-менеджмента, раскрытия нефинансовой информации, а также создания баз данных по “зеленым” инвестициям, позволяющих участникам рынка оперативно оценивать и анализировать информацию и возможные риски. Серьезным препятствием остается низкий уровень экологического сознания в целом по стране. Необходимым представляется активизация просветительской работы в сфере экологии и адаптации к изменению климата, в том числе в образовательном процессе, разработка платформ по “зеленому” финансированию для информирования бизнеса и частных лиц о принятых документах, экспертных и академических исследованиях, инновациях в данной области.

* * *

В последние годы страны БРИКС существенно продвинулись в развитии “зеленого” финансирования. Политика этих стран в данной сфере имеет много общих черт, но есть и различия. Они определяются географическими и климатическими особенностями, наделенностью природными ресурсами, уровнем экономического развития в целом и финансовых рынков в частности, сложившимися системами управления и регулирования, структурой энергобаланса, темпами перехода к низкоуглеродной и циркулярной экономике.

Каждая страна формулирует свои национальные приоритеты и подходы к использованию инструментов “зеленого” финансирования, однако задача обеспечения экологического здоровья планеты имеет общемировой характер. Для ее решения уже существуют выработанные международной

практикой стандарты, которые могут быть полезными для национальных усилий в области “зеленого” финансирования, естественно, с учетом адаптации. Важнейшее значение имеют разработка регуляторного “каркаса” для “зеленого” финансирования, обеспечение транспарентности “зеленых” проектов, создание необходимой инфраструктуры, принятие национальной “зеленой” таксономии. Наиболее далеко в этом продвинулся Китай, но многое сделано и в других странах БРИКС.

Достигнутые успехи на национальном уровне позволили странам БРИКС в ходе XII саммита выдвинуть идею о переходе к разработке мер по гармонизации политик и инструментов “зеленого” финансирования с учетом особенностей и успешных практик своих стран и действующих международных стандартов. Важным шагом стало принятие участниками саммита “Меморандума о принципах ответственного финансирования банками развитых стран БРИКС” (*Memorandum of BRICS DFIs Principles for Responsible Financing*). В нем подчеркивается заинтересованность всех стран-участниц продолжать сотрудничество в сфере “зеленого” финансирования с тем, чтобы способствовать созданию устойчивой финансовой системы, необходимой для плавного перехода стран БРИКС к экологически ответственной, энергоэффективной, низкоуглеродной и резистентной к изменениям климата экономике.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Guidelines for Establishing the Green Financial System. *China Daily*, 04.09.2016. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhou20/2016-09/04/content_26692931.htm (accessed 20.02.2021).
2. Худякова Л.С. Саммит “Большой двадцатки”: зеленый свет “зеленому” финансированию. ИМЭМО РАН, 07.09.2016. [Khudyakova L.S. *The G-20 summit: green light to “green” finance*. ИМЭМО РАН, 07.09.2016. (In Russ.)] Available at: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/sammit-bolyshoy-dvadtatki-zeleniy-svet-zelenomu-finansirovaniyu> (accessed 18.12.2020).
3. *The 13th Five-year Plan for Economic and Social Development of the People’s Republic of China (2016–2020)*. 2016. 219 p. Available at: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/2509> (accessed 17.01.2021).
4. *China Calls for Global Green Revolution in the Post-COVID Era*. CGTN, 22.09.2020. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-22/Xi-Jinping-China-aims-to-achieve-carbon-neutrality-by-2060-TZX22EfJiE/index.html> (accessed 20.02.2021).
5. *Sustainable Debt Global State of the Market H1 2020*. Climate Bonds Initiative, 2020. 35 p. Available at: <https://www.climatebonds.net/system/tdf/reports/cbi-sustainable-debt-global-sotm-h12020.pdf?file=1&type=node&id=54589&for=0> (accessed 22.02.2021).
6. *Green Banking in China – Emerging Trends*. CPI Discussion Brief, August 2020. 34 p. Available at: <https://www.climatepolicyinitiative.org/wp-content/uploads/2020/08/081220Green-Bankin-trends.pdf> (accessed 23.02.2021).
7. China Must Boost Green Finance to Achieve Carbon Neutrality by 2060. *China Dialogue*, 17.11.2020. 34 p. Available at: <https://chinadialogue.net/en/business/green-finance-china-carbon-neutrality-2060/> (accessed 25.02.2021).

8. *China Green Bond Market. 2019 Research Report*. Climate Bonds Initiative, 2019. 24 p. Available at: https://www.climatebonds.net/system/tdf/reports/2019_cbi_china_report_en.pdf?file=1&type=node&id=47441&force=0 (accessed 23.02.2021).
9. *China's Green Investment Guidelines*. Green Finance Platform, 2018. Available at: <https://www.greenfinanceplatform.org/policies-and-regulations/chinas-green-investment-guidelines> (accessed 23.02.2021).
10. China's Green Bond Issuance and Investment Opportunity Report. Climate Bonds Initiative, October 2020. 25 p. Available at: https://www.climatebonds.net/system/tdf/reports/cbi_gfo_china_05b.pdf?file=1&type=node&id=54717&force=0 (accessed 23.03.2021).
11. *CDB Annual Report 2019*. Beijing, China Development Bank, 2019. 186 p. Available at: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/2019_jx/ (accessed 23.03.2021).
12. *China Development Bank*. Climate Bonds Initiative, 2021. Available at: <https://www.climatebonds.net/certification/china-development-bank> (accessed 25.03.2021).
13. Liang M. CCDC Helps CDB Issue Green Bond for Sustainable Development. *China SDG*, 07.06.2020. Available at: <https://chinasdg.org/2020/06/07/ccdc-helps-cdb-issue-green-bond-for-sustainable-development/> (accessed 25.03.2021).
14. *Green Bond Endorsed Projects Catalogue*. Climate Bonds Initiative, June 2020. Available at: <https://www.climatebonds.net/china/catalogue-2020> (accessed 26.03.2021).
15. *Resolução № 4.327, de 25 de Abril de 2014*. Banco Central Do Brasil, 2014. 4 p. Available at: https://www.bcb.gov.br/pre/normativos/busca/downloadNormativo.asp?arquivo=/Lists/Normativos/Attachments/48734/Res_4327_v1_O.pdf (accessed 26.09.2020).
16. Coimbra L. In 2019 R\$2.89 Billion Were Collected in “Green” Bonds. *SITAWI*, 2019. Available at: <https://www.sitawi.net/noticias/in-2019-r-2-89-billions-reais-were-collected-in-green-bonds/> (accessed 26.01.2021).
17. *Bonds and Climate Change. The State of the Market*. Climate Bonds Initiative, 2017. 28 p. Available at: <https://www.climatebonds.net/files/change/CBI-SotM-17-BR-English-WebFinal-01.pdf> (accessed 26.11.2020).
18. *Green Bonds – Ecosystem, Issuance Process and Regional Perspectives. Brazil Edition*. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development, 2017. 104 p. Available at: https://cebds.org/wp-content/uploads/2017/11/GIZSEBCEBDS_Green-Bonds_Brazil-Edition-1.pdf (accessed 26.11.2020).
19. *FEBRABAN. Annual Report 2019*. FEBRABAN, 2019. 76 p. Available at: <https://www.corporateregister.com/search/report.cgi?num=145271-aQxUIJlqbf6> (accessed 26.11.2020).
20. *Securitisation as an Enabler of Green Asset Finance in India*. Climate Bonds Initiative, December 2019. 43 p. Available at: <https://www.climatebonds.net/system/tdf/reports/securitisation-as-an-enabler-of-green-asset-finance-in-india-report-15052020.pdf?file=1&type=node&id=47189&force=0> (accessed 26.01.2021).
21. *The KPMG Green Tax Index*. KPMG, July 2017. 109 p. Available at: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/tw/pdf/2017/09/655445_NSS_2017Green_TaxIndex_v18web.pdf (accessed 26.02.2021).
22. *Developing a National Green Finance Taxonomy. Project Briefing Report*. National Treasury, October 9, 2020. 54 p. Available at: http://sustainablefinanceinitiative.org.za/wp-content/downloads/Stakeholder_Briefing_Document_9_October_2020.pdf (accessed 26.02.2021).
23. *Financing a Sustainable Economy*. National Treasury, 2020. 60 p. Available at: <http://www.treasury.gov.za/publications/other/Sustainability%20technical%20paper%202020.pdf> (accessed 27.02.2021).
24. *Developing the Green Bond Market in Africa*. London Stock Exchange Group, 2020. 11 p. Available at: https://www.lseg.com/sites/default/files/content/documents/Africa_GreenFinancing_MWv10_0.pdf (accessed 28.02.2021).
25. Дамианова А., Гуттиэрэз Э., Минасян Г. “Зеленое финансирование” в России: создание возможностей для “зеленых” инвестиций. Москва, Группа Всемирного банка, 2018. 127 с. [Damianova A., Gutierrez E., Minasyan G. *Russia “green finance”: unlocking opportunities for “green” investments*. Moscow, World Bank Group, 2018. 127 p. (In Russ.)] Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (accessed 18.12.2020).
26. Мереминская Е. В экологию заманивают деньги частных инвесторов. *Ведомости*, 13.03.2020. [Mereminskaya E. Private investors' money is lured into the environment. *Vedomosti*, 13.03.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.pressreader.com/russia/vedomosti/20200313/281582357695861> (accessed 28.02.2021).
27. *Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов*. Москва, Банк России, 2019. 64 с. [*The main directions of development of Russian financial market for the period 2019–2021*. Moscow, Bank of Russia, 2019. 64 p. (In Russ.)] Available at: http://old.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf (accessed 25.02.2021).
28. *Концепция организации в России методологической системы по развитию “зеленых” финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования*. Москва, Банк России, 2018. 87 с. [*The concept of organizing a methodological system in Russia for the development of “green” financial instruments and responsible investment projects*. Moscow, Bank of Russia, 2018. 87 p. (In Russ.)] Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (accessed 25.02.2021).
29. Шохина Е. Москва первой из российских регионов выпустит “зеленые” облигации. *Ведомости*, 28.02.2021. [Shokhina E. Moscow is the first Russian region to issue “green” bonds. *Vedomosti*, 28.02.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/28/859580-zelenie-obligatsii> (accessed 25.03.2021).

30. *Методические рекомендации по развитию инвестиционной деятельности в сфере “зеленого” финансирования в Российской Федерации*. Москва, ВЭБ, 2020. 16 с. [*Methodical recommendations for the development of investments in the field of “green” financing in the Russian Federation*. Moscow, VEB, 2020. 16 p. (In Russ.)] Available at: <https://veb.ru/files/?file=1cc7ffec701762260d130988dafca0cf.pdf> (accessed 12.03.2021).
31. “Зеленые” финансы в России. *Годовой доклад-2020*. INFRAGREEN, 14.01.2021. 109 с. [*“Green” finance in Russia. Annual report-2020*. INFRAGREEN, 14.01.2021. 109 p. (In Russ.)] Available at: <https://www.eprussia.ru/upload/iblock/be8/be877d20c1bce15d457be362d337f478.pdf> (accessed 12.03.2021).

“GREEN” FINANCE IN BRICS COUNTRIES

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 79-87)

Received 30.03.2021.

Lyudmila S. KHUDYAKOVA (l.khudyakova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Timur R. URUMOV (spikeron@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The article reviews the “green” financing policy in the BRICS countries. The analysis revealed that all of them have integrated “green” finance in their national strategies. Central banks and other financial regulators, ministries of ecology and finance, and especially development financial institutions (DFI) of these countries take an active part in establishing legislative framework for “green” finance and creating “green” infrastructure, though with different level of success. Analysis of the regulatory documents and statistical data proves the leading position of China. Thanks to its strict and, at the same time, stimulating regulation and supervision China has achieved the impressive results in increasing the volume of “green” loans as well as “green” bonds. China national “green” taxonomy (1st edition in 2015) has evaluated significantly during the last years, moving closer to the international standards. Other countries also make strong efforts in “greening” their financial systems. Brazil and India “green” bonds cumulative issues, estimated by the authors, reached in 2020 about 10 billion dollars each. The largest part of these resources is directed to renewable energy projects, and in case of Brazil also to lower deforestation. In recent years Russia did a lot to establish the legislative framework and to adopt the national taxonomy for “green” financing. But, as it is argued in the article, implementation lags behind policies and regulation. At the same time, the regulation itself still needs to be improved. According to available data on cumulative issues of “green” bonds, Russia takes the 4th place after China, Brazil and India. To make more progress the country needs to continue unified efforts of all participants of the Russian “green” finance market, including civil society. At the last BRICS summit all countries confirmed the promotion of the consolidated position on the “green” and responsible financing, with sharing best practice and developing mutually beneficial cooperation that can be helpful for all members to achieve national environmental objectives

Keywords: sustainable finance, “green” finance, “green” bonds, BRICS, China, Brazil, India, Russia, South Africa.

About authors:

Lyudmila S. KHUDYAKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Department.

Timur R. URUMOV, Cand. Sci. (Econ.), Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-79-87

ФАКТОРЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВАЛЮТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В ПОСТКОВИДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2021 г. Е. Звонова, А. Кузнецов

*ЗВОНОВА Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, РФ, 125993 Москва, Ленинградский пр-т, 49
(zvonovalena7@mail.ru).*

*КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, РФ, 125993 Москва, Ленинградский пр-т, 49
(kuznetsov0572@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.03.2021.

Проведен сравнительный анализ позиций развитых и развивающихся стран в мировой экономике и мировых финансах. Систематизированы основные факторы, способствующие увеличению доли валют развивающихся стран в различных сегментах мировой валютной системы. Авторы приходят к выводу, что ускорение процессов интернационализации валют развивающихся стран зависит от создания системных благоприятных условий макроэкономического, институционального и структурного характера.

Ключевые слова: развивающиеся страны, БРИКС, мировая валютная система, внешний долг, международная инвестиционная позиция, ТНК, международные финансовые центры, международный валютный рынок, международные валютные резервы, цифровые валюты.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-88-97

В последние десятилетия все бóльшую роль в мировой экономике и мировых финансах играют развивающиеся страны. С 1999 по 2019 г. их удельный вес в мировом ВВП увеличился с 42.6 до 56.9%, а в мировом объеме экспорта товаров и услуг – с 22.4 до 37% [1]. Хотя в 2020 г. пандемия *COVID-19* вызвала снижение общемирового размера входящих прямых иностранных инвестиций на 42%, доля развивающихся стран в их совокупном притоке, напротив, выросла до рекордных 72% [2]. Улучшение национальных экономических показателей развивающихся стран в рассматриваемый период способствовало быстрому росту их банковского сектора [3]. В 2019 г. из 100 крупнейших банков мира по размеру активов более четверти составили банки развивающихся стран [4].

Ковидкризис негативно повлиял на динамику экономического роста развивающихся стран, спровоцировав экономическую рецессию, падение доходов от внешней торговли, девальвацию национальных валют. Финансовые рынки во всем мире пострадали от пандемии *COVID-19*, что ограничило доступ компаний и правительств развивающихся стран к международной ликвидности [5]. По оценкам Института международных финансов, чистый отток капитала из развивающихся стран в 2020 г. составит 224 млрд долл. [6]. Несмотря на снижение процентных ставок центральными банками ряда ведущих развивающихся стран, стоимость обслуживания их долговых обязательств увеличилась [7]. Совокупность перечисленных факто-

ров усложнила финансирование текущих внешних долговых обязательств. Более 90 развивающихся стран обратились за финансовой помощью к Международному валютному фонду (МВФ) [8]. Однако, как свидетельствует многолетний опыт работы МВФ в странах Латинской Америки, Африки, СНГ и других регионах, реализация жестких макроэкономических программ Фонда не всегда способствовала восстановлению экономики, а нередко имела противоположный эффект [9].

В сложившихся условиях проблемы с доступом к международной ликвидности препятствуют устойчивому экономическому росту развивающихся стран и их интеграции в мировую валютную систему (МВС) на паритетных началах. Для выявления путей преодоления несоответствия между ролью развивающихся стран в мировой экономике и степенью использования их денежных единиц в обслуживании международных транзакций представляется целесообразным провести сравнительный анализ текущих позиций развитых и развивающихся стран в мировой экономике и мировых финансах. В данном контексте рассмотрим развивающиеся страны, доли валют которых в обороте международного валютного рынка превышают 1%, – это КНР, Мексика, Индия, Россия, ЮАР, Турция и Бразилия (в дальнейшем именуемые БРИКС+2)¹.

¹ По данным Банка международных расчетов, валюты Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня также преодолевают 1%-й порог. Однако МВФ на протяжении мно-

Исторически интернационализация валют зависела от множества факторов, включая экономический и геополитический размер государства, развитость финансовой инфраструктуры, устойчивость внутреннего экономического развития, особенности проведения внешнеэкономической политики и регулирования финансового сектора, характер мировой конъюнктуры, шоковые события, позиции стран-партнеров и др. Данное исследование фокусируется на определении благоприятных макроэкономических, институциональных и структурных условий, которые могут способствовать более активной интернационализации валют группы стран БРИКС+2.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Экономический рост и конвергенция доходов.

Размер и структура экономики – фундаментальные условия для эффективной интернационализации валют. На протяжении последних трех десятилетий национальные экономики развивающихся стран росли более высокими темпами, чем развитых, хотя в разные временные периоды величина разрыва в темпах их роста различалась. Так, в период 1992–2001 гг. она составляла 1%, в 2002–2011 гг. – 4.8%, а в 2012–2021 гг. – 2.3%². В 2020 г. совокупный ВВП группы БРИКС+2³ составил 58.3% аналогичного показателя стран G7.

Ковидкризис оказал понижающее давление на перспективы роста в развивающихся странах в связи с резким ослаблением мирового спроса, снижением мировых цен на сырье, прекращением внешних поступлений (в частности, от туризма), а также недостаточным арсеналом средств противодействия сжатию мировой экономики по сравнению с развитыми странами [10, с. 7, 10]. По оценкам МВФ, в 2021 г. падение производства в развивающихся странах (за исключением Китая) будет более глубоким, чем в развитых государствах. Такое неравномерное восстановление ухудшает перспективы глобальной конвергенции уровней доходов. Несмотря на опережающие темпы роста, на протяжении последнего десятилетия падение уровня доходов на душу населения относительно уровня доходов в США было характерным для всех стран БРИКС+2 (за исключением КНР и Индии, которые росли с низкой начальной базы) (табл. 1).

После глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. снижение относительного размера номинальных доходов на душу населения по сравнению

гих лет включает эти страны в категорию развитых, поэтому во избежание методологических некорректностей они исключены из анализа в рамках данной статьи.

² По прогнозу МВФ.

³ В рыночных ценах.

Таблица 1. ВВП на душу населения стран БРИКС+2 в 1990–2021 гг., % ВВП США, в текущих долларах

	1990	1996	2002	2008	2014	2020 ¹	2021 ¹
Китай	1.5	2.4	3.0	7.1	14.0	16.8	17.7
Россия	н.д.	9.3	6.7	25.8	25.5	15.8	16.3
Мексика	14.5	14.7	20.0	20.7	19.9	12.8	12.7
Бразилия	13.0	17.4	7.5	18.4	22.1	10.2	10.2
Южная Африка	13.2	11.7	6.6	11.9	11.7	7.5	7.9
Индия	1.6	1.4	1.3	2.1	2.9	3.0	3.1
Турция	15.7	13.7	9.5	22.3	22.0	12.2	11.6
Справочно							
Германия	84.9	102.4	67.1	96.0	87.3	72.1	78.6
Великобритания	87.5	81.3	79.3	98.9	86.2	62.2	63.9
Япония	106.4	128.4	85.1	81.7	69.3	61.9	61.6

¹ Прогноз.

Рассчитано авторами по: [1].

с США было характерным также и для стран G7. Такую ситуацию можно объяснить, с одной стороны, переоценкой доллара США по отношению к валютам остальных стран [11], а с другой – целенаправленным занижением курсов национальных валют для обеспечения конкурентных преимуществ экспортерам. В случае Китая политика “валютного меркантилизма” помимо завоевания зарубежных рынков обеспечила дополнительные источники роста и повышение внешнего спроса на юань. Вместе с тем в будущем такой эффект может быть нивелирован по мере дальнейшего роста стоимости рабочей силы в Китае.

Как и в случае с внешней стоимостью национальной денежной единицы (валютным курсом), ее внутренняя стоимость (выражаемая через динамику потребительских цен) отражается на стоимости экспортируемой продукции. Поэтому, при прочих равных условиях, когда рост доходов опережает рост производительности труда, экспортеры не могут получать ценовые преимущества на мировом рынке, что снижает внешний спрос на их продукцию и, как следствие, на валюту страны-экспортера. Таким образом, контроль роста доходов на душу населения можно рассматривать как благоприятный фактор интернационализации валют развивающихся стран.

Внешняя задолженность и долговые ценные бумаги. На страны G7 приходится значительная часть мирового внешнего долга. В некоторых из них внешняя задолженность многократно превышает ВВП. При этом внешний долг развитых государств (за исключением Японии) лишь незначительно покрывается их международными резервами – в среднем на 2.8% [12, с. 17].

Низкая степень покрытия долга развитых стран объясняется тем, что значительная его часть де-

Таблица 2. Характеристики внешнего долга стран G7

	Внешний долг, млрд долл.		Удельный вес суверенного долга в общей сумме внешнего долга, %		Удельный вес долговых ценных бумаг в долгосрочных долговых суверенных обязательствах, %	
	III кв. 1999	III кв. 2020	III кв. 1999	III кв. 2020	III кв. 1999	III кв. 2020
США	20 529.3	21 314.7	33.4	32.3	97.2	96.9
Япония	4342.3	4740.7	34.3	33.5	98.1	98.0
Германия	5631.9	6479.6	22.1	23.1	94.5	94.8
Великобритания	8661.3	9262.2	10.1	10.3	96.9	97.0
Франция	6459.5	7121.6	24.2	25.0	95.9	95.9
Италия	2459.4	2688.1	38.0	36.9	93.1	92.8
Канада	2136.9	2268.9	16.6	19.0	97.3	97.7

Рассчитано авторами по: [14].

Таблица 3. Характеристики внешнего долга стран БРИКС+2

	Внешний долг, млрд долл.		Удельный вес суверенного долга в общей сумме внешнего долга, %		Удельный вес долговых ценных бумаг в долгосрочных долговых суверенных обязательствах, %	
	III кв. 1999	III кв. 2020	III кв. 1999	III кв. 2020	III кв. 1999	III кв. 2020
Китай	2049.5	2294.4	11.9	14.3	80.2	86.2
Бразилия	672.9	621.6	26.6	23.4	81.4	76.7
Индия	557.6	556.2	19.2	18.6	27.8	16.4
Россия	474.9	463.7	13.6	12.8	98.6	98.7
Мексика	449.8	451.2	44.3	40.8	84.2	82.9
Турция	432.5	435.1	22.7	23.1	76.2	75.8
Южная Африка	177.7	156.9	39.8	41.2	99.7	91.7

Рассчитано авторами по: [14].

номинирована в национальных валютах, имеющих статус резервных. Например, в США 92.6% внешнего долга размещено в долларах [13]. Помимо этого, текущему обслуживанию внешнего долга развитых стран благоприятствует низкий уровень процентных ставок, поддерживаемый их центральными банками. Однако именно эти два фактора могут стать основной проблемой будущего обслуживания задолженности в случае снижения доверия к традиционным резервным активам со стороны стран-кредиторов или роста процентных ставок. Это может стимулировать спрос на резервные активы развивающихся стран, в первую очередь Китая.

Ковидкризис привел к увеличению размеров внешнего долга развитых стран. При этом показатель удельного веса суверенного долга в общей сумме долга практически не изменился. В среднем в странах G7 (за исключением Великобритании и Канады) он составляет около 30%. В Великобритании этот показатель в три раза ниже в связи с тем, что 46% внешнего долга страны приходится на краткосрочные банковские вклады. В Канаде также значительная часть внешнего долга приходится на краткосрочные банковские вклады и долгосрочные долговые обязательства корпоративного сектора (табл. 2).

Напротив, в странах БРИКС+2 абсолютный размер суверенного внешнего долга снижался (за исключением Китая и Турции⁴), что было вызвано оттоком капитала с развивающихся рынков. Что касается структуры суверенного внешнего долга, то в России и ЮАР удельный вес долговых ценных бумаг в долгосрочных обязательствах сопоставим с аналогичными показателями развитых стран. В КНР, Мексике, Бразилии и Турции он приближается к ним. Низкий удельный вес ценных бумаг в структуре долгосрочных долговых обязательств Индии обусловлен преобладанием долгосрочных кредитов, доля которых в период пандемии возросла более чем на 10%. В России 63% внешнего долга составляют долгосрочные корпоративные кредиты и межфирменные кредиты в форме прямых инвестиций. В структуре частного внешнего долга КНР наибольшая доля приходится на краткосрочные банковские вклады, торговые и межфирменные кредиты (табл. 3).

Кроме того, следует учитывать низкую долю валют развивающихся стран в деноминации внешних долговых обязательств на их национальных финансовых рынках. В КНР она составляет

⁴ В ЮАР при сокращении совокупного размера внешнего долга наблюдалось увеличение удельного веса суверенного долга в общей сумме внешнего долга.

39%, в России – 26%. При этом в общей сумме непогашенного внешнего долга в иностранной валюте доля доллара США в КНР составляет 84% [15], в России – 49% [16].

Следовательно, исходя из структуры суверенного внешнего долга стран – эмитентов резервных валют развитие рынка высоколиквидных суверенных долговых ценных бумаг развивающихся стран как потенциального резервного актива – важный элемент интернационализации их валют. В связи с этим спрос на долговые бумаги стран БРИКС+2 как резервные активы может повышаться по мере улучшения показателей глубины и ликвидности национальных финансовых рынков этих стран.

Изменения в структуре платежного баланса. На фоне падения экономической активности в 2020 г. произошло расширение дисбаланса внешнего финансирования. Так, в 2020 г. размер суммарной международной инвестиционной позиции всех стран составил около 22% ВВП по внешним активам и около 26% по внешним обязательствам, в то время как в 2010 г. – 14% ВВП по внешним активам и 16% – по внешним обязательствам [17, р. 14].

Подчеркнем, что среди наиболее значимых развивающихся стран только КНР, Саудовская Аравия и Россия имеют положительное сальдо баланса движения капитала. При этом у Саудовской Аравии положительный баланс наблюдается по всем видам инвестиций – прямым, портфельным, резервным и пр. В то же время у КНР и России отрицательный баланс по прямым и портфельным инвестициям (главным образом вследствие заимствований частного сектора) покрывается положительным балансом по резервным активам.

В 2020 г. РФ, несмотря на негативные последствия пандемии, установила новый рекорд по объему экспорта несырьевой продукции (161.3 млрд долл., или 49.7% совокупного объема экспорта) и вышла на 3-е место в мире после КНР и ФРГ по размеру положительного сальдо торгового баланса [18]. Благодаря постоянному наращиванию с 2009 г. экспортного потенциала у России положительная чистая инвестиционная позиция, что

позволяет поддерживать статус международного кредитора. Правда, концентрация российских зарубежных инвестиций в низкодоходных долговых обязательствах, долевых активах и валютах развитых стран при установившихся высоких процентных ставках по российским долговым обязательствам обуславливает более высокую стоимость обслуживания внешнего долга, что является причиной хронически отрицательного инвестиционного дохода, противоречащего статусу международного кредитора [16]. Негативное сальдо инвестиционного дохода характерно для всех стран БРИКС+2 независимо от того, являются они кредиторами или должниками в МВС (табл. 4).

Увеличение глобального дисбаланса финансирования потенциально способствует более активной интернационализации валют развивающихся стран. При этом разрешение проблемы отрицательного инвестиционного дохода напрямую зависит от роста доли резервных активов, денонмированных в высокодоходных валютах развивающихся стран, а также снижения задолженности частного сектора на международных финансовых рынках через создание более благоприятных условий заимствований на внутреннем рынке.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Усиление глобальной корпоративной власти. Торговля товарами и портфельные инвестиции увеличивают непосредственное использование валюты в международных транзакциях. В то же время прямые иностранные инвестиции эффективно воздействуют на ее продвижение как валюты платежа [20].

В современной мировой экономике основными участниками международной торговли выступают транснациональные корпорации, представляющие собой институциональный механизм перераспределения научно-, трудо- и капиталоемких ресурсов через глобальные цепочки стоимости (ГЦС). Поэтому одно из основных институциональных условий интернационализации валют развивающихся стран – создание национальных “чемпионов”,

Таблица 4. Международная инвестиционная позиция БРИКС+2 и других развивающихся стран, III кв. 2020 г., млрд долл.

	КНР	Индия	Россия	Бразилия	Мексика	Южная Африка	Турция	Индонезия	Саудовская Аравия
Накопленный экспорт капитала (активы)	8167	803	1514	877	643	500	241	386	1128
Накопленный импорт капитала (обязательства)	6013	1147	958	1280	1167	384	644	651	502
Чистая международная инвестиционная позиция страны	2154	-344	556	-403	-524	116	-403	-265	626
Чистый инвестиционный доход, 2019 г.	-33.1	-27.7	-53.5	-57.3	-37.0	-9.9	-12.9	-33.8	7.9

Рассчитано авторами по: [19].

то есть быстрорастущих высокотехнологических, экспортно ориентированных ТНК, способных выдерживать конкуренцию на глобальном рынке.

Агрессивный подход китайских ТНК в сделках слияний и поглощений, направленный на приобретение стратегических активов в развитых странах, позволил им в сравнительно короткий срок достичь высокой скорости интернационализации и выйти на передовые рубежи технологических ноу-хау [21, р. 29]. В 2020 г. общее количество объявленных сделок слияний и поглощений с участием компаний из Большого Китая составило более 10 тыс. на сумму 733 млрд долл., что на 30% больше, чем в 2019 г. [22]. В 2020 г. Китай впервые обошел США по количеству компаний в рейтинге *Fortune Global 500*. С 2003 г. их число в рейтинге увеличилось с 11 до 124, в то время как американских снизилось со 197 до 121 [23]. В свою очередь в рейтинге крупнейших мировых нефинансовых ТНК по размеру иностранных активов (ЮНКТАД 100) в 2019 г. Китай все еще уступал США (10 компаний против 19). Однако в аналогичном рейтинге ЮНКТАД для нефинансовых ТНК из развивающихся стран из 100 компаний 51 имела китайское происхождение (включая ТНК Гонконга и Тайваня) [24].

Тем не менее по ряду рыночных характеристик китайские компании все еще уступают американским конкурентам. Во-первых, их доля в общем доходе *Global 500* составляет 25% против 30%-й доли компаний из США. Во-вторых, подавляющее большинство китайских компаний (68%) – государственные предприятия, не прошедшие испытаний конкуренцией на открытых рынках. В-третьих, хотя в список *Global 500* входят такие китайские технологические гиганты, как *Alibaba Group*, *Huawei*, *Lenovo*, оперирующие на международном уровне, в нем много компаний, бизнес которых ориентирован преимущественно на внутренний рынок (например, горнодобывающие или электроэнергетические компании) [25].

Успехи интернационализации китайских компаний во многом основаны на трехзвенном взаимодействии между правительством (отвечающем за политику в сфере исходящих ПИИ), агентами (правительственными ведомствами) и субъектами (фирмами). В этой модели процесс разработки политики в сфере ПИИ происходит как по нисходящей, так и по восходящей: двунаправленное движение позволяет компаниям принимать проактивное участие в формировании общей стратегии и механизмов зарубежной экспансии, а государственным регуляторам – адаптировать политику под изменения рыночной среды без ущерба для политического режима [26].

Несмотря на ограничения из-за пандемии *COVID-19*, ГЦС могут сыграть ключевую роль в восстановлении глобальной экономической ак-

тивности [27, с. 21]. Доказанная способность китайских ТНК вытеснить американских гигантов с мирового рынка служит серьезным аргументом для последующего более активного и результативного включения компаний других стран БРИКС+2 в освоение ГЦС.

Совершенствование процессов функционирования международных финансовых центров. Если движение материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов в мировой экономике осуществляется преимущественно по каналам деятельности ТНК, то перераспределение финансовых ресурсов происходит главным образом через международные финансовые центры (МФЦ). Следовательно, развитие национальной сети таких центров становится значимым институциональным фактором интернационализации валют развивающихся стран.

Одним из ключевых индикаторов функционирования международных финансовых центров является Индекс глобальных финансовых центров (*GFCI*), который публикуется дважды в год – в марте и сентябре. В сентябрьском индексе 2020 г. страны БРИКС+2 были представлены 21 центром. При этом по сравнению с мартовским исследованием большинство МФЦ стран БРИКС+2 значительно улучшили свои показатели (табл. 5).

Безусловным лидером среди МФЦ развивающихся стран выступает Шанхай, позиции которого во время пандемии укрепились благодаря усилению финансовой открытости Китая. На площадках Шанхая обращается широкий ассортимент финансовых продуктов – от фьючерсов на сырую нефть до опционов на фондовый индекс. Китайские акции и облигации включены в такие ведущие индексы, как *MSCI*, *FTSE* и *S&P Dow Jones*, *Bloomberg Barkley Global Aggregate Index*, а также индекс гособлигаций развивающихся рынков компании *JP Morgan* [28].

Улучшение в период наихудшей фазы пандемии позиций большинства международных финансовых центров стран БРИКС+2 – следствие повышенного интереса к ним со стороны международных инвесторов. Сохранению достигнутых позиций могут способствовать следующие меры:

- 1) дальнейшая диверсификация существующих и разработка новых финансовых продуктов и услуг, отвечающих цифровым трансформациям финансового сектора;
- 2) создание финансовых кластеров посредством объединения национальных и зарубежных финансовых институтов во всех сегментах международного финансового рынка;
- 3) обеспечение прозрачной финансовой среды для расширения возможностей участия нерезидентов в финансировании *IPO* национальных

Таблица 5. Рэнкинги и рейтинги международных финансовых центров БРИКС+2 в Индексе глобальных финансовых центров

Центр	Сентябрь 2020		Март 2020		Изменения	
	Рэнкинг	Рейтинг	Рэнкинг	Рейтинг	Рэнкинга	Рейтинга
Шанхай	3	748	4	741	+1	+8
Пекин	7	741	7	734	0	+7
Шэньчжень	9	732	11	722	+2	+10
Гуанчжоу	21	710	19	714	-2	-4
Мумбаи	35	678	45	672	+10	+6
Чэнду	43	659	74	641	+31	+18
Циндао	47	654	99	610	+52	+44
Нью-Дели	49	652	69	646	+20	+6
Москва	62	600	71	644	+9	-44
Стамбул	64	595	79	636	+15	-41
Кейптаун	67	592	80	635	+13	-43
Мехико	70	589	78	637	+8	-48
Сан-Паулу	80	569	83	632	+3	-63
Рио-де-Жанейро	85	560	89	622	+4	-62
Нанкин	89	550	101	608	+12	-58
Йоханнесбург	90	549	85	627	-5	-78
Санкт-Петербург	104	523	97	613	-7	-90
Сиань	105	506				
Тяньцзинь	108	477	100	609	-8	-132
Ханчжоу	109	463	98	612	-11	-149
Ухань	111	420				

Источник: [28].

высокотехнологических компаний и в эмиссии международных облигаций, номинированных в национальных валютах;

4) совершенствование национальных стандартов и рыночных механизмов, в том числе путем создания эталонных процентных ставок и эталонных цен на торговлю основными сырьевыми товарами в национальных валютах;

5) улучшение правовой среды финансовых рынков через создание финансовых арбитражных судов и централизованных национальных баз данных с кредитными историями предприятий и частных лиц.

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Увеличение доли валют развивающихся стран на международном валютном рынке. Важным индикатором интернационализации валют развивающихся стран в МВС является увеличение их доли на международном валютном рынке.

С 2016 по 2019 г. доля валют развивающихся стран увеличилась с 19 до почти 25% от мирового оборота. Вместе с тем на рынке установилось долговое доминирование семи ведущих валют — доллара США, евро, иены, английского фунта, австралийского и канадского долларов, а также швейцарского франка, на которые в 2019 г. при-

ходило 167%⁵ от общего числа сделок. Хотя юань является восьмой по величине валютой в мире и самой торгуемой валютой развивающихся стран, 95% всех транзакций в юанях по-прежнему осуществляются в паре с долларом США. В отличие от прошлых лет китайская валюта не поднялась в мировом рейтинге, поскольку объем торговли юанями увеличивался вместе с ростом совокупного объема международного валютного рынка. Позиции российского рубля не изменились, а мексиканского песо, турецкой лиры и бразильского реала ухудшились (табл. 6).

Большинство транзакций в валютах развивающихся стран по-прежнему сосредоточено в четырех МФЦ: Лондоне, Нью-Йорке, Сингапуре и Гонконге. Это отражает сетевой эффект мирового валютного рынка, ведущий к его высокой концентрации внутри малого числа мировых финансовых центров [30].

Учитывая преимущественно внебиржевой (межбанковский) характер международного валютного рынка, интенсивность торгов валютами развивающихся стран зависит от соответствующих предпочтений узкого круга маркетмейкеров (дилеров), представленных ведущими банками развитых стран. Вместе с тем, как отмечается в докладе

⁵ При определении долей валют исходят из 200% — общей суммы сделок покупки и продажи по каждой валюте.

Таблица 6. Изменения ранжировок валют стран БРИКС+2 в торгах на мировом валютном рынке

	2004	2007	2010	2013	2016	2019
Китайский юань (CNY)	29	20	17	9	8	8
Мексиканский песо (MXN)	12	12	14	8	11	15
Индийская рупия (INR)	20	19	15	20	18	16
Российский рубль (RUB)	17	18	16	12	17	17
Южноафриканский рэнд (ZAR)	16	15	20	18	20	18
Турецкая лира (TRY)	28	26	19	16	16	19
Бразильский реал (BRL)	21	21	21	19	19	20

Источник: [29].

Банка международных расчетов, возрастающее влияние на структуру валютных торгов оказывают недилерские финансовые институты (включая небольшие банки, институциональных инвесторов и суверенные фонды) [29, р. 7]. Кроме того, появление инновационных электронных платформ и сервисов упрощает доступ к валютным торгам розничных участников, что расширяет возможности компаний стран БРИКС+2 по проведению торгов с участием собственных валют.

Международные резервы и платежные системы. По мнению экспертов МВФ, валютная конфигурация МВС инерционна в силу устоявшихся исторических, торговых и финансовых связей [31]. Ковидкризис привел к глобальному бегству капиталов в безопасные активы, в частности номинированные в долларах, что произошло благодаря созданию дополнительной ликвидности ФРС США. Трансформации доллароцентричной МВС в многополярную систему с растущей ролью валют развивающихся стран в структуре международных резервов могут способствовать следующие факторы:

1) прогресс стран еврозоны и Евразийского экономического союза в преодолении институциональных проблем формирования своих общих финансовых рынков [32, 33], а также интенсификация валютно-финансового сотрудничества в рамках МЕРКОСУР, АСЕАН и других объединений интеграционного типа;

2) способность стран – эмитентов действующих и потенциальных резервных валют быстро восстановить экономику после ковидкризиса и эффективно управлять возрастающим уровнем задолженности;

3) геополитические факторы, такие как санкции и торговые войны. После введения санкций США Банк России заместил в своих резервах дол-

лары юанями. В перспективе к кардинальным изменениям структуры резервных активов в отдельных странах могут привести побочные эффекты торгового противостояния и пандемии *COVID-19*, в том числе американо-китайские торговые противоречия, изменения цен на нефть, запреты на экспорт технологий, медицинского оборудования и фармацевтической продукции, а также сворачивание международного сотрудничества;

4) текущая конфигурация резервных валют может измениться под воздействием новых финансовых технологий. Развитие инновационных финансовых и платежных систем может снизить транзакционные издержки, а также уменьшить силу существующих сетевых эффектов и роль инерции. Инновационные финансовые технологии могут способствовать уходу из-под санкций и контроля трансграничного движения капитала, поощряя использование альтернативных валют. В краткосрочной перспективе двумя наиболее эффективными каналами таких изменений выступают цифровые валюты и платежные экосистемы.

Многие национальные центральные банки рассматривают вопрос о выпуске собственных цифровых валют (ЦВЦБ). В 2020 г. Китай стал первой крупной страной, которая ввела ЦВЦБ в ограниченное использование. Тестирование цифрового юаня банками, правительством, предприятиями и частными лицами проводится в 28 провинциях. В зависимости от проводимой страной политики и глобальных обстоятельств ЦВЦБ, выпущенные текущими эмитентами, могут увеличить спрос на резервы, деноминированные в этих валютах. Альтернативные платежные системы, использующие технологию распределенного реестра, могут помочь преодолеть ограничения и недостатки существующих платежных систем, а также снизить потребность в использовании валют-посредников и валют для выставления счетов-фактур, что обеспечивает более децентрализованный характер мировой валютной системы.

* * *

Ускорение процессов интернационализации валют развивающихся стран зависит от реализации ряда взаимосвязанных условий макроэкономического, институционального и структурного характера. В макроэкономической сфере такими условиями являются контроль динамики роста номинальных доходов на душу населения, позволяющий компаниям-экспортерам получить конкурентные преимущества в международной торговле; улучшение результативности международной инвестиционной позиции путем наращивания исходящих прямых и портфельных инвестиций в высокодоходные активы развивающихся стран

и снижения доли резервных активов, деноминированных в валютах развитых стран, прежде всего в долларах; рост глубины и ликвидности национальных рынков долговых ценных бумаг как ключевого актива для формирования международных резервов.

Институциональные условия интернационализации валют формируют ТНК, а также национально ориентированные механизмы и стандарты регулирования финансовых рынков. ТНК способствуют международному продвижению валют развивающихся стран через участие в глобальных цепочках создания стоимости. В свою очередь прозрачные и эффективные стандарты и механизмы регулирования национального финансового рынка позволяют привлекать капитал от нерезидентов и размещать его в финансовые инструменты, деноминированные в национальной валюте.

Наконец, с учетом перехода процессов глобализации на уровень кибернетических платежно-расчетных систем, основанных на цифровых валютах, социальных сетях и технологии распределенного реестра, увеличение доли валют стран БРИКС+2 в международной валютной торговле, международных резервах и международных платежах зависит от создания национальных расчетно-платежных структур, которые гарантируют высокую степень связанности сетей и пользователей, обеспечат их максимальную безопасность и в конечном итоге приведут в долгосрочной перспективе к децентрализации мировой валютной системы.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета по фундаментальной научно-исследовательской работе “Конкуренция валют в мировой валютной системе”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Economic Outlook Databases*. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending> (accessed 10.03.2021).
2. *Global Foreign Direct Investment Fell by 42% in 2020, Outlook Remains Weak*. UNCTAD, January 24, 2021. Available at: <https://unctad.org/news/global-foreign-direct-investment-fell-42-2020-outlook-remains-weak> (accessed 10.03.2021).
3. Marques J.C., Lupina-Wegener A., Schneider S. Internationalization Strategies of Emerging Market Banks: Challenges and Opportunities. *Business Horizons*, 2017, vol. 60, no. 5, pp. 715-723. DOI: 10.1016/j.bushor.2017.05.015
4. *The World's 100 Largest Banks, 2020*. S&P Global, April 7, 2020. Available at: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/the-world-s-100-largest-banks-2020-57854079> (accessed 10.03.2021).
5. Gubareva M. The Impact on COVID-19 on Liquidity of Emerging Markets Bonds. *Finance Research Letters*. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101826 (In Press).
6. *Capital Flows Report: a Slow and Uneven Recovery*. Institute of International Finance, October 2020. Available at: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content/1_CFR_100720.pdf?_cldee=Y3NhbmNoZXpAZWxjb25maWRlbnNpYWwY29t&recipientid=contact-f0d21afee5f0e81180d102bfc0a80172-4ba40562cddc4fa5bf56ebf9d9909bcb&utm_source=ClickDimensions&utm_medium=email&utm_campaign=Press%20Emails&sid=c65c3fad-1a08-eb11-80e6-000d3a0ee4ed (accessed 10.03.2021).
7. Janus J. The COVID-19 Shock and Long-term Interest Rates in Emerging Market Economies. *Finance Research Letters*. DOI: 10.1016/j.frl.2021.101976 (In Press).
8. *Confronting the Crisis: Priorities for the Global Economy*. IMF, April 9, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/07/sp040920-SMs2020-Curtain-Raiser> (accessed 10.03.2021).
9. Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. New York, W.W. Norton & Company, 2003. 304 p.
10. Фитуни Л., Абрамова И. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 9, сс. 5-14. [Fituni L., Abramova I. Developing countries in the political economy of the post-coronavirus world. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 9, pp. 5-14. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14>
11. *The Big Mac Index*. Available at: <https://www.economist.com/big-mac-index> (accessed 10.03.2021).
12. Балюк И.А. *Современный международный долговой рынок: теория и практика функционирования*. Москва, КНОРУС, 2021. 348 с. [Balyuk I.A. *Modern international debt market: theory and practice of functioning*. Moscow, KNORUS, 2021. 348 p. (In Russ.)]
13. *U.S. Gross External Debt Statistics*. U.S. Department of the Treasury. Available at: <https://home.treasury.gov/data/treasury-international-capital-tic-system-home-page/tic-forms-instructions/us-gross-external-debt> (accessed 10.03.2021).
14. *QEDS: Quarterly External Debt Statistics*. The World Bank. Available at: <https://datatopics.worldbank.org/debt/qeds> (accessed 10.03.2021).
15. *SAFE Releases China's External Debt Data at the End of September 2020*. State Administration of Foreign Exchange, December 25, 2020. Available at: <https://www.safe.gov.cn/en/2020/1225/1780.html> (accessed 10.03.2021).
16. *External Sector Statistics*. Bank of Russia. Available at: https://www.cbr.ru/eng/statistics/macro_itm/svs/ (accessed 10.03.2021).
17. *World Economic Outlook, April 2021: Managing Divergent Recoveries*. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (accessed 23.05.2021).

18. *Россия установила рекорд несырьевого экспорта*. Институт международных политических и экономических стратегий – РУССТРАТ, 5 марта 2021 г. [*Russia has set a record for non-resource exports*. Institute for International Political and Economic Strategies – RUSSTRAT, March 5, 2021. (In Russ.)] Available at: https://russtrat.ru/comments/5-marta-2021-0010-3322?utm_source=finobzor.ru (accessed 10.03.2021).
19. *Balance of Payments and International Investment Position Statistics*. IMF. Available at: <https://data.imf.org/?sk=7A51304B-6426-40C0-83DD-CA473CA1FD52> (accessed 10.03.2021).
20. Liua T., Wangc X., Woo W.T. The Road to Currency Internationalization: Global Perspectives and Chinese Experience. *Emerging Market Review*, 2019, vol. 38, no. 3, pp. 73-101. DOI: 10.1016/j.ememar.2018.11.003
21. Jaina N.K., Celob S., Kumarc V. Internationalization Speed, Resources and Performance: Evidence from Indian Software Industry. *Journal of Business Research*, 2019, vol. 95, no. 2, pp. 26-37. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.09.019
22. *Value of Announced M&A Deals Greater China 2009–2020*. Statista, February 16, 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1118499/value-of-announced-company-takeovers-with-chinese-participation/> (accessed 10.03.2021).
23. *Fortune Global 500*. Available at: <https://fortune.com/global500/> (accessed 10.03.2021).
24. *World Investment Report 2020. Annex Tables*. UNCTAD, 2020. Available at: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables/> (accessed 27.03.2021).
25. Colvin G. Why the China–U.S. Rivalry Is at a Crucial Turning Point – and What It Means for Business. *Fortune*, August/September 2020. Available at: <https://fortune.com/longform/us-china-relations-global-500-companies-trade-xi-trump-business/> (accessed 10.03.2021).
26. Yana Z.J., Zhua J.C., Fanb D., Kalfadellisa P. An Institutional Work View toward the Internationalization of Emerging Market Firms. *Journal of World Business*, 2018, vol. 53, no. 5, pp. 682-694. DOI: 10.1016/j.jwb.2018.03.008
27. Варнавский В. Глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии COVID-19. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 1, сс. 14-23. [Varnavskii V. Global value chains (GVC) and COVID-19 pandemic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 14-23. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-14-23>
28. *The Global Financial Centres Index (GFCI)*. Long Finance and Financial Centre Futures, September 2020. Available at: <https://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/global-financial-centres-index/gfci-publications/> (accessed 10.03.2021).
29. *Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange Turnover in April 2019*. BIS, 2019. Available at: https://www.bis.org/statistics/rpfx19_fx.pdf (accessed 10.03.2021).
30. Patel N., Xia D. Offshore Markets Drive Trading of Emerging Market Currencies. *BIS Quarterly Review*, December 2019. Available at: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1912h.pdf (accessed 10.03.2021).
31. *Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System*. IMF, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Issues/2020/11/17/Reserve-Currencies-in-an-Evolving-International-Monetary-System-49864> (accessed 10.03.2021).
32. Худякова Л., Сидорова Е. Единый финансовый рынок ЕС: иллюзия или реальность? *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 9, сс. 63-72. [Khudyakova L., Sidorova E. EU single financial market: illusion or reality? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 9, pp. 63-72. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-63-72>
33. Звонова Е.А., Пищик В.Я. О концептуальных подходах к созданию общего финансового рынка государств – членов ЕАЭС. *Финансы и кредит*, 2018, т. 24, № 1, сс. 5-18. [Zvonova E.A., Pishchik V.Ya. On conceptual approaches to creation of the Common Financial Market of EAEU member states. *Finance and Credit*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 5-18. (In Russ.)] DOI: 10.24891/fc.24.1.5

**FACTORS OF INTERNATIONALIZATION OF DEVELOPING COUNTRIES' CURRENCIES
IN THE POST-COVID-19 ECONOMY**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 88-97)

Received 15.03.2021.

Elena A. ZVONOVA (zvonovaelena7@mail.ru),

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradskii Prosp., Moscow, 125993, Russian Federation.

Aleksei V. KUZNETSOV (kuznetsov0572@mail.ru),

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradskii Prosp., Moscow, 125993, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University for fundamental research work “Competition of currencies in the international monetary system”.

Over the past three decades, economic transformations and dynamic growth in a number of developing countries have led to a significant increase of their role in the global economy. However, despite the shift in the centre of global economic activity from West to East, the US dollar continues to dominate the international monetary system. The

COVID-19 pandemic has disrupted sustainable trade and financial flows, limiting the access of governments and companies in developing countries to international liquidity. The global recession has increased the importance of regional and local factors in the recovery of global economic growth. The current trends in the regionalization of international economic relations, along with the need to finance external debt, create objective prerequisites for a more active use of the currencies of developing countries in the international monetary system. To identify this potential, the authors conducted a comparative analysis of the current positions of developed and developing countries in the world economy and world finance. Internationalization of developing countries' currencies in the international monetary system depends on creation of a number of favourable macroeconomic, institutional and structural conditions. Macroeconomic conditions are: control over the dynamics of nominal per capita income to ensure competitive advantages for exporters; an increase in the share of sovereign debt obligations as a potential reserve asset in the total volume of external debt; improving the performance of the international investment position by increasing the share of high-yield assets of developing countries. Institutional conditions include the internationalization of high-tech companies and the creation of nationally oriented mechanisms and standards for regulating financial markets. The development of existing and creation of new payment and settlement systems based on digital currencies and distributed ledger technology are the main structural conditions for increasing the international competitiveness of the developing countries' currencies. The authors conclude that only a comprehensive implementation of these conditions will provide a more decentralized nature of the international monetary system in the long term.

Keywords: emerging markets, BRICS, international monetary system, external debt, international investment position, MNE, international financial center, foreign exchange market, foreign exchange reserves, digital currencies.

About authors:

Elena A. ZVONOVA, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department.

Aleksei V. KUZNETSOV, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-88-97

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ НЕФТИ

© 2021 г. С. Жуков, И. Копытин, О. Резникова

*ЖУКОВ Станислав Вячеславович, доктор экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (zhukov@imemo.ru)*

*КОПЫТИН Иван Александрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (kopytin@imemo.ru)*

*РЕЗНИКОВА Оксана Бениаминовна, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (rezxana@yandex.ru)*

Статья поступила в редакцию 30.03.2021.

Проанализирована роль Саудовской Аравии на мировом рынке нефти начиная с 1920-х годов и до настоящего времени. Показано, что стратегия страны всегда была направлена на обеспечение стабильности предложения нефти на мировом рынке. Как лидер ОПЕК, Королевство стремится к тому, чтобы организация проводила рациональную и ответственную политику, поддерживая баланс между предложением нефти и спросом на нее в целях предотвращения глубокого и длительного снижения ее цены. Вплоть до последнего времени важнейшей составляющей саудовской нефтяной политики было стратегическое взаимодействие с США. Перестройка мирового рынка нефти под влиянием “сланцевой революции” и ожидаемого пика глобального спроса на нефть порождает новые вызовы. Действующее с 2017 г. соглашение ОПЕК+ по ограничению нефтедобычи временно позволяет поддерживать баланс между спросом на нефть и ее предложением и не допустить глубокого снижения цены нефти. Дальнейшие перспективы Саудовской Аравии зависят от того, насколько эффективно она сможет в ближайшие одно-два десятилетия распорядиться доходами от экспорта нефти для диверсификации национальной экономики.

Ключевые слова: мировой рынок нефти, “сланцевая революция”, Саудовская Аравия, США, ОПЕК, ОПЕК+, *Saudi Aramco*.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-98-107

Саудовская Аравия наряду с Россией и США – один из трех крупнейших производителей и экспортеров сырой нефти в мире. По доказанным запасам страна занимает первое место в мире¹ [1, 2]. Издержки добычи саудовской нефти одни из самых низких. Дополнительную значимость Королевству на мировом рынке нефти придает лидирующая роль в определении политики Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), на которую приходится около 40% мировой нефтедобычи.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАМОДЕЙСТВИЕ С США

Генезис и развитие государства Саудовская Аравия особенно тесно переплетены с нефтью. Как и в большинстве стран-нефтеэкспортеров, исключительную роль в развитии нефтяной промышленности Королевства сыграл иностранный капитал. Месторождения нефти здесь были открыты, разработаны и введены в экономический

оборот американскими компаниями. В результате чего сформировалось стратегическое партнерство, прочность которого была обусловлена совпадением экономических интересов сторон.

Первая нефтяная концессия на территории Саудовской Аравии, не принесящая результатов, была предоставлена инкорпорированной в Лондоне компании в 1923 г., еще до формирования государства в современных границах [3]. Будущий король Саудовской Аравии Ибн Сауд, имя которого дало название и стране, вел ожесточенную борьбу за формирование централизованного государства на территории Аравийского полуострова. Он остро нуждался в финансовых ресурсах для закупки оружия и финансирования военных операций по покорению племен, подкупа вождей, а также для обеспечения функционирования своей администрации.

Крупнейшие саудовские города на протяжении веков были втянуты в интенсивное международное общение, так как хадж (паломничество) в Мекку и Медину всегда был одним из столпов ислама. Основной приток валюты в королевскую казну обеспечивали мусульманские паломники, поток которых возрастал благодаря бурному развитию международного судоходства и железнодорож-

¹ Крупные ресурсы тяжелой и сверхтяжелой нефти в Венецуэле, формально выводящие эту страну на роль мирового лидера по запасам, не будут введены в экономический оборот из-за развала венецуэльского нефтяного сектора и, главное, из-за глобальных климатических ограничений.

ного строительства на Ближнем Востоке в начале XX в. Однако Первая мировая война и мировой экономический кризис 1929–1933 гг. сделали эти поступления достаточно волатильными. По опыту соседнего Ирана, где коммерческая добыча нефти началась в 1913 г., король хорошо понимал, что нефтяной сектор может стать источником поступления стабильных доходов в казну.

В 1932 г. Саудовская Аравия сформировалась в современных границах, а в 1933 г. американская *Standard Oil of California (SOCAL)*, в настоящее время *Chevron*) получила концессию, обойдя предложившую менее привлекательные финансовые условия *British Iraq Petroleum Company (IPC)* (в настоящее время *BP*). К моменту ее заключения американские компании уже активно осваивали саудовский рынок. Финансируемые миссионером Ч. Крейном группы геологов вели поиск водных ресурсов с начала 1930-х годов [4, 5]. Американские компании активно участвовали в проводимой королем ускоренной модернизации страны, поставляя оборудование для обустройства телеграфа, национальной радиосети, а также легковые автомобили, станки и оборудование для гидротехнических работ [6]. США считались самой передовой страной, причем, в отличие от Великобритании, они не были отягощены историей колониализма. Важное значение имело и то, что *SOCAL* не была участницей картельного соглашения “О красной линии” 1928 г., по которому крупнейшие европейские и американские нефтяные компании поделили между собой нефтяные месторождения бывшей Османской империи. В 1932 г. компания обнаружила значительные за-

пасы нефти в Бахрейне [7] и стремилась к дальнейшей экспансии на территории Саудовской Аравии.

Коммерческая добыча нефти на территории Саудовской Аравии ведется с 1936 г. (рис. 1), с 1939 г. начался экспорт саудовской нефти. В 1946 г. страна впервые получила от иностранных компаний платежи, превосходящие рекордные доходы казны от хаджа [10]. В 1936–1948 гг. первоначальная концессия *SOCAL* в несколько этапов переросла в крупнейший мировой нефтяной консорциум *The California Arabian Standard Oil Company* в составе четырех американских компаний: *Standard Oil of California, Exxon, Mobil* и *Texaco*. В 1944 г. он получил название *Aramco (Arabian American Oil Company)*. *Aramco* была инкорпорирована в штате Делавэр и вела финансовую отчетность в долларах в соответствии с американским законодательством. Совместное предприятие четырех крупнейших американских нефтяных компаний в конечном итоге и обеспечило восхождение Саудовской Аравии на мировой нефтяной олимп.

Экономическое взаимодействие Саудовской Аравии с США заметно опередило политическое. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены только в 1939 г. Быстро возрастающая значимость саудовской нефти в структуре бизнеса крупнейших американских нефтяных компаний вынудила пролоббировать политическое сближение США с Саудовской Аравией.

В феврале 1943 г. Президент США Рузвельт был проинформирован, что Саудовская Аравия обладает самыми богатыми запасами нефти в мире. Менее чем через неделю он объявил, что Королевство играет жизненно важную роль в обеспечении

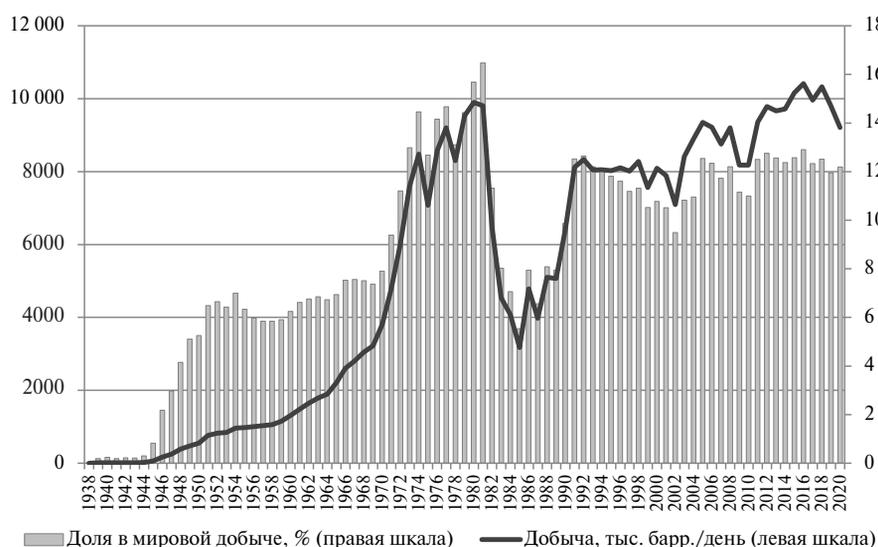

Рис. 1. Динамика добычи нефти в Саудовской Аравии, тыс. барр./день, и доли страны в мировой добыче

Рассчитано по: [2, 8, 9].

обороноспособности США, и на него был распространён закон о ленд-лизе. Хотя официально Саудовская Аравия во время Второй мировой войны придерживалась нейтралитета, фактически она поддерживала дружественные отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Осенью 1943 г. по приглашению Рузвельта США с официальным визитом посетили саудовские принцы Фейсал и Халед, будущие правители Саудовской Аравии. На встречах Рузвельта с ними (поддерживавшими постоянный контакт с Ибн-Саудом) было решено начать в Саудовской Аравии строительство американской военной базы в Дархане, первой американской военной инфраструктуры на Ближнем Востоке, которая была открыта уже в 1946 г. В ходе знакомства с США наследники престола посетили Нью-Йоркскую биржу, крупнейшие промышленные центры, Голливуд, Принстонский университет, военно-морскую военную базу. На обратном пути они совершили ознакомительное путешествие по Великобритании, где были приняты королем Георгом VI, а также встретились в Алжире с генералом Де Голлем. Информация, полученная в ходе поездки, сформировала у короля и королевской семьи твердое убеждение, что США – сильнейшая держава мира, которая будет доминировать в определении послевоенного мироустройства [11].

Стратегические отношения США и Саудовской Аравии были закреплены в феврале 1945 г. Возвращавшийся после Ялтинской конференции союзных держав 14 февраля 1945 г. Президент Рузвельт провел с королем Ибн Саудом встречу на борту американского крейсера *Quincy* в Суэцком канале в Египте. В 1951 г. было подписано соглашение о взаимодействии в области обороны, что открыло возможности для экспорта в страну американской военной техники и вооружений, а также подготовки саудовских военных кадров. Причем для оплаты военного импорта и услуг Королевство открыло в американском банке безотзывное кредитное письмо на имя госдепартамента США с тем, чтобы осуществлять предварительные платежи за поставки министерству финансов [12].

В 1950 г. Саудовская Аравия добилась от *Aramco* распределения прибыли от нефти в пропорции 50/50. Американские компании пошли на эту уступку в том числе и потому, что эффективная ставка доходности на капитал в *Aramco* редко опускалась ниже 200% [10]. По консервативным оценкам, только в 1950 г. *Aramco* выплатила саудовским властям около 110 млн долл. [10]. При этом американские компании практически ничего не потеряли, так как получили разрешение вычитать суммы, уплаченные правительству Королевства, из налогооблагаемой прибыли в США [13]. По мере укрепления политических и административных возмож-

ностей и накопления нефтяных и экономических компетенций саудиты последовательно повышали свою долю в распределении доходов от нефтяной ренты. К 1970 г. нефтяные компании выплачивали правительствам стран-нефтеэкспортеров в виде роялти и налогов до 90% прибыли [14].

Антиколониальный подъем в странах Третьего мира, арабо-израильский конфликт подтолкнули и без того набиравшую мощь волну национализаций в мировой нефтяной промышленности. В 1973 г. правительство Саудовской Аравии приобрело 25%, а в 1974 г. еще 35% в капитале *Aramco*. В 1980 г. его доля в компании была доведена до 100%. Цена выкупа оценивается в 1.5–2.0 млрд долл. [10]. Главное, что это был выкуп активов, а не политическая национализация, то есть если и не дружественный, то вполне кооперативный и растянутый по времени шаг. Даже в 1980 г. Саудовская Аравия самостоятельно продавала только 30% своей нефти в сравнении со 100% в Иране, 85% в Ираке, 75% в Кувейте, 65% в Абу-Даби. Маркетинг 70% добываемой нефти осуществлялся американскими нефтяными компаниями [15]. Будущий саудовский министр нефти Али аль-Наими стал президентом *Aramco* в 1984 г., а в 1988 г. возглавил и совет директоров компании [16]. Унаследовав всю структуру прежней *Aramco*, в юридическом смысле *Saudi Aramco* была учреждена уже как саудовская компания.

Новая компания сохранила стратегическое партнерство с американскими нефтяными компаниями. В 1989 г. она создала с *Texaco* совместное предприятие *Star Enterprises*, выкупив у нее за 800 млн долл. 50%-ю долю в нескольких нефтеперерабатывающих заводах и сбытовых сетях в 23 американских штатах [17]. В 1997 г. партнером саудовской и американской компаний в американской нефтепереработке стала *Royal Dutch Shell*, при этом СП было переименовано в *Motiva*. В 2001 г. *Chevron* поглотила *Texaco*, а доля последней в СП была продана *Saudi Aramco* и *Royal Dutch Shell*. *Motiva*, контролирующая три нефтеперерабатывающих завода в Луизиане и Техасе совокупной мощностью 1.1 млн барр./день, оптовые склады и сбытовые мощности в 26 американских штатах и федеральном округе Колумбия, была реструктурирована в паритетную компанию [18].

В начале 2000-х годов в рамках газовой инициативы впервые с 1970-х годов правительство Саудовской Аравии приоткрыло для иностранного капитала крупнейшие месторождения ассоциированного газа. С участием крупнейших американских и европейских нефтяных компаний, а также *Saudi Aramco* было сформировано три крупных международных консорциума для инвестирования в газовые проекты до 25 млрд долл. [19]. Одной

из причин, хотя и не самой главной, провала этих проектов стали обоснованные сомнения в способности Саудовской Аравии поддерживать в течение длительного периода модель роста, критически зависящую от экспорта углеводородов.

Американо-саудовский нефтяной тандем просуществовал вплоть до конца 1980-х годов. Если в 1950 г. Саудовская Аравия добывала около 550 тыс. барр. нефти в день, то к 1980 г. — почти 10 млн барр. Нефтяные отношения двух стран развивались в остроконфликтной региональной и глобальной политической среде. Достаточно упомянуть участие Саудовской Аравии, хотя и, по мнению многих информированных экспертов, чисто символическое, в эмбарго на экспорт нефти в США и их союзников, поддержавших Израиль в ходе войны 1973 г. Тем не менее экономические интересы всегда преобладали и заставляли находить взаимоприемлемые решения.

Стратегические отношения с американскими нефтяными компаниями и США в целом позволили Королевству стать крупнейшим мировым производителем нефти и сыграть важную роль в процессе глобализации, особенно на первоначальных этапах. Политическая вовлеченность Королевства в ближневосточную политику США, проводимую в 1970-е годы в рамках челночной дипломатии госсекретаря Г. Киссинджера, хорошо известна [20]. Вместе с тем его глобальная экономическая значимость для успеха глобализации осознана хуже.

СИСТЕМНЫЙ ИГРОК В ПЕРИОД РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С конца 1940-х годов ближневосточная нефть сыграла главную роль в обеспечении стремительного процесса автомобилизации стран Западной Европы. Вплоть до середины 1970-х *Aramco* направляла на европейские рынки более половины саудовского нефтяного экспорта (табл. 1). В 1951 г.

в эксплуатацию был запущен Трансаравийский нефтепровод, связавший саудовские месторождения с морским терминалом Сидон на Средиземном море. Уже в 1952 г. по нему прокачивалось 320 тыс. барр./день, которые поступали на нефтеперерабатывающие заводы американских компаний в Италии и Франции. К 1957 г. пропускная способность нефтепровода была доведена до 450 тыс. барр./день [24]. С начала 1960-х годов саудовская нефть в возрастающих объемах стала направляться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, где начался индустриальный подъем.

Особо следует отметить стабилизирующую роль саудовской нефти в период бурной политико-экономической перестройки Ближнего Востока в 1970-е — начале 1980-х годов. Ее доля в нефтепотреблении несоциалистических стран возросла с 8% в 1970 г. до 17% в 1974 г., а в разгар исламской революции в Иране в 1980–1981 гг. приближалась к 20% (рис. 2).

Саудовская Аравия сыграла важнейшую роль в развитии Бреттон-Вудской финансовой системы, основанной на доминирующей роли доллара. Во-первых, Королевство согласилось продавать нефть за американскую валюту, что ускорило ее становление в качестве мировых денег. Во-вторых, с середины 1970-х годов и особенно с начала 1980-х саудовские доходы от экспорта нефти в массовом порядке направлялись на покупку облигаций американского Казначейства. В первой половине 1980-х годов доля Саудовской Аравии в общем объеме размещаемых долговых обязательств правительства США превышала 20–25% (рис. 3).

Рециклирование нефтедолларов в американскую финансовую систему было продуманным и просчитанным на долгую перспективу шагом. Взаимовыгодная сделка связала воедино развитие рынка капитала в США и потребности малонаселенных стран Залива с их низкой способностью эффективно абсорбировать скачкообразно возрос-

Таблица 1. Географическая структура экспорта саудовской нефти, 1940–2018 гг., %

	Северная Америка	Латинская Америка	Западная Европа	Ближний Восток	АТР	Африка	Всего
1940		...		100	...		100
1951	14	≤ 0.5	60	25	1	0	100
1960	12	5	46	20	17	0	100
1970	2	4	53	6	32	3	100
1975	5	14	46	3	30	2	100
1985	6	8	30	7	47	2	100
1990	27	3	27	4	37	1	100
1995	22	2	26	4	44	2	100
2005	20	1	17	4	55	3	100
2018	14	1	12	4	67	2	100

Составлено по: [2, 21, 22, 23].

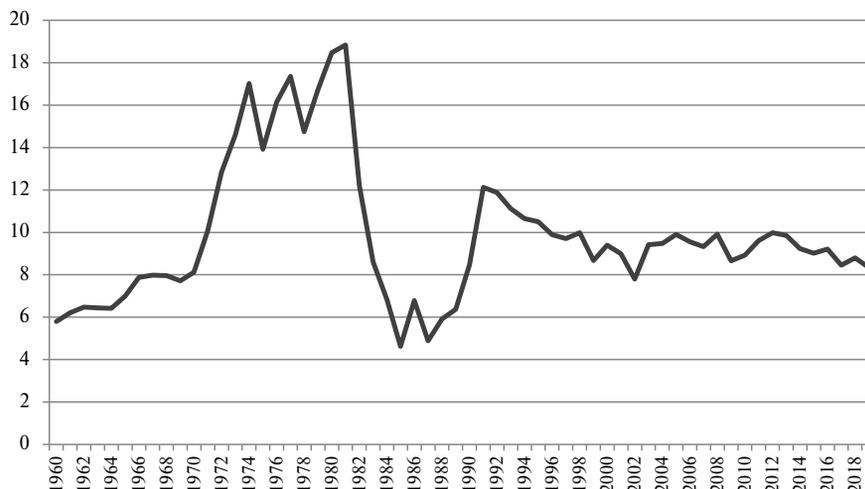

Рис. 2. Экспорт нефти из Саудовской Аравии: доля в покрытии мирового нефтепотребления, исключая бывшие социалистические страны и ОПЕК, %

Рассчитано по: [2, 25, 26].

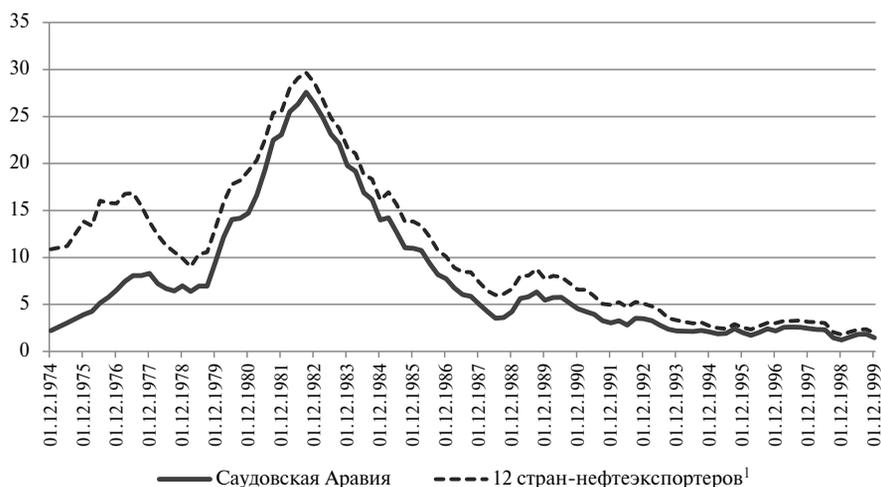

Рис. 3. Доля стран-нефтеэкспортеров в облигациях Казначейства США, размещенных среди иностранных инвесторов

Рассчитано по: [27].

¹ Алжир, Бахрейн, Габон, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Ливия, Нигерия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия.

шие доходы от нефтяного экспорта в выгодном размещении финансовых ресурсов [28, pp. 447-449].

Управление процессом рециклирования нефтедолларов с 1974 г. взяла на себя совместная комиссия по экономическому сотрудничеству между США и Саудовской Аравией [29]. Рециклирование нефтедолларов осуществлялось в закрытом режиме. Еще администрация президента Никсона гарантировала центральному банку Саудовской Аравии полную закрытость операций с министерством финансов США, покупки облигаций шли в обход открытого рынка [30]. Закрепило всю эту конструкцию решение Саудовской Аравии привязать свою валюту к доллару. С 1973 г. курс риала

был де-факто привязан к курсу специальных прав заимствования МВФ и доллару, а с 1986 г. — жестко привязан к доллару [31].

К ЛИДЕРСТВУ В ОПЕК

В 1971 г. Саудовская Аравия становится лидером ОПЕК по нефтедобыче. Только принимая во внимание нефтяные и общеэкономические интересы Королевства и его роль в мировой экономике, можно составить адекватное представление о политике, которую оно проводит в этой организации.

После бурных 1970-х годов, кардинально переключивших мировой рынок нефти, и взлета ее цены

в номинальном выражении в 10–12 раз Саудовская Аравия попыталась в начале 1980-х годов одновременно решить две задачи. Во-первых, сохранить свою роль стабилизатора мирового предложения нефти и при этом не допустить значительного роста ее цены. Во-вторых, сохранить контроль над механизмом ценообразования, который перешел от нефтяных компаний к странам-нефтеэкспортерам.

Решение задач осложняли многие факторы на стороне как спроса на нефть, так и ее предложения. В начале 1980-х годов США прошли через две глубокие рецессии. Потребление нефти в американской экономике в 1978–1983 гг. снизилось на 19%, восстановилось оно только к 1998 г. Европа миновала пик потребления нефти в 1979 г., в 1979–1983 гг. оно сократилось на 18% (подсчитано по [1]). Страны ОПЕК меняли официальные цены на экспортную нефть самостоятельно, без одобрения организацией, динамика официальных цен могла сильно отклоняться от цен на бурно развивающемся спотовом рынке. На это наложились значительное снижение нефтедобычи в ведущих войну Иране и Ираке [32].

Методом проб и ошибок во взаимодействии с другими членами ОПЕК Саудовская Аравия сформировала общую, пусть даже и на декларативном уровне, стратегию поведения на мировом рынке нефти. Был апробирован и единственно возможный механизм для реализации единой нефтяной стратегии через квотирование объемов нефтедобычи.

ОПЕК перешла к политике квотирования в марте 1983 г. Квоты были установлены для организации в целом и 11 стран-членов, индивидуальная квота для Саудовской Аравии не устанавливалась [33]. Первоначально Королевство пыталось выступить в роли замыкающего поставщика (свингера), регулируя свою добычу в зависимости от рыночной ситуации и добычи партнеров по ОПЕК. Как показала практика, такой способ распределения квот невыгоден для страны, и через короткое время Саудовская Аравия перешла к политике удержания ниши по добыче нефти [34, 35].

До определенного момента саудиты пытались сохранить за собой и другими странами ОПЕК прежний порядок определения цены нефти в привязке к так называемой поставочной цене в саудском порту Рас-Танура. Однако с запуском фьючерсного контракта на нефть *WTI* в 1983 г. и нефть *Brent* в 1988 г. эти попытки были обречены. Уже в 1987 г. Саудовская Аравия перешла на формульную цену нефти, привязав официальную цену продажи к бенчмаркам спотовых рынков [36].

Таким образом, к 1986–1987 гг. основные участники нефтяного рынка совместными усилиями выстроили принципиально новую модель

мирового рынка нефти, которая функционирует и поныне. Функция формирования цены нефти перешла от нефтяных компаний и государств-нефтеэкспортеров к биржевому рынку, а страны-нефтеэкспортеры стали привязывать официальную цену продажи своей нефти к цене фьючерсных контрактов на сырую нефть.

Функциональной ролью ОПЕК при решающем участии Саудовской Аравии стало, во-первых, обеспечение стабильного предложения нефти на мировом рынке в долгосрочном периоде, что достигается через поддержание непрерывного притока новых инвестиций в разработку и освоение новых запасов; во-вторых, сглаживание колебаний спроса на нефть и ее потребления через квотирование нефтедобычи, которая устанавливается для всех участников картеля. Фактически традиционная модель поведения на мировом рынке Саудовской Аравии была распространена на организацию в целом. Эта конструкция утвердилась в первую очередь потому, что в ее рамках страны ОПЕК могли реализовать свои экономические интересы – обеспечивать достаточный высокий уровень доходов от экспорта нефти.

Такая стратегия создала возможности для реализации политики коридора для цены нефти, основы которой в самом начале 1980-х годов сформулировал тогдашний министр нефти Саудовской Аравии Ахмед Заки Ямани [37]. Ценовой коридор отвечает долгосрочным интересам как стран-нефтеэкспортеров, так и стран-нефтеимпортеров. Верхняя граница этого коридора не должна препятствовать экономическому росту потребителей нефти и мировой экономики для обеспечения устойчивости спроса на нефть, при этом цена нефти не должна быть также выше цены безубыточного производства альтернативных источников энергии. Ямани считал, что в случае превышения этого уровня развитым странам потребуется не более 7–10 лет, чтобы перейти к альтернативной энергетике [38]. Нижняя граница коридора должна обеспечивать достаточные экспортные доходы странам-нефтеэкспортерам для развития собственной экономики.

При том что Саудовская Аравия и ОПЕК в отдельные периоды могут оказывать и оказывают значимое влияние на цену нефти, степень и устойчивость этого влияния не стоит переоценивать. Еще в 1980-е годы выдающийся специалист по мировому рынку нефти Р. Маброу справедливо отметил, что в 1986 г. ОПЕК утратила роль администратора цены в мировой торговле нефти, мировая цена нефти стала определяться на рынке нефтяных фьючерсных контрактов [39]. В самом начале 2000-х годов американские экономисты показали, что цена нефти формируется в экономике в целом, иначе говоря, для участников мирового рынка нефти ее цена определяется экзогенно [40, 41].

НОВАЯ СТРУКТУРА МИРОВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕФТИ

В период с конца 1980-х по середину 2010-х годов мировой рынок нефти функционировал относительно стабильно. Страны-нефтеэкспортеры и нефтяные компании сравнительно легко адаптировались к шоку после выхода на мировой рынок значительных объемов советской нефти благодаря опережающему росту спроса в развивающихся странах АТР, особенно Китае. И в этот период наблюдались заметные скачки цен, обусловленные военной агрессией Ирака против Кувейта в 1990 г., вторжением США в Ирак в 2003 г., экономическими кризисами 1998 и 2008–2009 гг. Тем не менее на фоне этих экономических и геополитических шоков Саудовская Аравия смогла не только сохранить, но даже и расширить нишу для своего нефтяного экспорта.

Инерционное развитие было взорвано “сланцевой революцией” в США. Технический прогресс в совокупности с ослаблением экологического законодательства и использованием возможностей финансового рынка обеспечили заметный рост американской нефтедобычи. Принципиально ситуация на мировом рынке нефти в первой половине 2010-х годов схожа с ситуацией первой половины 1980-х годов. В тот период динамику мирового предложения нефти определяла не ОПЕК (табл. 2). Члены картеля, включая Саудовскую Аравию, уступали свои ниши другим нефтеэкспортерам.

Таблица 2. Прирост мировой нефтедобычи по группам стран в 1981–2019 гг., млн барр./день

	1981–1985	1986–1990	2010–2014	2015–2019
Мир	–1.81	5.71	5.5	3.5
Не ОПЕК	4.21	0.41	4.5	4.6
ОПЕК	–6.0	5.3	1.0	–1.1

¹ Без учета показателей по экс-СССР.

Рассчитано по [1].

В конце 2015 г. США отменили законодательный запрет на экспорт своей сырой нефти, действовавший с 1975 г., и она стремительно хлынула в каналы мировой торговли. ОПЕК и Саудовской Аравии пришлось выбирать: либо пойти на снижение нефтедобычи, либо начать ценовую войну с целью защитить свою экспортную нишу. Был выбран второй вариант. Тогдашний министр нефти королевства Али аль-Наими заявил: “Мне неважно, сколько стоит нефть” [42]. Предполагалось, что растущее предложение вытеснит с рынка в первую очередь трудноизвлекаемую нефть США с ее высокими издержками производства.

Впервые нефтяные и экономические интересы Саудовской Аравии и США вошли в открытое противоречие. Опуская подробности, отметим, что

в итоге эта ценовая война была свернута в одностороннем порядке. В середине 2016 г. новый саудовский министр нефти объявил о возврате к традиционной политике поддержания баланса спроса и предложения в интересах всех производителей и потребителей нефти [43].

Для предотвращения глубокого снижения цены в условиях возрастающего предложения Саудовская Аравия и ОПЕК пошли на сдерживание нефтедобычи. При этом впервые им удалось добиться аналогичных шагов от других стран-нефтеэкспортеров. В конце 2016 г. было оформлено соглашение ОПЕК+. С 1 января 2017 г. согласованную политику квотирования нефтедобычи помимо ОПЕК стали проводить 10 стран-экспортеров, не входящие в картель. Главным бенефициаром политики ОПЕК+ по сдерживанию нефтедобычи стали компании в секторе трудноизвлекаемой нефти в США, которые воспользовались повышением цены нефти для расширения добычи и экспорта. Фактически страны ОПЕК+ согласились отдать рыночную нишу конкурентам.

Соглашение ОПЕК+, действующее уже несколько лет, для его участников скорее вынужденное и потому нестабильно. В марте 2020 г. РФ вышла из соглашения, на что Саудовская Аравия ответила массированным демпингом на всех российских экспортных рынках. Противостояние России и Саудовской Аравии обернулось глубоким снижением цены нефти, чему способствовало обвальное сокращение глобального спроса на нефть из-за экзогенного шока коронавирусной инфекции.

Вынужденный альянс ОПЕК и не входящих в картель стран-экспортеров был восстановлен под прямым давлением президента США Д. Трампа, который пригрозил разорвать соглашения о стратегическом сотрудничестве с Королевством, прекратить оказывать ему военную защиту и вывести с его территории военные базы и военнослужащих [44]. В апреле 2020 г. страны ОПЕК+ договорились снизить нефтедобычу почти на 10 млн барр./день. В начале 2021 г. они решили продлить ограничения на нефтедобычу, сделав исключения для России и Казахстана, квоты на добычу которым были незначительно повышены. По мере восстановления мирового спроса альянс постепенно начнет восстанавливать добычу, однако временные рамки этого процесса прогнозировать невозможно. Стратегии бесконфликтного выхода из соглашения не существует, рано или поздно конкуренция за рынки как между ОПЕК и экспортерами, не входящими в картель, так и внутри самого картеля разгорится с новой силой. Не исключено, правда, что, учитывая усиливающуюся глобальную тенденцию к декарбонизации мирового экономического роста, участники ОПЕК+ предпочтут продлить соглашение о взаимодействии на длительную перспективу.

АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ РИСКАМ СПРОСА

“Революция” неконвенциональной нефти и последующее формирование соглашения ОПЕК+ отражают трансформацию в сфере глобального предложения нефти. Еще более значимые изменения наблюдаются на стороне спроса на нее. Как минимум с середины 2010-х годов главной парадигмой развития мирового рынка нефти стало ожидание пика глобального спроса на нее. Решающее значение имеют два момента. Во-первых, усиливается осознание конечности роста мирового спроса на нефть. Глобальная пандемия коронавируса приблизила наступление пика глобального спроса [45]. Во-вторых, подорваны ожидания того, что цена на нефть, оставленную в земле, в будущем окажется выше, чем в текущем периоде [46]. Все это ставит под вопрос стратегии по сдерживанию добычи нефти со сравнительно низкими издержками производства, которой с середины 1980-х годов придерживаются ведущие страны ОПЕК. Также для стран-экспортеров остро актуальным становится переход к экономическому росту, не зависящему от нефти.

С середины 2010-х годов саудовские власти пытаются запустить два взаимоувязанных процесса: повысить доходы от нефтяного сектора за счет опережающего развития нефтепереработки и нефтехимии и использовать доходы от нефтяного сектора для диверсификации производственной структуры. В 2016 г. был принят план кардинальной трансформации экономической структуры королевства “Видение 2030” и одобрена программа национальной трансформации, предполагающая диверсификацию экономики, повышение ее эффективности, сокращение государственных расходов и субсидий, повышение роли частного сектора [47]. Для повышения отдачи от нефтяного

сектора и мобилизации инвестиций было принято решение частично приватизировать государственную нефтяную компанию *Saudi Aramco* за счет первичного размещения акций (*IPO*).

Однако попытка трансформировать *Saudi Aramco* в мегасупермейджера, опирающегося на совокупные возможности мировой экономики и финансового сектора, не удалась, так как крупнейшие мировые банки и компании проигнорировали *IPO* [48]. Неудача с приватизацией сигнализировала о фальстарте открытия саудовской экономики для массового притока иностранных инвестиций. Под угрозу поставлена и стратегия “Видение 2030”.

* * *

Навес предложения нефти над спросом на нее с высокой вероятностью затянется еще на несколько лет. Все большее число стран включается в гонку по ускоренной монетизации запасов углеводородов, а набирающие силу стратегии по декарбонизации экономического роста подтачивают спрос на нефть. При том что позиции Саудовской Аравии на мировом рынке нефти остаются довольно сильными, а ее нефтяная политика в целом рациональна, будущее Королевства в средне- и долгосрочной перспективе зависит от того, сможет и успеет ли оно адаптировать экономику к снижению, в лучшем случае – стабилизации доходов от нефтяного экспорта.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *BP Statistical Review of World Energy – All Data, 1965–2020*. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 21.03.2021).
2. *OPEC Annual Statistical Bulletin, 1999–2020*. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/338.htm (accessed 19.03.2021).
3. HRH Prince ‘Abd al-’Aziz Bin Salman. Deputy Minister of Petroleum and Mineral Resources Kingdom of Saudi Arabia. *King ‘Abd al-’Aziz’ Negotiations with Concessionaire Oil Companies in Saudi Arabia*. Washington, The Middle East Institute, 2002. 24 p.
4. Philby H. St.J.V. *Arabian Oil Ventures*. Washington, The Middle East Institute, 1964. 134 p.
5. Longrigg S.H. *Oil in the Middle East: Its Discovery and Development*. New York, Oxford University Press, 1954. 305 p.
6. Abedin H.S. *Abdul Aziz Al-Saud and the Great Game in Arabia, 1896–1946*. London, King’s College, 2002. 335 p.
7. Nairab M.M. *Petroleum in Saudi-American Relations: the Formative Period, 1932–1948*. August 1978. Available at: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc331328/> (accessed 10.01.2021).
8. Gonzales P.R. *Running Out. Global Strategies Change the Economic Paradigm*. New York, Algora Publishing, 2006. 234 p.
9. Gonzales P.R. *Running Out. Global Strategies Change the Economic Paradigm. A Statistical Yearbook 2008*. New York, Algora Publishing, 2008. 178 p.
10. Уолд Э.Р. *Saudi Inc. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира*. Москва, Альпина Паблишер, 2019. 270 с. [Wald E.R. *Saudi Inc. The Story of How Saudi*

- Arabia Became One of the Most Influential States on the Geopolitical Map of the World*. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 270 p. (In Russ.)]
11. Riedel B. *Muhammad bin Salman's U.S. Visit Marks 75 Years of U.S. – Saudi Ties*. March 12, 2018. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/03/12/muhammed-bin-salmans-u-s-visit-marks-75-years-of-u-s-saudi-ties/> (accessed 01.01.2021).
 12. *United States Treaties and Other International Agreements*. Washington, Department of State, 1952. Available at: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000888531> (accessed 01.01.2021).
 13. Davidson P. The United States Internal Revenue Service: Fourteenth Member of OPEC? *Journal of Post Keynesian Economics*, 1978, vol. 1, no. 2, pp. 47-58.
 14. Adelman M.A. *The First Oil Price Explosion 1971–1974*. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, May 1990. 107 p.
 15. Levy B. World Oil Marketing in Transition. *International Organization*, vol. 36, iss. 1, December 1982, pp. 113-133.
 16. *Our History*. Available at: <https://www.aramco.com/en/who-we-are/overview/our-history> (accessed 03.01.2021).
 17. Saudi-Texaco Joint Venture. *New York Times*, January 3, 1989. Available at: <https://www.nytimes.com/1989/01/03/business/saudi-texaco-joint-venture.html> (accessed 01.01.2021).
 18. Kemp J. How Saudi Arabia Successfully Defended its U.S. Oil Market Share. *Reuters*, January 29, 2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-refining-kemp-idUSKCN0V7231> (accessed 03.01.2021).
 19. Cordesman A.H. *Saudi Arabia Enters the Twenty-First Century: the Political, Foreign Policy, Economic, and Energy Dimensions*, New York, Praeger, 2003. 608 p.
 20. Kissinger H. *Years of Upheaval*. New York, Simon & Shuster, 2011. 1283 p.
 21. *Bureau of Mines. Mineral Yearbooks, 1940–1990*. Washington, United States Government Printing Office. Available at: <https://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/EcoNatRes/EcoNatRes-idx?type=browse&scope=ECONATRES.MINERAL-SYEARBK> (accessed 01.01.2020).
 22. Shine J.W. *ARAMCO and TAPLINE in International Oil*. Available at: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/68286/30798527-MIT.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (accessed 10.09.2020).
 23. *Summary of Recent Economic Developments in the Middle East. Supplement to World Economic Report, 1950–51*. New York, UN Department of Economic Affairs, April 1952. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/searchable_archive/1959_WESS_MiddleEast.pdf (accessed 10.09.2020).
 24. Little D. Pipeline Politics: America, TAPLINE, and the Arabs. *Business History Review*, 1990, no. 64 (02), pp. 255-285.
 25. *Monthly Energy Review, 1993–2019*. Washington, U.S. Energy Information Administration. Available at: <https://www.eia.gov> (accessed 01.01.2020).
 26. *Historical Monthly Energy Review, 1973–1992*. Washington, Energy Information Administration, DOE/EIA-0035(73-92). Available at: <https://www.eia.gov> (accessed 01.01.2020).
 27. *U.S. Department of the Treasury Resource Center. Securities (B): Portfolio Holdings of U.S. and Foreign Securities*. Available at: <https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Pages/ticsec2.aspx> (accessed 01.01.2021).
 28. *Annual Report of the Secretary of the Treasury on the State of the Finances for the Fiscal Year Ended June 30, 1973*. Washington, U.S. Government Printing Office, 1973. 611 p.
 29. *The U.S. – Saudi Arabian Joint Commission on Economic Cooperation. Report by the Controller General of the United States*. Washington, General Accounting Office, March 22, 1979. Available at: <https://www.gao.gov/assets/130/126054.pdf> (accessed 10.01.2021).
 30. Szulc T. *Recycling Petrodollars: the \$100 Billion Understanding*. Available at: <https://www.nytimes.com/1981/09/20/magazine/recycling-petrodollars-the-100-billion-understanding.html> (accessed 16.01.2021).
 31. Alkhareif R.M., Qualls J.H. Saudi Arabia's Exchange Rate Policy: its Impact on Historical Economic Performance. *SAMA Working Paper*, April 2016. 26 p.
 32. Roberts S. *Who Makes the Oil Price? An Analysis of Oil Price Movements 1978–1982*. Oxford, Oxford Institute for Energy Studies, 1984. 57 p.
 33. Stournaras Y. *Are Oil Price Movements Perverse? A Critical Explanation of Oil Price Levels 1950–1985*. Oxford, Oxford Institute for Energy Studies, 1985. 61 p.
 34. Al-Chalabi F.G. The Causes and the Implications for OPEC of the Oil Price Decline of 1986. *OPEC Review*, Spring 1985, vol. 12 (1), pp. 1-16.
 35. Griffin J.M., Neilson W.S. The 1985–86 Oil Price Collapse and Afterwards: what Does Game Theory Add? *Economic Inquiry*, October 1994, vol. XXMI, pp. 543-561.
 36. Fattouh B. *An Anatomy of the Crude Oil Pricing System*. Oxford, Oxford Institute for Energy Studies, January 2011. 83 p.
 37. Cranford C.L. *Saudis Draft Goals for the Time when the Oil Runs Low*. Available at: <https://www.csmonitor.com/1981/0402/040205.html> (accessed 1.03.2021).
 38. Quandt W.B. *Saudi Arabia in the 1980's Foreign Policy, Security and Oil*. Washington, The Brookings Institution, 1981. 190 p.
 39. Mabro R. *The Oil Price Conundrum*. Oxford, Oxford Energy Forum, August 2008, no. 74, pp. 12-14.
 40. Barsky R.B., Kilian L. Do We Really Know that Oil Caused the Great Stagflation? *NBER Macroeconomics Annual 2001*, 2002, vol. 16, pp. 137-183.

41. Barsky R.B., Kilian L. Oil and the Macroeconomy since the 1970s. *Journal of Economic Perspectives*, 2004, vol. 18 (4), pp. 115-134.
42. *OPEC Leader Vows not to Cut Oil Output even if Price Hits \$20*. Available at: <https://www.ft.com/content/63c7786c-89bc-11e4-8daa-00144feabdc0> (accessed 18.11.2020).
43. Sheppard D., Hume N. *New Saudi Oil Minister Signals End to Glut*. Available at: <https://www.ft.com/content/29d0cef2-389c-11e6-a780-b48ed7b6126f> (accessed 19.11.2020).
44. Gardner T., Holland S., Zhdannikov D., El Gamal R. *Special Report. Trump Told Saudi: Cut Oil Supply or Lose U.S. Military Support Sources*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-global-oil-trump-saudi-specialreport-idUSKBN22C1V4> (accessed 30.04.2020).
45. Копытин И. Мировой рынок нефти: пандемия приблизит пик глобального спроса на нефть. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 9, сс. 26-36. [Kopytin I. World oil market: a pandemic will bring the peak of global oil demand closer. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 9, pp. 26-36. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-26-36>
46. Spencer Dale S., Fattouh B. *Peak Oil Demand and Long-Run Oil Prices*. Oxford, The Oxford Institute for Energy Studies, January 2018. 11 p.
47. *Kingdom of Saudi Arabia Vision 2030*. Available at: <https://www.vision2030.gov.sa/> (accessed 01.01.2021).
48. Blas J. *Aramco Failure to Win Foreign Money Makes IPO Local Event*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-18/aramco-failure-to-win-foreign-investors-makes-ipo-a-local-event> (accessed 18.11.2019).

SAUDI ARABIA IN THE WORLD OIL MARKET

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 98-107)

Received 30.03.2021.

Stanislav V. ZHUKOV (zhukov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Ivan A. KOPYTIN (kopytin@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Oksana B. REZNIKOVA (rezxana@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The goal of the article is to analyze the role of Saudi Arabia in the world oil market and in the world economy for a long historical period. It is shown that strategically behavior of Saudi Arabia always was and continues to be subordinated to ensuring the stable supply of oil into the world oil market. Under the Saudi Arabia leadership OPEC aims at pursuing an economically rational and responsible policy, supporting the balance of the demand for oil and its supply thus allowing to avoid deep and lasting oil price decline. Until the very recently an important factor impacting the formulation of Saudi oil policy was maintaining of strategic interaction with the US. The restructuring of the world oil market driven by the shale revolution and nearing peak of global demand for oil have created new challenges for Saudi Arabia oil strategy. The OPEC+ situational agreement enacted since 2017 by OPEC and non-OPEC countries to voluntary reduce levels of oil production temporarily allows to keep a supply – demand balance in the world oil market preventing from substantial drop in oil prices. At the same time the agreement opens opportunities for competitors, first of all American producers of tight oil, to maintain and expand export niches. Shale revolution created a situation when oil interests of the US and Saudi Arabia came into open conflict. For political and strategic considerations, a price war in order to crowd American oil producers with their relatively high production costs out of the market is not a feasible option for the Kingdom. Attempts to transform the state oil company Saudi Aramco into a mega supermajor utilizing on the global economic and financial potential have failed as the leading international banks and corporations avoided the company's IPO. The failure of Saudi Aramco partial privatization is a signal of a false start of a company to open the Saudi economy to large-scale inflow of foreign investment. Paradoxically the long-term perspectives of Saudi Arabia crucially depend on how effectively it will use in the coming 10–20 years oil export earnings for diversification of national economy outside the oil sector.

Keywords: world oil market, "shale revolution", US, Saudi Arabia, OPEC, OPEC+, Saudi Aramco.

About authors:

Stanislav V. ZHUKOV, Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director.

Ivan A. KOPYTIN Cand. Sci. (Econ.), Head of Center.

Oksana B. REZNIKOVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-98-107

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ КАТАРА В ЭПОХУ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЫНКОВ

© 2021 г. Н. Кожанов

*КОЖАНОВ Николай Александрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (n.a.kozhanov@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 05.03.2021.

В статье с использованием элементов теории малых стран рассматриваются взаимосвязи между внешнеполитическими приоритетами Катара и существующими вызовами для его присутствия на рынках природного газа. Последние во многом обусловлены результатами американской сланцевой революции, началом глобального энергетического перехода, а также пандемией *COVID-19*. Указанные процессы сместили критические акценты в понятии энергетической безопасности стран региона Персидского залива. Избыточное предложение газа, существующее на рынках с 2019 г., и появление новых лидеров в списке ведущих стран – экспортеров СПГ существенно изменили ситуацию на региональных рынках в пользу потребителей, которые теперь могут диверсифицировать источники своих поставок. В этих условиях устойчивость экспорта газа из стран Персидского залива уже не является фактором безопасности предложения, а выступает элементом безопасности спроса: в то время как потребители СПГ имеют доступ к альтернативным поставщикам, Катар вынужден бороться за место на рынке. Это в свою очередь заставляет Доху корректировать отношения как со странами-потребителями, так и основными соперниками на рынке СПГ. Главной же задачей для Катара остается сохранение в новых условиях достаточного объема финансовых поступлений от экспорта энергоресурсов, чтобы обеспечить более активную и независимую внешнюю политику, чем та, которую могут традиционно позволить себе так называемые малые страны.

Ключевые слова: Катар, малые страны, сланцевая революция, энергетическая безопасность, Персидский залив.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-108-117

Феномен малых стран и их внешней политики по-прежнему остается недостаточно изученным в современной литературе, несмотря на то, что исследователи активно обращаются к указанной тематике, как минимум, с 50-х годов прошлого века. Изначальный интерес к этому вопросу был вызван распадом колониальной системы и итогами Второй мировой войны, приведшими к росту количества небольших по формальным показателям (территории, населению, объему экономики) государств, имевших невысокое “влияние на других игроков ввиду ограниченных возможностей по мобилизации (на эти нужды. – Н.К.) ресурсов, материального, дипломатического, нормативно-правового характера” [1, р. 11]. Внимание исследователей к малым странам было обусловлено глобальным противостоянием СССР и США, требовавшим от политиков понимания, какую позицию в отношении противоборствующих идеологических систем займут в том числе и указанные государства, не способные зачастую самостоятельно обеспечить свою безопасность и оказывать влияние на идущие вокруг них процессы, кроме как преимущественно за счет формирования различного вида коалиций [2]. Важность проблемы обуславливалась и тем, что статус “малой страны”

вовсе не означал, что с точки зрения логики своего поведения и механизмов принятия решений оно будет точной копией своих “больших” собратьев. Впрочем, наиболее очевидный вывод о том, что их политика является реактивной по отношению к крупным игрокам, очень скоро заставил специалистов по международным отношениям отказаться от целенаправленного изучения этого феномена.

Новый всплеск интереса к малым странам проявился в 1990–2000-е годы, после распада СССР, СФРЮ и Чехословакии, когда произошедшие политические катаклизмы не только создали новые малые страны, но и заставили уже существующие пересмотреть систему своих коалиционных отношений. Отдельной причиной интереса к вопросам внешней политики малых стран стала их возросшая, с точки зрения исследователей, способность оказывать влияние на международную ситуацию [3, pp. 124–125]. Крах биполярного мира привел к возникновению большего количества возможных вариантов блоковых структур или альянсов, которые могли формироваться без оглядки на идеологические ограничения. Одновременно продолжившийся рост издержек, которые несли международные игроки в случае применения воен-

ных методов решения проблем, повысил важность более доступного малым игрокам дипломатического инструментария. Именно в этот период интерес к малым государствам возникает и в России, но относится он прежде всего к изучению постсоветского пространства [4].

Малым странам Ближнего Востока, и в первую очередь Персидского залива, повезло намного меньше: ни до, ни после 1991 г. они не привлекали такого же внимания исследователей, как европейские государства или некоторые страны бывшего СССР. Количество недавно опубликованных академических работ, анализирующих особенности их поведения на внешнеполитической арене с учетом масштабов указанных государств и их способности влиять на международную среду, едва ли выходит за пределы двух десятков (среди наиболее существенных можно выделить работы М. Белфера [5], М. Камравы [6], Е. Мелкумян [7], Р. Миллера [3], К. Ульрихсена [8]). Между тем эти страны обладают своей спецификой, которая позволяет говорить о них как об особом варианте феномена малого государства. Они способны проводить относительно независимую и в то же время влиятельную внешнюю политику, избегая формирования жестких коалиций и полного нейтралитета.

Традиционно считается, что высшим приоритетом внешней политики малых государств является обеспечение их собственной безопасности, которая в силу ограниченных ресурсных возможностей может быть достигнута через формирование коалиций либо путем так называемого “примыкания”, когда малое государство следует за существующим в регионе лидером (который одновременно может восприниматься и как источник угрозы), или “балансирования”, когда основная ставка делается на формирование коалиции с другими игроками и/или взаимодействие с международными институтами, ограничивающими влияние регионального лидера или более крупного соперника (балансируя, таким образом, исходящую от него угрозу) [4, 2]. В таких условиях малые страны находятся в состоянии постоянного поиска золотой середины не только между политикой “балансирования” и “примыкания”, нейтралитетом и необходимостью участвовать в региональных объединениях, но и между вовлеченностью в коалиционные структуры (альянсы) и той степенью автономии, которую они хотели бы сохранить, в них участвуя [1, pp. 12-13].

Однако малые государства Персидского залива, и в первую очередь Катар, придерживаются несколько иной стратегии, которую исследователи называют стратегией хеджирования, применяющуюся в условиях одновременного наличия многих неопределенных вызовов и угроз и подразумевающую одновременное формирова-

ние равноуровневых и разноформатных коалиций, уравнивающих друг друга и позволяющих быть готовым дать ответ практически на любой вызов. При использовании политики “хеджирования” малое государство способно, например, установить примыкающие коалиционные отношения с ведущим региональным игроком и уравновесить их тесными балансирующими контактами на международном уровне, сохраняя тем самым более высокую степень автономности в принятии решений и даже позволяя входить в конфронтацию с партнерами по коалиционным объединениям в случае необходимости [1, pp. 15-16]. Так, свои контакты с Ираном Доха компенсирует частичным восстановлением в начале 2021 г. отношений с Саудовской Аравией и ОАЭ, а также тесным союзом с Турцией, позволяющим противостоять уже Эр-Рияду и Абу-Даби в ряде точек Ближневосточного региона. Одновременно тесные политические отношения с США до некоторой степени сбалансированы торгово-экономическими связями с Японией, Китаем и Индией, а также осторожным заигрыванием с Россией. В отличие от традиционных малых стран Катар старается не только реагировать на вызовы, но и периодически самостоятельно влиять на международную ситуацию. Доха явно имеет долгосрочные внешнеполитические планы и не ориентируется на тесное взаимодействие с непосредственными соседями (что, по мнению одного из ведущих исследователей политики малых стран Бенджамин Миллер, не характерно для таких государств [9, p. 241]).

ПРИРОДНЫЙ ГАЗ КАК СУДЬБА

Отклонение от стандартов поведения малой страны объясняется в случае Катара наличием значительных газовых ресурсов и возможностей их поставлять на внешние рынки. К 2020 г. Катар экспортировал природный газ в объеме 45.1 млрд долл. США, что составляло 61% от общего объема экспорта страны. В течение 2016–2019 гг. экспорт углеводородов (включая нефть) обеспечивал до 55% годовых государственных доходов. Вместе с дивидендами, полученными правительством от *Qatar Petroleum*, эта цифра может вырасти до 82% [10, 11]. Значительные финансовые поступления от экспорта природного газа и незначительное число коренного населения, с которым правящей элите необходимо делиться частью доходов от экспорта углеводородов, позволяют аккумулировать в руках руководства страны объем свободных средств, необходимый для применения на практике достаточно затратной политики “хеджирования”, демонстрируя существенную долю независимости в составе коалиционных объединений [3]. На этом фоне стремление Дохи к господству на га-

зовых рынках определено тремя национальными целями:

- 1) обеспечение устойчивого экономического развития страны;
- 2) гарантирование стабильности внутривнутриполитического режима;
- 3) укрепление внешнеполитической независимости.

Таким образом, природный газ никогда не был для Катара просто товаром. Значимость его для страны оказалась куда большей: он стал одним из инструментов достижения Дохой стратегических целей, а также фактором влияния на различные сферы жизни страны, включая ее внешнюю политику.

В глазах основных потребителей и производителей углеводородов природный газ как ключевая статья экспорта существенно отличает Катар от других арабских стран Персидского залива, для которых нефть стала основным источником доходов. Эта ситуация добавляет Катару уникальности и веса на фоне других малых стран региона, заставляя внешних игроков при формировании своих геополитических планов рассматривать его отдельно от остальных арабских монархий Персидского залива, выделяя эту страну как актора, чье значение для газовых рынков сопоставимо с ролью Саудовской Аравии в мировой торговле нефтью. Не случайно ряд исследователей порой называют Катар “газовой Саудовской Аравией” [12; 13, pp. 136-142]. Это сравнение, хотя и несколько натянутое, отражает суть: свою относительную незначительность в качестве поставщика нефти в составе Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ) Доха компенсировала, став крупным игроком на газовом рынке и приравняв себя с геополитической точки зрения к КСА. Существует и определенное сходство между двумя государствами в способности влиять на ситуацию на рынках углеводородов. Однако Катар влияет на рынок не изменением объема предложения, как Саудовская Аравия, а за счет изменений экспортных потоков (в первую очередь между Европой и Азией), когда это необходимо.

Наличие природного газа как ключевого экономического ресурса частично объясняет и неготовность Дохи к близкому диалогу с соседями в рамках ССАГПЗ, где коалиционная группа фактически в той или иной степени подчиняется его лидеру – Саудовской Аравии, выступающей в качестве “большого государства” по отношению к остальным участникам, что подтверждается и ее ведущим статусом на нефтяном рынке по отношению к другим нефтедобывающим монархиям Залива. Катар же строит свою внешнюю политику

на принципах поддержания высокой степени автономии от региональных соседей за счет установления прочных отношений с игроками за пределами региона [14, p. 86; 15, p. 163].

Выход Катара из-под внешнеполитической опеки Саудовской Аравии начался с приходом к власти в 1995 г. Халифы бен Хамада Аль Тани (1995–2013). Новый эмир получил трон в результате переворота, который не был одобрен соседями по ССАГПЗ. Стараясь изыскать дополнительные источники дохода для укрепления своих позиций во враждебном окружении, он дал указание ускорить создание мощностей по производству СПГ. В результате первые партии сжиженного природного газа из Катара были поставлены на внешний рынок уже в 1997 г., что обеспечило благополучие населения эмирата и создало основу будущей независимости государства от соседей, а также инструмент его влияния на международной арене [13, pp. 136-142; 14, p. 85]. Неудивительно, что активные попытки Дохи повлиять на региональные события во время и вскоре после “арабской весны” 2010–2011 гг. совпали с тем моментом, когда Катар окончательно уверился в своей способности генерировать существенные доходы для финансирования внешнеполитической деятельности.

Наконец, природный газ и СПГ-форма его экспорта определили не только независимый характер внешней политики страны, но и набор инструментов, используемых для ее проведения. Прежде всего, учитывая значительный положительный внешнеторговый баланс, доходы, получаемые от экспорта углеводородов, активно направляются Катаром на нужды своей “мягкой силы”, включающей гуманитарную дипломатию, продвижение Катара как бренда, организацию спортивных мероприятий, политически ориентированные инвестиции, а также прямые финансовые вливания в существующих или потенциальных партнеров Дохи.

Последний подход исследователи часто называют “дипломатией чековой книжки” [16]. Его реализация обеспечивается в первую очередь доходами от экспорта газа, которые инвестиционный фонд *Qatar Investment Authority* размещает за рубежом, руководствуясь не только экономической выгодой, но и политической целесообразностью, тем самым помогая руководству страны трансформировать деньги во влияние на международной арене [14, p. 90]. Так, в 2017 г., с началом блокады Катара со стороны КСА, ОАЭ, Египта и Бахрейна, Доха в качестве первого шага попыталась избежать международной изоляции и найти поддержку у других игроков через обещание инвестиций и кредитов, часто откладывая обсуждение их экономической целесообразности на более позднее время. Среди прочего, “чековая дипломатия” спо-

способствует поддержанию весьма устойчивых (хоть и не афишируемых) связей Дохи с Израилем. Так, в августе 2020 г. обещания Катара о дополнительной финансовой помощи Газе позволили Дохе содействовать заключению соглашения о прекращении огня между ХАМАС и Израилем. Это, помимо всего прочего, помогло катарскому руководству убедить Тель-Авив не поддаваться антикатарской риторике ОАЭ, руководство которых не смогло бы выступить посредником в такого рода соглашении с Газой [17, р. 3].

Ключом к успеху Катара на международных газовых рынках были и остаются низкая себестоимость производства СПГ и удобное географическое положение страны, позволяющее перенаправлять экспортные потоки СПГ в соответствии с меняющейся динамикой региональных газовых рынков. Кроме того, значительную роль в успехе экспортной политики Катара сыграла созданная им газотранспортная инфраструктура, ключевым элементом которой выступил современный танкерный флот, принадлежащий дочерней компании *Qatar Petroleum – Nakilat*. Эти газовозы позволили Катару значительно снизить транспортные издержки и увеличить прибыль от поставок СПГ в больших объемах на внешние рынки. По состоянию на 2015 г. флот СПГ Катара занимал ведущие позиции среди всех поставщиков сжиженного газа, что позволяло проводить гибкую экспортную политику и быстро реагировать на возникающие запросы рынка. Владение собственными танкерами также позволило минимизировать зависимость газовых поставок от услуг фрахта, что, как показал опыт других игроков нефтегазового рынка, помимо экономических издержек несет и определенные политические риски [18, с. 16].

К 2021 г. торговля Катара базировалась на поставках по долгосрочным контрактам, цена которых была привязана к ценам на нефть с отставанием в 3–6 месяцев. При этом определенное количество СПГ всегда торговалось на спотовом рынке и на условиях краткосрочных сделок. Это позволяло стране получать дополнительную прибыль в периоды кратковременного роста спотовых цен (за счет поставок газа на те рынки, где возникал ценовой рост), одновременно демонстрируя другим производителям преимущества СПГ и стимулируя развитие мировой спотовой торговли сжиженным природным газом [18, с. 16].

В то же время к 2020-м годам стал очевиден и ряд слабых мест в зависимости Катара от экспорта СПГ. В первую очередь Катар, как и другие страны – экспортеры ресурсов Персидского залива, оказался зависим от безопасности судоходства через узкий Ормузский пролив, ситуация вокруг которого была нестабильной и зависела от дина-

мики отношений между Ираном и США, а также между Ираном и его соседями по Персидскому заливу. В результате обычно даже в трудные периоды ирано-катарских отношений в 2010-е годы Доха старалась дистанцироваться от чрезмерно агрессивного по отношению к Ирану саудовско-эмиратского тандема, следя за тем, чтобы ухудшение отношений Ирана и ССАГПЗ на волне так называемой арабской весны 2010–2012 гг. не сказалось на безопасности поставок катарского СПГ [19].

Однако самым уязвимым местом газовой империи Катара была не военно-политическая ситуация в Персидском заливе, а сам факт зависимости страны от экспорта углеводородных ресурсов, что делало страну уязвимой перед периодическими производственными шоками, изменениями потребительского поведения, а также рыночными изменениями, наступление которых началось во второй половине 2010-х годов.

ИЗМЕНЕНИЕ РЫНКОВ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КАТАРА

Корни трансформации газового рынка, начавшейся в конце 2000-х годов и повлиявшей на региональные рынки к середине 2010-х годов, связаны с двумя факторами: воздействием американской сланцевой революции на мировой рынок углеводородов и началом глобального энергетического перехода на неуглеродные виды топлива. Благодаря сланцевой революции США не только стали крупнейшим производителем и экспортером углеводородов, но и стимулировали появление новых игроков. Кроме того, быстро развивающаяся американская индустрия СПГ, подпитываемая сланцевым газом, побудила даже обычных производителей, таких как Россия, увеличить свои мощности по производству СПГ. Это неизбежно вело к переизбытку предложения на рынке и обострению соперничества между ключевыми игроками.

Учитывая, что долгосрочные контрактные цены Катара на СПГ связаны с колебаниями цен на нефть, изменения на нефтяном рынке также были чувствительны для Дохи. Под влиянием вышеперечисленных факторов темпы роста мирового предложения нефти с 2011 г. неуклонно превышали темпы роста спроса на нефть, что привело в последние годы к переизбытку предложения на рынках. Из-за специфики добычи сланцевой нефти ни ценовая война 2014–2016 гг., развязанная КСА в попытке обанкротить своих глобальных конкурентов, ни последующие усилия ОПЕК+ по регулированию рынка путем сокращения добычи нефти не смогли устранить эти дополнительные барьеры предложения. Неудивительно, что к нача-

лу пандемии мировой рынок нефти был уже переполнен. В 2020 г. даже без *COVID-19* объем рыночного предложения должен был превысить спрос на 2 млн баррелей в сутки, что делало глубокое падение цен на нефть (а вслед за ними и на газ) неизбежным (хотя и не столь радикальным).

Иными словами, переизбыток предложения на рынке, создавший альтернативы поставщикам из Персидского залива и сделавший любые теории об “уникальности” углеводородов неуместными для формирования цен на нефть, возник задолго до коронавируса. В этих условиях новый виток экономических неурядиц ССАГПЗ де-факто начался почти одновременно с подъемом американской сланцевой нефти. В 2014–2016 гг. мировой рынок нефти поразил новый ценовой кризис, впервые в истории вызванный ростом добычи сланцевой нефти. Арабские монархии не были к нему готовы, и их экономики так и не смогли полностью оправиться от пережитого шока. После 2014 г. темпы роста их ВВП значительно снизились, периодически демонстрируя отрицательные значения, а нефтегазовые доходы ключевых игроков так и не вернулись к норме.

Возросшая конкуренция производителей ССАГПЗ с другими участниками рынка также явилась результатом сланцевой революции, изменившей торговые потоки углеводородов. США перестали быть важным рынком сбыта, став еще одним экспортером (конкурентом для традиционных поставщиков). Перенаправив значительную часть мирового экспорта углеводородов в Азию, США тем самым усилили конкуренцию на главном потребительском рынке – конкуренцию производителей нефти и газа ССАГПЗ. В то же время высокая чувствительность сланцевой добычи к ценовым изменениям впоследствии сократила продолжительность циклов мировых цен на нефть и изменила их амплитуду: учитывая способность производителей сланцевой нефти быстро наращивать добычу при положительной динамике рынка, цены на нефть не могут расти слишком высоко и/или слишком долго, заставляя страны ССАГПЗ забыть об эпохе сверхвысоких доходов.

В результате Катар оказался в тисках низких цен и растущей конкуренции за рынки сбыта. Однако это было не единственным неприятным последствием рыночных изменений для Катара [20]. Помимо прочего, произошли существенные изменения в структуре лидеров рынка СПГ. Так, если в 2010 г. в список основных экспортеров СПГ входили Катар, Индонезия, Малайзия, Австралия и Нигерия, то к 2019 г. лидеры рынка распределились следующим образом: Катар, Австралия, США, Россия и Малайзия. При этом Катар и Австралия сравнивали свои экспортные возможности, борясь друг с другом за титул главного экспортера СПГ весь период 2019–2021 гг. [20].

Это изменение было очень значительным для Катара. Теперь Доха конкурировала не с развивающимися странами, которые к 2010 г. ей удалось оставить далеко позади, а с мировыми политическими и экономическими лидерами, включая США, которые продолжают играть ключевую роль в обеспечении безопасности стран ССАГПЗ и чьи компании, помимо прочего, активно присутствуют в экономике эмирата, в том числе в его газовом секторе. Это сильно контрастировало с прошлыми десятилетиями, когда в 2000-е годы Америка воспринималась исключительно как получатель СПГ с потенциалом только увеличения объемов импорта. В этих условиях, принимая решение конкурировать с новыми лидерами торговли СПГ, Доха неизбежно вынуждена учитывать потенциальные политические издержки для нее как для малого государства.

Возникли риски и для устойчивости катарских отношений с потребителями. Активное развитие глобальной СПГ-индустрии сделало природный газ доступным практически всем потребителям в мире, активизировав формирование единого газового рынка и постепенно снижая ценовую разницу между регионами. В частности, из-за растущего рынка СПГ ценовой разрыв между азиатским и европейским рынками, который ранее мотивировал Катар сосредоточиться на азиатских потребителях, предлагавших более высокую цену, серьезно сократился и почти исчез в период с 2015 по 2019 г.

Сейчас движение потоков СПГ во многом определяется возникающими краткосрочными преимуществами на том или ином рынке. Рост числа поставщиков и имеющихся объемов газа в конечном итоге приводит к ослаблению взаимной привязки продавцов и покупателей. Формирующийся рынок спотовых контрактов ослабляет интерес потребителей к долгосрочным сделкам, вынуждая их избегать подписания новых контрактов на срок более 10 лет, требовать пересмотра существующих и, как это произошло с Катаром в 2020 г., брать от поставщиков только минимальный согласованный объем. В этой ситуации игроки должны не только проявлять гибкость при подписании новых контрактов, но и быть готовыми диверсифицировать свою торговлю между долгосрочными и спотовыми поставками. До сих пор Катар не очень преуспел в этом вопросе, делая ставку на долгосрочные контракты и позиционируя их как дающие значительно большую определенность при прогнозировании будущих цен на газ. Более того, несмотря на поставки 77.8 млн т газа на мировой рынок, доля Катара на спотовом и краткосрочном рынках снизилась до 5% в 2019 г. с 19.7% в 2017 г. [20, р. 7].

Растущая географическая доступность сжиженного природного газа вынуждает его производителей конкурировать с поставщиками трубо-

проводного газа. В то же время цены все больше реагируют на рыночные сигналы, поступающие из основных центров потребления, а это означает, что продавцы все чаще становятся стороной, принимающей цену. На протяжении десятилетий и до недавнего времени на рынках нефти и газа доминировали производители (однако степень и характер этого доминирования были неравномерными в течение последних 70 лет), что облегчало задачу защиты их интересов. Тем не менее с начала 2010-х годов баланс рынка постепенно меняется в пользу покупателей. Сланцевая революция предоставила потребителям углеводородов право выбора среди поставщиков, предлагающих самую низкую цену. В этих условиях Катар вынужден обеспечивать свой собственный устойчивый доступ к рынкам, чтобы гарантировать адекватное развитие своей собственной экономики, включая нефтяной, газовый и нефтехимический секторы. Иными словами, произошел сдвиг акцента на обеспечении энергетической безопасности стран ССАГПЗ с защиты интересов потребителей нефти на защиту интересов ее производителей. В условиях идущих рыночных перемен, когда при определенных сценариях не только стоимость природного газа может сократиться, но и спрос на него замедлит свой рост (а на некоторых рынках и вовсе начать сокращаться), безопасность и стабильность этого источника катарской внешней политики и индивидуальности приобретает особое значение.

Пандемия *COVID-19*, поразившая регион в 2020 г., лишь усилила негативное воздействие тех процессов, которые были запущены рыночной трансформацией. Замедление мировой экономической активности усугубило избыток предложения углеводородов, что в свою очередь ускорило падение цен на нефть и газ в 2020 г. Мировой избыток нефти и газа в то же время вынудил страны ССАГПЗ вести жесточайшую ценовую войну за долю углеводородных рынков. В течение первого полугодия 2020 г. Катар и Оман не смогли предложить конкурентоспособные цены на свои поставки СПГ на сокращающийся южнокорейский рынок. В результате объем их экспорта снизился на 24 и 10.5% соответственно по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [21, 22]. В то же время Австралия, США, Индонезия, Малайзия и Россия сумели нарастить свои поставки в Южную Корею. На Тайване Доха играла по-другому. Она сумела предложить наиболее привлекательные цены местным потребителям и увеличила объемы экспорта, несмотря на негативную конъюнктуру рынка. Тем не менее ее основные конкуренты (Россия, США и Индонезия) также сумели увеличить свой экспорт за счет других игроков, тем самым сократив разрыв между ними и Катаром. На этом фоне в 2020 г. макроэкономические показатели Катара значительно

ухудшились, что было обусловлено снижением доходов, вызванным падением цен на нефть и тотальной войной за рыночные доли [23, 24].

ОТВЕТ КАТАРА НА ВОЗНИКАЮЩИЕ ВЫЗОВЫ

Угрозы, создаваемые трансформацией газового рынка под влиянием сланцевой революции и пандемии 2020 г. катарским экономическим и политическим интересам, не могли не вызвать ответной реакции. Ответом Катара на существующие вызовы был выбор рыночной стратегии, основанной на принципе ускоренной монетизации имеющихся природных ресурсов, чтобы уже в дальнейшем направить их на изменение собственной экономики в сторону сокращения ее зависимости от экспорта углеводородов. 24 мая 2020 г. исполнительный директор *Qatar Petroleum* Саад аль-Кааби заявил, что его страна не только не намерена сокращать экспорт газа на рынок, чтобы поддержать высокий уровень цен на сжиженный газ, но и считает необходимым значительно увеличить производственные мощности, даже если это приведет к дальнейшему перенасыщению рынка. Аль-Кааби основывал свое утверждение на том, что Доха является самым рентабельным производителем газа в мире и поэтому может справиться с рыночными потрясениями. Он также добавил, что многим производителям придется свернуть производство из-за низких цен, но для Катара такой сценарий исключен [25].

Иными словами, Доха объявила экономическую войну. Катар готовился к этому сценарию уже давно. В 2017 г. страна сняла мораторий на дальнейшее развитие газового месторождения “Северный Купол”, и с тех пор она постоянно пересматривает свои планы развития в сторону дальнейшего увеличения добычи. Первоначально планировалось увеличить мощность по сжижению с 77 млн до 100 млн т в год, однако к 2021 г. эта цифра была увеличена до 126 млн. Вместе с тем такой подход противоречит поведению малых государств, нацеленных на формирование коалиций или нейтралитет, а не одиночную конфронтацию. Однако выбор в пользу ценовой войны был безальтернативен. В первую очередь Катар не может примерить на себя на газовом рынке ту роль, которую в прошлом играла Саудовская Аравия для рынка нефтяного, когда в былые годы КСА за счет сокращения собственной добычи могла убирать с рынка избыток предложения на нефть. Однако в нынешних условиях (с учетом общего уровня производства СПГ и экспорта трубопроводного газа в мире) Катар не может действовать в одиночку. В этом случае страна только добровольно откажется от своей доли рынка в пользу других игроков, а сокращение производства ни к чему не приведет [26].

Проблема могла бы быть решена путем объединения крупнейших производителей газа в рамках картеля типа ОПЕК, который будет принимать обязательные решения по регулированию добычи и удалению излишков с рынка. И формально такой выбор был бы логичнее для малого государства, стремящегося обеспечивать свои интересы за счет формирования коалиций. Впрочем, несмотря на то что ряд аналитиков периодически предлагает превратить уже функционирующий в Дохе Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ) в регулируемую рынок структуру, появление такой организации в обозримом будущем маловероятно. Во-первых, в мире до сих пор нет единого рынка газа, необходимого для функционирования такого картеля. Во-вторых, в ряде стран, и прежде всего в США (которые к тому же и не входят во ФСЭГ), государство практически не обладает законодательными рычагами, которые могут заставить местных производителей сокращать производство. В-третьих, Доха учитывает традиционно негативную реакцию западных стран (и потребителей в принципе) на картелизацию производства энергоносителей и, следовательно, не хочет портить отношения с ними созданием газовой ОПЕК [12].

В этих условиях стратегия по максимизации доли рынка (и фактической ценовой войне с соперниками) оказалась единственно пригодной для Катара. Однако она же и связана с рядом издержек, а именно необходимостью проведения в целом ряде случаев конфронтационной политики по отношению к своим рыночным конкурентам. Но именно здесь Катару и помогает стратегия “хеджирования” через создание разноуровневых коалиций, допускающая определенную степень самостоятельности и конфронтации. В данном случае это подразумевает возможность создания гибких альянсов как с производителями, так и с потребителями природного газа.

Конечно, приоритетным направлением для Дохи остается работа с нынешними и потенциальными потребителями, так как вопрос о том, кому страна собирается продавать дополнительные объемы природного газа, который планирует добыть к 2026 г., остается открытым. Речь идет о 31,2 млн т СПГ в год, к которым истечение срока действия ряда нынешних долгосрочных контрактов добавит еще 23 млн т [12, 26]. Это заставит Доху быть более гибкой в отношении будущих условий долгосрочных контрактов при их согласовании с клиентами, мотивирует *Qatar Petroleum* иметь возможность быстро изменить направление экспорта СПГ и, возможно, побудит Катар увеличить свое присутствие на спотовых и краткосрочных рынках [12, 26]. К 2021 г. Катар уже продемонстрировал исключительную гибкость в географии поставок. Так, в первом полугодии 2020 г. снижение закупок катарского

природного газа в Азии привело к увеличению объемов СПГ, торгуемых Катаром в Европе¹. Зимой 2020–2021 гг. рост спроса и цен на СПГ в Азии, наоборот, заставил Доху нарастить свои поставки на основной рынок сбыта. Чтобы быть готовым реагировать на изменения региональных ценовых тенденций и динамики потребления, перемещая свои поставки из одного региона в другой, Катар укрепляет один из важнейших инструментов своей газовой империи – газовый флот. Доха планирует получить, как минимум, 60 крупных современных газозов, построенных на верфях Южной Кореи и Китая. В то же время, размещая этот заказ, власти Катара обеспечили также загрузку огромного объема производственных мощностей судостроителей, не позволив конкурентам Дохи использовать их.

Однако главная ставка все же делается на расширение сети долгосрочных контактов, пусть и на менее выгодных условиях. Через активные политические контакты Катар продолжит убеждать и ведущие азиатские страны (такие как Япония, Южная Корея и Китай), и растущие экономики Азиатского региона в необходимости заключения долгосрочных контрактов на поставки СПГ из Катара, что уже привело к подписанию в 2021 г. новых договоров с Бангладеш и Пакистаном [27]. Активные контакты Дохи с ее торговыми партнерами в 2018–2021 гг. показали, что азиатские страны остаются основным и приоритетным направлением экспорта газа. Последнее неудивительно – по текущим оценкам, в ближайшие годы именно азиатские страны останутся основным платежеспособным потребителем природного газа, ответственным за рост спроса. Важным изменением станет только то, что рост объемов потребления будет в значительной степени обеспечиваться не восточноазиатскими экономическими лидерами, а догоняющими экономиками Юго-Восточной Азии, хотя Китай все равно останется в лидерах [28, 29].

Стратегия, используемая Катаром для взаимодействия со своими прямыми конкурентами, представляется интересной и во многом обусловлена его статусом малого государства. С одной стороны, руководство Катара обозначило свою готовность вступить в ценовую войну как с конкурентами на рынке СПГ, так и с теми игроками, которые предпочитают экспорт трубопроводного газа, но делает это в случае крайней необходимости. Так, в первой половине 2020 г. Катар увеличил экспорт СПГ в Европу. Впоследствии он не только смог укрепить там свои позиции, но и в ряде стран бросил вызов российскому Газпрому, а также ал-

¹ Клиенты Дохи стали выкупать только минимально необходимые объемы газа, заявленные в их долгосрочных контрактах с Катаром, из-за снижения внутреннего потребления и по причине частичной переориентации на более дешевые спотовые рынки.

жирским производителям [30]. Вступая в конкуренцию за европейский рынок, Доха также пользуется преимуществами, которые обеспечиваются политической ситуацией, и прежде всего желанием ЕС диверсифицировать свою зависимость от поставок российского газа, формируя таким образом в целом антироссийскую коалицию и отчасти следуя стратегии балансирования (противодействуя экономическому сопернику – России через формирование коалиции с ее противниками). Например, это явилось причиной того, что Польша стала клиентом Катара (к 2020 г. Катар стал основным и крупнейшим поставщиком сжиженного газа в страну) [31], а после 2021 г. катарцы еще больше укрепят свое присутствие на восточноевропейском рынке за счет поставок газа в Хорватию и Венгрию через СПГ-терминал на хорватском острове Крк. В будущем Доха планирует довести поставки через Крк до миллиарда кубометров [30].

С другой стороны, готовность к конфронтации – это лишь один из элементов катарской стратегии. Катар как малая страна все же предпочитает по возможности формировать альянсы, которые не имеют четкой выраженной направленности против кого-либо, а также “покупая конкурентов” через политику активных зарубежных инвестиций в добывающие и перерабатывающие отрасли, включая инвестиции в потенциальных соперников, таких как американская сланцевая промышленность и не только. С середины 2010-х годов Катар активно расширяется в нефтегазовом секторе Африки, Латинской Америки, Азии, ЕС и США. Логика катарского руководства довольно проста. Благодаря инвестициям в различных производителей углеводородов (например, Роснефть), включая своих прямых конкурентов, Катар, с одной стороны, “хеджирует” риски, получая доступ к альтернативным источникам дохода, а с другой – делает своих конкурентов менее заинтересованными в конфронтации и более мотивированными к взаимодействию [32].

В этом ключе американское направление особенно важно для Дохи. Соединенные Штаты являются одним из главных гарантов безопасности арабской страны, а конкуренция с Вашингтоном за рынки природного газа, для которой есть серьезные предпосылки, крайне нежелательна для Катара. По этой причине Доха пытается сосредоточиться на сотрудничестве с США через взаимное экономическое проникновение, следуя в ряде случаев логике стратегии примыкания малого государства. За прошедшие годы американский бизнес, в первую очередь представленный *ExxonMobil*, стал крупнейшим иностранным участником развития газовой отрасли Катара, и он, вероятно, сыграет ключевую роль в нынешнем расширении производственных мощностей Катара. *ExxonMobil* имеет долю в 10–30% в 12 из 14 катарских техно-

логических линий по производству сжиженного газа. Это также помогло Дохе выстроить цепочку поставок в Европу: в то время как Катар имеет собственный флот газовозов, *ExxonMobil* является крупнейшим совладельцем двух СПГ-терминалов в Италии и Великобритании, которые используются Катаром для поставок газа в Европу. Например, Адриатический регазификационный СПГ-терминал мощностью 8 млрд куб. м в год, принадлежащий *Qatar Petroleum* и *ExxonMobil*, был специально построен для приема катарского СПГ. По состоянию на середину 2020 г. *Qatar Petroleum* и *ExxonMobil* реализовали ряд проектов по разведке и добыче углеводородов в Аргентине, Бразилии, Мозамбике и на Кипре. В феврале 2019 г. между компаниями была достигнута окончательная договоренность о строительстве СПГ-терминала *Golden Pass* в Техасе (США), строительство которого началось в мае 2019 г. Это совместное предприятие Катара и *ExxonMobil*, в котором *Qatar Petroleum* владеет 70% акций. Завершение работ запланировано на 2024 г., после чего экспортная мощность терминала составит 16 млн т в год. Стоимость проекта оценивается в 10 млрд долл. США [20, p. 40].

Эксперты отмечают, что катарские финансовые ресурсы крайне важны для завершения строительства терминала *Golden Pass*, что отвечает как катарским, так и американским целям по расширению их присутствия на рынке. “Если проект получит зеленый свет, то терминал добавит почти 15 млрд куб. м экспортных мощностей в общий портфель СПГ Катара. Хотя снижение цен на нефть и СПГ делает проект менее экономически привлекательным, Катар будет продолжать его реализацию по стратегическим соображениям. Будущий СПГ пойдет в Великобританию и на западное побережье Европы” по катарским контрактам, позволив Катару направить высвободившиеся собственные объемы для поставок в азиатские страны [32, p. 34].

В феврале 2019 г. инвестиционное управление Катара объявило о намерении увеличить объем инвестиций в экономику США с существующих 30 млрд до 45 млрд долл. в течение ближайших двух лет. Судя по всему, катарское правительство сделает все возможное для того, чтобы отношения с Вашингтоном были обусловлены не конкуренцией, а взаимным интересом. Все это может привести к формированию еще более крепкого взаимодействия между Катаром и Соединенными Штатами, которое, по идее, окажет влияние на мировой рынок природного газа.

Для обеспечения возможности проводить не совсем стандартную для малого государства внешнюю политику хеджирования рисков с сохра-

нением существенной доли самостоятельности Катар в течение последних 20 лет активно и успешно укреплял свое присутствие на региональных рынках природного газа. Вместе с тем начало эпохи относительно низких цен на углеводороды, частых рыночных колебаний, ограниченного потенциала для роста спроса на нефть и газ и острой конкуренции создало угрозу для устойчивости главного источника финансирования нынешней модели катарской внешней политики – экспорта СПГ. Однако именно опыт стратегии хеджирования рисков на международной арене позволил Дохе выработать некоторые элементы комплекса ответных мер. Так, даже в условиях обострившейся рыночной конкуренции и при собственной ставке на ведение ценовой войны Катар старается активно формировать альянсы, минимизирующие потенциальные риски путем построения по мере возможностей

тесных контактов как с потребителями, так и экспортерами природного газа.

В отличие от некоторых соседей по Персидскому заливу, Катар практически не рассматривает свой природный газ как оружие политического шантажа или агрессивного давления. Даже применяемая им “дипломатия чековой книжки” в большей степени была и остается направлена на формирование благоприятных условий для существования Катара на международной арене, нежели на усугубление конфронтации со своими оппонентами. Всякий раз, когда Доха участвовала в ценовых войнах за внешние рынки, включая, например, активную борьбу за долю европейского рынка, ее мотивы объяснялись прежде всего экономическими причинами, хотя для их достижения и использовалась политическая ситуация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Almezaini K., Rickli J. Theories of Small States' Foreign and Security Policies and the Gulf States. *The Small Gulf States. Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring*. Almezaini K., Rickli J., eds. New York, Routledge, 2017, pp. 8-31.
2. Walt S.M. *The Origins of Alliances*. Ithaca, Cornell University Press, 1990. 336 p.
3. Miller R. Qatar, Energy Security, and Strategic Vision in a Small State. *Journal of Arabian Studies*, 2020, no. 10.1, pp. 122-138.
4. Скриба А. Балансирование малых и средних государств. *Международные процессы*, 2014, том 12, № 4, сс. 88-100. [Skriba A. The Balancing of Small and Medium-Sized Nations. *International Trends*, 2014, vol. 12, no. 4, pp. 88-100. (In Russ.)]
5. Belfer M. *Small State, Dangerous Regions. A Strategic Assessment of Bahrain*. Frankfurt, Peter Land, 2014. 412 p.
6. Kamrava M. *Qatar: Small State, Big Politics*. New York, Cornell University Press, 2013. 222 p.
7. Мелкумян Е.С. Регион персидского залива в мировой политике: история и современность. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2015, № 3, сс. 82-89. [Melkumyan E.S. The Persian Gulf Region in the World Policy: Past and Present. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2015, no. 3, pp. 82-89. (In Russ.)]
8. Ulrichsen K. *Qatar and the Arab Spring*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 256 p.
9. Miller B. When and How Regions Become Peaceful: Potential Theoretical Pathways to Peace. *International Studies Review*, 2005, vol. 7, iss. 2, pp. 229-267.
10. Ingram J. Qatar Trade: Surplus Dips in 2019 as LNG Pricing Pressure Augurs Worse to Come. *The Middle East Economic Survey*, 2020, January 31. Available at: <https://www.mees.com/2020/1/31/economics-finance/qatar-trade-surplus-dips-in-2019-as-lng-pricing-pressure-augurs-worse-to-come/dce6a870-442b-11ea-a789-6fd00d7416d7> (accessed 15.06.2021).
11. Planning and Statistics Authority of Qatar. *Qatar Economic Outlook. 2020–2022*. Doha, Planning and Statistic Authority of Qatar, 2019. 80 p.
12. Cochrane P. Supertanker State: How Qatar is Gambling its Future on Global Gas Dominance. *The Middle East Eye*, 2020, July 2. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/qatar-gas-lng-market-oil-prices-dominance> (accessed 15.06.2021).
13. Dargin J. Qatar's Natural Gas: The Foreign-Policy Driver. *The Middle East Policy*, 2007, vol. XIV, no. 3, pp. 136-142.
14. Çavuşoğlu, E. From Rise to Crisis: The Qatari Leadership. *Turkish Journal of Middle Eastern Studies*, 2020, no. 1 (7), pp. 81-109.
15. Piet R., Wright S. The Dynamics of Energy Geopolitics in the Gulf and Qatar's Foreign Relations with East Asia. Lester L., ed. *Energy Relations and Policy Making in Asia*. Singapore, Palgrave, 2016, pp. 161-181.
16. Ingram J. Qatar 2018 Revenue Surge Finances Renewed Checkbook Diplomacy. *The Middle East Economic Survey*, 2019, February 1. Available at: <https://www.mees.com/2019/2/1/geopolitical-risk/qatar-2018-revenue-surge-finances-renewed-checkbook-diplomacy/d72716c0-2635-11e9-a597-add92238b8b2> (accessed 15.06.2021).
17. Gaza Deal Signals that Qatar's Subtle Influence Continues in Israel. *The Gulf States Newsletter*, 2020, September 3, vol. 44, iss. 1109. Available at: <https://www.gsn-online.com/article/gaza-deal-signals-qatars-subtle-influence-continues-israel> (accessed 05.07.2021).
18. Кудрин А., Пих С. Энергетическая политика Катара: стратегия поставок на европейский и азиатский рынки. *ТЭК России*, 2016, № 7, сс. 14-19. [Kudrin A., Pikh S. Qatar's Energy Policy: The Strategy of Supplies to the European and Asian Markets. *TEK Rossii*, 2016, no. 7, pp. 14-19. (In Russ.)]

19. Troubled Waters: GCC Internal Schism in the Spotlight Again. *The Middle East Economic Survey*, 2017, June 9. Available at: <https://www.mees.com/2017/6/9/oil-gas/troubled-waters-gcc-internal-schisms-in-the-spotlight-again/e1357710-50d0-11e7-96bc-a52bca17932d> (accessed 15.06.2021).
20. GIIGNL. *Annual Report. 2020*. Paris, International Group of Liquefied Natural Gas Importers, 2020. 64 p.
21. Cockayne J. Korea LNG: Volumes Slump. *The Middle East Economic Survey*, 2020, July 17. Available at: <https://www.mees.com/2020/7/17/news-in-brief/korea-lng-volumes-slump/db290040-c835-11ea-9881-2b55b00daeac> (accessed 15.06.2021).
22. Korea 1H20 LNG Imports: Qatar Volumes Fall 24% as Australia Closes Gap to Top Supplier. *The Middle East Economic Survey*, 2020, July 17. Available at: <https://www.mees.com/2020/7/17/selected-data/korea-1h20-lng-imports-qatar-volumes-fall-24-as-australia-closes-gap-to-top-supplier/445bcf20-c836-11ea-a60c-c59137220e53> (accessed 15.06.2021).
23. Ingram J. Kuwait Risks Exhausting Financial Reserves. *The Middle East Economic Survey*, 2020, May 15. Available at: <https://www.mees.com/2020/5/15/news-in-brief/kuwait-risks-exhausting-financial-reserves/be312a90-96bf-11ea-9894-7d512e4a1b26> (accessed 15.06.2021).
24. Bouso R. Qatar Petroleum to Slash Spending by 30%. *Reuters*, 2020, May 21. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-qp-spending/qatar-petroleum-to-slash-spending-by-30-ceo-idUSKBN22X2HA> (accessed 15.06.2021).
25. Подымов А., Чичкин А. Газовый Катар. *Военное обозрение*, 03.06.2020. [Podymov A., Chichkin A. Qatar of Gas. *Voynnoye Obozreniye*, 03.06.2020. (In Russ.)] Available at: <https://topwar.ru/171776-gazovyj-katar-sovsem-ne-chert-iz-tabakerki.html> (accessed 15.06.2021).
26. Mosis S. Qatari expansion: Build it and they will come? *The Petroleum Economist*, 2020, September 8. Available at: <https://www.petroleum-economist.com/articles/midstream-downstream/lng/2020/qatari-expansion-build-it-and-they-will-come> (accessed 15.06.2021).
27. Катар готов давить конкурентов дешевым газом. *EADaily*, 17.03.2021. [Qatar is Ready to Crush Competitors with Cheap Gas. *EADaily*, 17.03.2021. (In Russ.)] Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/17/katar-gotov-davit-konkurentov-deshevym-gazom> (accessed 15.06.2021).
28. Fulwood M., Lambert M., eds. *Emerging Asia LNG Demand*. Oxford, Oxford Institute for Energy Studies, 2020. 20 p.
29. Malaysia Eyes More Qatari Investments. *The Gulf Times*, 2019, December 12. Available at: <https://www.gulf-times.com/story/650359/Malaysia-eyes-more-Qatari-investments> (accessed 15.06.2021).
30. Катар нашел слабые места Газпрома в Европе. *EADaily*, 01.10.2020. [Qatar Found the Weak Points of Gazprom in Europe. *EADaily*, 01.10.2020. (In Russ.)] Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2020/07/30/katar-nashel-slabye-mesta-gazproma-v-evrope> (accessed 15.06.2021).
31. GIIGNL. *Annual Report. 2021*. Paris, International Group of Liquefied Natural Gas Importers, 2021. 20 p.
32. Tamimi N. *Navigating Uncertainty: Qatar Response to the Global Gas Boom*. Doha, Doha Brookings Center, 2015. 20 p.

**QATAR'S FOREIGN POLICY PRIORITIES
DURING THE GLOBAL ENERGY MARKETS EVOLUTION**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 108-117)

Received 05.03.2021.

Nikolay A. KOZHANOV (n.a.kozhanov@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

Using elements of the 'small state' theory, the article examines relations between Qatar's foreign policy priorities and existing challenges to Doha's presence at the natural gas markets caused by the impact of the US shale revolution, beginning of the global energy transition, and COVID-19 pandemic. These factors shifted the critical emphasis in the concept of the Persian Gulf energy security. The oversupply of gas that has been existing in the markets since 2019 and the emergence of new leaders in the list of leading LNG exporting countries in recent years significantly changed the situation in the markets in favor of consumers, who can now diversify their sources of supply. Under these circumstances, the sustainability of gas exports from the Gulf countries is no longer a factor of supply security, but an element of demand security: while LNG consumers have access to alternative suppliers, it is Qatar that has to fight for its place in the market, ensuring a stable demand for its main export product. This, in turn, forces Doha to re-adjust its relations with both the consumer countries and main rivals at the LNG market. Under the new circumstances, Qatar's main challenge remains unchanged: it has to maintain sufficient financial revenues received from the LNG exports to ensure its more active and independent foreign policy that differs it from other so-called "small states". Yet, to achieve this, Qatar is following the traditional strategy of small states: it hedges its risks through forming multilevel coalitions and alliances with both consumers and exporters of natural gas.

Keywords: Qatar, small states, shale oil revolution, energy security, the Persian Gulf.

About author:

Nikolay A. KOZHANOV, PhD (Economics), Center of the Middle Eastern Studies, IMEMO under the Russian Academy of Science.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-108-117

ПЛЕМЕННОЙ ФАКТОР В ЛИВИИ: МЕТАМОРФОЗЫ В ПОСТКАДДАФИСТСКИЙ ПЕРИОД (2011–2020 гг.)

© 2021 г. Ю. Зинин

ЗИНИН Юрий Николаевич, кандидат исторических наук,
Институт международных исследований, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(zinin42@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 02.02.2021.

Отстранение от власти лидера Ливии М. Каддафи 10 лет назад при участии НАТО привело к крушению тамошней “вертикали власти” и институтов государства и фактически к гражданской войне. В статье рассматривается специфика племенного фактора в Ливии, где еще не завершен процесс консолидации населения в единую нацию. После наступления в 2014 г. двоевластия оба полюса – Триполи и Тобрук – пытаются использовать этот фактор в своих интересах. Наряду с этим имеет место рост значимости и регионального фактора. В статье рассматриваются соотношение в современной Ливии племенной и национальной идентичности и перспективы их взаимовлияния.

Ключевые слова: Ливия, Киренаика, Триполитания, Феццан, НАТО, элита, племена, Каддафи, безопасность, армия, смута, политика, нефть, идентичность.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-118-129

Нынешняя Ливия, утратившая после крушения режима Каддафи в 2011 г. единую “вертикаль власти” и с 2014 г. переживающая по меньшей мере двоевластие, дрейфует к *failed state*. Подоплека конфликта многообразна и включает множество внутренних и внешних факторов при доминировании первых. Рассматривая их, автор считает важным выделить роль и место в этих событиях племенного феномена – в свете того, что 90% граждан страны имеют племенные корни. С древнейших пор Ливия с ее обширными пустынными и полупустынными территориями была открыта для потоков кочевавших племен, частично оседавших в ее пределах. Это наложило заметный отпечаток на демографический облик общества, очевидно разнородного, гетерогенного. Для Ливии имманентны родоплеменные различия и примат трайбалистской самоорганизации населения.

Число племен – более 100. При явном арабском большинстве около 10% населения составляет бербероязычный сегмент. Берберы – автохтонные жители ареала, простирающегося от Ливии до Атлантического океана [1]. Берберские племена сосредоточены в основном на западе, в горах Нефуса. К ним относятся и туареги, кочующие от оазиса Гат до Тимбукту в Мали. Наряду с этим в Ливии насчитывается не менее десятка суфийских братств¹.

¹ Суфизм – мистико-аскетическое течение, существующее в исламе с VIII в. Братства называются по имени своих основателей – святых. Крупнейшее из них в Ливии – Сенусия. Его вождь Мухаммед Ас-Сенуси (1787–1857) возглавил движение за соединение духовной и светской власти в одном лице и заложил ядро государственности Ливии. К концу XIX в. орден сенуситов объединил под своим знаменем большинство племен Киренаики.

Представлены также последователи исламского течения ибадизма.

Ливия состоит из трех больших историко-географических районов со своими социокультурными особенностями. Это Триполитания (северо-запад), Киренаика (восток) и Феццан (юго-запад)². Растянутость коммуникаций и открытость границ привели к тому, что восточная часть Ливии тяготела к Египту, а западная – ориентировалась на страны Магриба, в особенности на Тунис. Притом что для страны характерны племенные, региональные и этноконфессиональные различия, по меткому замечанию Кристин Н. Майерс из Университета Пеппердайна (Лос-Анджелес), “сектарианские менее важны, чем племенные” [2, р. 6].

Племенной компонент вызывает особый интерес исследователей в свете его роли как в истории страны, так и влияния, которое он оказывает на ход событий и расклад сил в течение последнего десятилетия [3, 4, 5, 6]. Его изучение осложняется дефицитом надежных источников, статистических баз и полевых социологических исследований. Если в эру правления Каддафи местная научная мысль в условиях закрытости страны руководствовалась идеологическими постулатами вождя, то после февраля 2011 г. положение изменилось. Вслед за свержением лидера, принятием законов о “декаддафизации” и мерами преследования сторонников прежнего режима ливийское общество разделилось. Трещины пролегли как по отдельным регионам, так и по племенам и даже семьям.

² При общей площади страны в 1759 тыс. кв. км Триполитания составляет 353 тыс., Киренаика – 855 тыс., Феццан – 551 тыс. кв. км.

Все это предопределяет высокий градус остроты и жесточенности мнений и суждений в различных слоях общества. Соответствующая атмосфера проникла в СМИ, отразилась на академическом сообществе. Сегодня в нем идет полемика по актуальным проблемам, позиции ее участников расходятся, трудно встретить объективные, беспристрастные оценки.

Одна из тем дискуссии: как племенной феномен состыкуется с новыми реалиями после февраля 2011 г., может ли он внести какой-то позитивный вклад в умиротворение на фоне развала вертикали власти и в условиях вооруженной междоусобицы. Ряд местных авторов свидетельствует о происходящем на глазах сдвиге: усилении влияния племенной принадлежности за счет снижения общенациональной³.

Один из дискутируемых вопросов: как оценить критерии племенной принадлежности и представительства. Согласно распространенной точке зрения, трудно отличить голос племени от голосов тех индивидов, которые выступают от его имени. Очевидна непрозрачность процедур выдвижения лиц, представляющих то или иное племя или расширенную семью⁴.

ТРАЙБАЛИЗМ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Из более 100 племен Ливии приблизительно 30 – наиболее значимые. В местном научном дискурсе распространена точка зрения, согласно которой кровное родство и происхождение от общего предка (зачастую мифического) играют роль социальной скрепы. По словам ливийского этнолога Окейла Аль-Барбара, основная ячейка – дом, или расширенная семья, включающая три или четыре поколения. Их объединяют узы сплоченности, взаимной поддержки. Несколько домов образуют род, несколько родов – племя. Племена могли создавать конфедерации, по-арабски – *сафф* [7].

Такая организация традиционно обеспечивала своим членам социальный зонтик и защиту в обмен на приверженность “*асабийи*” (духу обособленности, исключительности и корпоративности) и верность своим шейхам. Племя несло коллективную ответственность за поступки, поведение индивидумов гарантировало им безопасность в случае чрезвычайной ситуации, межплеменных столкно-

ваний и т. д. В свою очередь, рядовой член держал ответ за действия племени.

Важным атрибутом племени является обычное право (*урф*), которое и поныне актуально в Ливии. Урф – местный свод норм и правил поведения. Он обычно не противоречит шариату, но на практике отличается от него и порой выступает как альтернатива. Система урфа играла и играет роль предохранительного клапана против вспышки насилия, когда при господстве кровных отношений мелкий инцидент между людьми способен спровоцировать межплеменной конфликт и сору. Урф определяет размеры виры в случае убийства соплеменника, выкупа за физический ущерб и т. д.

“Бедуин по традиции знал лишь свое племя, инстинктивно отвергал власть других”, в том числе исходящую от государства, заключает политолог Хусейн Шейх Аль-Альва, директор Арабо-африканского центра исследований стратегии и проблем развития⁵. Племена дорожили своей вольницей, отстаивали ее, что нередко вело к конфликтам между ними и центральной властью.

Специфика Ливии в том, что в ней существовали как крупные, сильные племена, распространявшие свое влияние на разные районы огромной страны, так и мелкие – локализованные в отдельных анклавах. Племенная организация, верная своим традициям и укладу на протяжении веков, под влиянием общих изменений эволюционировала, особенно с начала XX в. Так, представители верхушки устанавливали личные, деловые и прочие связи с иноплеменниками, входили с ними в брачные союзы и создавали новые образования или расширенные семьи уже не по старому принципу кровного родства. Именно последние, по мнению итальянского этнолога А. Варвелли, стали играть значимую роль в улаживании отношений как внутри племен, так и между ними [4].

На протяжении большей части истории в Ливии либо отсутствовала сильная центральная власть, либо она была слабой. Местное правление за пределами административных столиц, в глубинке осуществлялось в основном племенами и кланами знатных лиц (по-арабски – *ааян*), к которым причисляли шейхов, влиятельных старейшин и именитых особ. Три исторических региона Триполитания, Киренаика и Феццан обычно управлялись своими предводителями.

Первые попытки распространить власть центрального правительства на местные племена относятся к эпохе правления турок-османов, при

³ Abu Al-Qasem Ali Al-Rabo. Libyan Tribes: Part of the Problem or a Solution? *The Middle East Monitor*, August 8, 2018. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20180808-libyan-tribes-part-of-the-problem-or-a-solution/> (accessed 30.01.2021).

⁴ Ракиа Садык. Нахву муджтамиа асрий (2): тафкик асабия аль-кабия. [Raquia Sadiq. Break of the Tribe Strive for Superiority is a Way to Modern Society. *Libya Al-Mostakbal*, April 30, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/48850> (accessed 30.01.2021).

⁵ Аль-Хусейн Аль-Альва. Ма яхдас фи Либия [Al-Husein A. What's Going on in Lybia? *Libya-al-mostakbal*, July 20, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/53068> (accessed 30.01.2021).

династии Караманли (1711–1835). Эти попытки, подкрепленные военной силой, вызывали отпор племен. В то же время турки привлекали представителей племенной элиты к управлению своими владениями в Ливии. Они кооптировали видные фигуры из кланов и семей во властные инстанции как проводников своей политики с целью подчинения непокорных племен единой власти. Эти выдвиженцы, в свою очередь, стремились воспользоваться своим положением для усиления собственного социального статуса.

В то же время внешние угрозы побуждали племена к сплочению. Они оказывали сопротивление колониальным захватам. В частности, когда в 1911 г. Италия вторглась в Ливию, ядром сопротивления были воины из суфийских братств.

В колониальный период (1911–1943) прежние руководители из знати были заменены европейской администрацией из метрополии. В эру самостоятельной истории Ливия вступила в 1951 г., после провозглашения Объединенного Королевства Ливия – федерации Триполитании, Киренаики и Феццана под властью короля Идриса, внука Мухаммеда Ас-Сенуси. В те годы в этой слаборазвитой и беднейшей части арабского мира жило всего около миллиона человек.

Король Идрис опирался на членов своего религиозного братства, которое возглавлял, на союзнические отношения с племенами, в основном из Киренаики и Феццана. Он вынужден был обращаться к поддержке племен при ведении своей политики, разрешении проблем и противоречий. При назначении на государственные посты монарх руководствовался неформальными квотами, основанными на своего рода *рейтинге* племен и высокопоставленных семей.

Открытие огромных запасов нефти в 1959 г., их разработка и экспорт радикально изменили ситуацию. Возникли условия для перераспределения национального богатства государством-рантье. Созданная в условиях монархии эта система еще более укоренилась после прихода к власти в 1969 г. М. Каддафи.

Многие товары и жилье субсидировались властями. Были введены бесплатная медицина и образование, предоставлены широкие права женщинам. Прогресс в экономике и социальной сфере способствовал модернизации, приобщению граждан к новым условиям труда. Эти сдвиги подрывали экономический уклад жизни племен, вели к переходу на оседлость, закату кочевого хозяйства, к росту социального расслоения.

Приток ливийцев в города увеличил долю городского населения. Если в середине 60-х годов прошлого века там проживало около 20% граждан,

то ныне – 86%⁶. (Некоторые авторы называют даже более высокие показатели – вплоть до 90%. Причем половина населения страны сосредоточена в городах Триполи и Бенгази.) Переселение в город вело к дроблению и постепенному разложению племен, особенно крупных, на фракции. Узы родства, дух “асабийи” и чувство соплеменничества подверглись эрозии.

Тем не менее влияние родоплеменного сообщества оставалось и остается значительным. Позиция шейхов или старейшин по-прежнему играет важную морально-психологическую роль в разрешении межродовых, семейных конфликтов, споров при разделении собственности, наследства. Гибкая сеть солидарности соплеменников охватывает различные стороны жизни ливийцев, содействует их жизненному устройству, карьере и т. д. Сородичи стремятся селиться в одном квартале или одной местности, образуя группы по кровному родству во главе с шейхами. При этом, как свидетельствуют местные социологи, массовый приток населения в города наложил отпечаток на культуру самих агломераций. Переселенцы со свойственным им архаическим укладом способствовали провинциализации жизни городских кварталов.

КАДДАФИ И ПЛЕМЕННОЙ ЛАНДШАФТ ЛИВИИ

Придя к власти, М. Каддафи выдвинул собственную, во многом идеализированную модель государства под названием “Джамахирия”. Этот неологизм означал в переводе с арабского “народовластие” – государство управлялось через систему народных комитетов на базе “прямой демократии”, без партий и парламента. Каддафи отвергал и подавлял любые попытки создать партии, считая, что они будут лишь маскировать интересы племенной верхушки, и выдвинул установку: “Кто выступает за партии, тот – предатель”. В первые годы своего правления режим провозгласил задачу поставить заслон влиянию трайбализма, опираясь на “новую революционную молодежь”.

Вождь упразднил *предыдущее квотирование по племенной принадлежности*. Административно-территориальное деление, основанное на племенных границах, пересмотрели. Постепенно были сменены те, кого называли “племенными политиками” из числа губернаторов, мэров, заместителей мэров и других административных кадров (боль-

⁶ Бен Саад А. Ливия ма баада аль-Каддафи вазаиф тадхим даур аль-кабия [Ben Saad A. Lybia: How an Overestimation of the Tribes Role after Kaddafi is Used. *As-Safir*, August 8, 2012. (In Arabic)] Available at: <https://assafirarabi.com/ar/2793/2012/08/08/ليبيا-ما-بعد-القذافي-وظائف-تضخيم-دور-ال> (accessed 30.01.2021).

шинство из них были либо шейхами, либо их ставленниками из местных родов), на новых людей.

М. Каддафи установил единоличный порядок управления государством, стянув общество обручами авторитаризма. По сути, государственность была персонифицирована в лидере, который опирался на очищенный от наслоений обскурантизма, зачастую ассоциировавшийся с его именем официальный ислам.

По мнению ряда ливийских исследователей, стратегия Каддафи в отношении племен была нацелена на переформирование их старой, исторически сложившейся иерархии. Именно из нее традиционно комплектовалась государственная элита, представленная племенными лидерами и их сподвижниками [8, р. 31]. Вождь считал такой порядок угрозой для своей власти.

Рост госсектора, вовлечение населения в современное производство, введение всеобщей системы образования, урбанизация, масштабное военное строительство (создание параллельных армии сил – “Местной народной обороны”, “Вооруженного народного дежурства”, формирований “Джамахирийской гвардии”, “Войск отпора”), создание системы обязательной военной подготовки населения, в том числе для женщин в возрасте 14–35 лет, – все это стимулировало социальную мобильность и смещение населения⁷.

Этому также способствовала система народных комитетов и народных конгрессов, ревкомов, действовавших десятки лет, через которые прошли многие тысячи ливийцев. К этому надо добавить и то обстоятельство, что в последние десятилетия доля влиятельных старейшин, обычно людей пожилых, в целом сократилась в связи с демографическими сдвигами: сегодня молодежь в возрасте до 35 лет составляет большинство населения Ливии [9].

Как уже отмечалось, в Ливии наиболее значимыми считаются три десятка племен. М. Каддафи был выходцем из племени Каддадфа, небольшого по численности и не игравшего важной роли в недавней истории. Его родовая территория находится в центре страны, на стыке востока и запада. Главный оплот – город Сирт.

Самым мощным считается племя Варфалла численностью около миллиона человек, состоящее из 53 ветвей. Его представители доминируют на западе, но живут практически по всей территории страны, от Триполи до Бенгази, а также на юге. Племя Тархуна имеет 60 ответвлений, выходцы из него составляют треть жителей Триполи.

Еще одно крупное племя – Варшефана; его земли расположены вблизи столицы. В третьем по величине городе Ливии, Мисрате (300 тыс. человек), проживают выходцы из 43 племен. На востоке, в Киренаике, выделяется племя Обейдат, состоящее из 15 ветвей. В Бенгази и вокруг него расселено племя Аль-Авакыр. Влиятельное племя Зувайя занимает земли от залива Сидр и г. Аждабия до оазиса Аль-Куфра, где расположена львиная доля нефтяных месторождений. В области Феэцан наиболее значительны племена Авляд Сулейман, Варфалла, Аль-Хассавна, Барьяса, Магариха, Тубу и Фазазна. Негроидное племя Тубу занимает территории Ливии на границах с Чадом, Нигером. Отдельные его ответвления кочуют в этих странах⁸. Некоторые считают Тубу объединением племен или даже народностью.

При назначении на ключевые посты в администрации Джамахирии вождь опирался на свое родовое племя. Но Каддадфа в силу относительной малочисленности не могло монополизировать власть. Поэтому лидер практиковал создание альянсов с разными племенами и их ответвлениями, часто опираясь на менее престижные и влиятельные в противовес традиционно сильным игрокам.

В течение 18 лет (1975–1993) альянс племен Каддадфа и Варфалла постепенно превратился в доминирующую силу. Верные Каддафи элитные спецподразделения рекрутировались в основном из племен, прежде всего Каддадфа, Варфалла, Тархуна и Магариха. Участие ряда офицеров, выходцев из Варфаллы, в военном путче против лидера в 1993 г. повлекло за собой репрессии против этого племени, и его статус пошатнулся.

В середине 70-х годов в политику модернизации общества, размывания племенного партикуляризма и трайбализма внесли коррективы. Вождь, как отмечают, почувствовал нужду в расширении базы своей опоры в племенной среде⁹. Это было отражено в 1977 г. в главном программном документе – “Зеленой книге”. В нем племя было названо звеном, которое “стоит на страже сплоченности общества, вовлечения ее членов в общественную активность”. Каддафи ассоциировал племя с семьей, которая увеличилась вследствие роста потомства. “Нация, – по его утверждению, – это племя, но племя, разросшееся в результате увеличения потомства” [10]. Вождь стал демонстрировать свой имидж верую-

⁷ С 1978 по 1987 г. Ливия была втянута во внутривосточный конфликт в соседнем Чаде, и ее вооруженные силы участвовали в масштабных военных действиях на территории этой страны.

⁸ Ранда Атыя. Харита таасир кабаиль ин Либия [Randa Ateeya. The Map of Tribe Influence. Lybia. *Noonpost*, January 21, 2000. (In Arabic)] Available at: <https://www.noonpost.com/content/35660> (accessed 02.02.2021).

⁹ Аль-кабила ва аль-джахавия ва мустакбаль либия ас-сиясий [The Tribe, Regionalism and Political Future of Lybia. *Aljazeera*, December 30, 2011. (In Arabic)] Available at: <https://www.aljazeera.net/programs/in-depth/2011/12/30/القبيلة-والجهوية-ومستقبل-ليبيا> (accessed 02.02.2021).

шего бедуина: поменял европейский костюм на национальный, принимал своих подчиненных и иностранных гостей в шатре в Сахаре и т. д.

Чтобы держать руку на пульсе жизни племен, Каддафи создал новый механизм привлечения верхушки племен в структуры власти. Для этого была принята система мер, в том числе закон 1990 г. В соответствии с ним каждому племени передавались в частное владение земли, использовавшиеся ранее как общественные угодья. На многих таких участках были возведены жилые и коммерческие строения, а главы и верхушка племен обогатились, став хозяевами этой недвижимости. В 1994 г. была введена система Народных комитетов общественных лидеров, набираемых из племен. Им были даны обширные права на местах, полномочия надзирать за порядком, вести мониторинг обстановки и отношений между племенами. Они функционировали как инструмент по обеспечению безопасности в стране [11]. В каждое значительное племя назначался координатор. Ему предоставлялось право распределять ресурсы, финансы, социальные блага, которые выделяло правительство, разбирать различные нарушения и наказывать виновных. Верхушкам племен было предписано нести коллективную ответственность за действия и поступки соплеменников, особенно если таковые представляли опасность для общественного порядка. В 1996 г. шейхи племен подписали Хартию чести, присягнув на верность лидеру и поклявшись давать отпор любым “врагам революции” [1].

Возник комплекс сложно переплетенных клиентских отношений, шла подспудная борьба племенных предводителей за “место под солнцем”. Режим держал трайбалистскую верхушку в узде с помощью различного рода привилегий и поощрительных мер. При этом единоличный лидер, с одной стороны, ограничивал трайбализм, а с другой – идеализировал первобытную демократию бедуинов, в популистских целях подыгрывал архаичным настроениям своих сородичей, цеплявшихся за средневековые традиции¹⁰.

Скрупулезно отслеживая роль *асабийи*, но оставляя внутренний уклад на откуп племенной знати, действуя то уговорами, то угрозами, вознаграждая преданных соратников и союзников, М. Каддафи на долгое время смог обеспечить стабильность своего режима. Но, разумеется, справедлива точка зрения, в соответствии с которой тем самым вождь тормозил продвижение Ливии к современному гражданскому обществу, искусственно поддерживая и контролируя племенной

компонент в структурах власти и запрещая при этом деятельность партий и иные демократические процедуры (см., например, [8]).

ПЛЕМЕНА И ВОССТАНИЕ ПРОТИВ КАДДАФИ

Вряд ли справедливо проводить некий четкий водораздел между племенами в их отношении к антикаддафистскому восстанию 17 февраля 2011 г. в Бенгази, хотя жители городов Мисрата и Бенгази выступили в его авангарде¹¹.

В центральных, западных и южных районах, кроме как в упомянутых городах, было мало признаков “Революции 17 февраля”, как ее официально называют. Ряд старейшин открыто заявил о разрыве с Каддафи. Большая же часть племенных верхов выжидала, сохраняя нейтралитет. Порой от одних и тех же племен звучали заявления о поддержке и правительства, и мятежников. Это объясняется тем, что за такими заявлениями стояли конкретные представители знати (старейшины, шейхи), скорее выступавшие от имени отдельных ветвей своих племен из различных городов и населенных пунктов. По общему мнению ливийских и иностранных исследователей, восстание в Ливии не имело сугубо трайбалистского подтекста. Никто из экспертов или политиков не приводит названия милиции по имени какого-либо племени или рода. Протестное движение приобрело межплеменной характер, утверждает ливийский социолог М. Бен Лямма [8, р. 35]. При этом в Киренаике быстрее других отвернулись от режима, что позволило здесь отрядам боевиков форсировать свое продвижение и одержать верх над правительственными войсками.

С начала восстания в феврале 2011 г. противостоящие лагеря боролись за привлечение на свою сторону племен. В апреле 2011 г. власти Бенгази собрали делегатов от 61 племени Ливии, которые выдвинули лозунг “За единую Ливию без Каддафи”. Власти Каддафи в ответ провели “Общенациональный конгресс племен Ливии” с участием 2 тыс. человек, который назвал повстанцев “предателями” и призвал племена к борьбе с ними. На обоих съездах были представители одних и тех же племен. И хотя некоторые племена долгое время поддерживали Каддафи, прагматизм, конъюнктурные и местнические интересы возобладали над их прежними декларациями и клятвами верности.

Французский специалист по Ливии Патрик Хаимзаде заключает, что восстание 2011 г. имело

¹⁰ Аль-Хусейн Аль-Альва. Ма яхдас фи Либия. [Dr. Al-Husein A. What's going on in Lybia? *Libya almostakbal*, July 20, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-almostakbal.org/news/clicked/53068> (accessed 02.02.2021).

¹¹ Марджин Х.С. Аш-шейх ва аль-кабия фи харб Тарабулус 2019 [Mardgin H.S. Sheikh and tribe in Tripoly war of 2019 (The second part). *Minbar libya*, June 14, 2019. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=14856> (accessed 30.01.2021).

характер “многочисленных герилей” между повстанческими группами из отдельных городов и селений. Это и предопределило разделение страны на зоны их влияния в последующие годы [12].

ПЛЕМЕНА В ПОСТКАДДАФИСТСКИЙ ПЕРИОД

В октябре 2011 г. после убийства лидера произошло крушение “вертикали власти”, которую он персонифицировал более 40 лет и которая составляла стержень стабильности¹². Ливия разделилась на ряд фактически автономных, полунезависимых “образований-городов”, в которых правили группировки и ситуативные альянсы, опиравшиеся на военизированные формирования. Попытки новых властей создать единый силовой блок буксовали, терпели неудачу¹³. Вакуум безопасности спонтанно заполняли различные силы, в том числе группы, складывавшиеся по регионально-племенной принадлежности. Множились советы племенных предводителей и другие образования, бравшие на себя функции власти и поддержания порядка.

С осени 2011 г. в Ливии поднялась волна столкновений на племенной почве, чего ранее правящий режим не допускал. Они затронули область Нефуса в 170 км к юго-западу от Триполи. В боях племен Аль-Кантрара и Аль-Машшашия сгорели сотни домов, 1500 семей бежало с мест проживания. В августе 2013 г. и в январе 2014 г. произошли бои в городе Гадамесе — на юге, на границе с Тунисом, и в городе Захра (неподалеку от Триполи) между племенами Варшефана и аз-Завия. По данным депутата временного парламента, выходца из племени Варшефана Ас-Саиха, в ходе боев из окружающей его город области тысячи человек бежали в другие города Ливии, в Тунис, Египет. По октябрь 2014 г. включительно было разграблено и сожжено 7 тыс. домов¹⁴. В свою очередь, другие “горячие точки” — г. Себха в центре Сахары и г. Куфра — ассоциировались с противостоянием на этнорасовой почве между племенами арабского и берберского происхождения.

¹² Хотя для эпохи Каддафи и были характерны частые реорганизации под лозунгами “революции сверху” или “третьей мировой теории”, а также чистки во имя искоренения “бюрократии, коррупции” и т. д.

¹³ Новые верхи Ливии оказались заложниками собственного противоречивого положения. Они опирались на местные милиции, приведшие их к власти, и в условиях хаоса выпустили “джинна из бутылки”. Их военизированные отряды оказались не стабилизирующим фактором, а стали драйверами распрей и стычек.

¹⁴ Ас-Саих. Ли баваба аль-васат: джейш аль-кабаил якудуху атбаа аль-каддафи [As-Saihi to Bawaba al-Wasat: The Tribes Army is Guided by Proqaddafi Elements. *Alwasat news*, October 16, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://alwasat.ly/news/libya/38925> (accessed 30.01.2021).

Ливийский автор Абдалла Аль-Катиб назвал происходившее “второй племенной войной” — после первой, которая имела место в 1914 г. Тогда колониальные силы Италии временно покинули Ливию, что привело к всплеску межплеменной вражды¹⁵. Местные власти, в том числе шейхи племен, в разговорах с иностранцами неохотно признавали эти столкновения, предпочитая говорить об отдельных инцидентах, в которых они винили либо некую “пятую колонну”, либо некие законспирированные “прокаддафийские ячейки”.

Сегодняшнее и без того неоднородное общество разделилось на “племена победителей и племена проигравших”. Именно такое клише появилось в СМИ. Первые стремятся воспользоваться ситуацией и получить доступ к ресурсам, к собственности, к благам за счет тех, кто утратил свои позиции¹⁶. В этом отношении показательны слова этнолога д-ра Хусейна Шейх Аль-Альва, который напомнил о живучести у ливийцев кочевых обычаев и менталитета. Мотивом войн между ними был захват добычи, которая всегда была правом победителя¹⁷.

В условиях смуты были нарушены прежние хозяйственные связи, что поставило на повестку дня вопрос о выживании различных социумов. Это создало почву для противоправных действий некоторых группировок. Речь идет о росте контрабанды товаров, в частности нефти и нефтепродуктов, оружия, оставшегося после войны, а также о нелегальной переправке беженцев с юга, из глубин Африки, в сторону средиземноморского побережья.

Племенной компонент нередко переплетается с региональным. В марте 2012 г. в Бенгази съезд представителей племенной знати, элит и милиции с востока страны провозгласил Киренаику (по-арабски — Барка) автономным регионом, связанным с западом Ливии лишь узами федерации. За этим стояло намерение исправить ситуацию,

¹⁵ Аль-Катиб А. Харб аль-кабаиль аль-либийя ас-саннийя 2014 [Al-Katib A. It is the Second Libyan War of Tribes in 2014. *Libya almostakbal*, April 14, 2015. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/67632> (accessed 30.01.2021).

¹⁶ В связи с этим можно упомянуть Армию племен, о создании которой было объявлено в мае 2014 г. на съезде племен в г. Азизия. Ее костяк составили выходцы из племени Варшефана при поддержке Аз-Зинтана и Аль-Магариха. Армия провозгласила освобождение страны от “террористических милиций”, пришедших к власти после Каддафи. Ряд источников сообщал о наличии в ней многих сторонников и функционеров бывшего лидера. В Триполи восприняли эту силу малозначительным образованием “на службе пропаганды” остатков прошлого режима. Оценки ее численности разнятся — от 1 тыс. до 10 тыс. человек.

¹⁷ Аль-Хусейн Аль-Альва. Ма яхдас фи Либия [Al-Husein A. What's Going on in Lybia? *Libya-al-mostakbal*, July 20, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/53068> (accessed 30.01.2021).

когда в эпоху правления М. Каддафи район, по их представлениям, находился в положении “бедной падчерицы”, хотя обладал 75% всех нефтяных богатств. Сторонники федерализации призывали к созданию парламента и прочих органов власти на своей территории, к перераспределению нефтяных доходов и т. д.¹⁸

Центральные власти резко негативно отреагировали на декларацию Бенгази. Сценарий федерализации, по их мнению, привел бы к пагубным последствиям. Административные границы между тремя провинциями Ливии в современный период никогда не были точно установлены. К тому же ввиду скудости населения и огромных пространств части федерации могут со временем оказаться в зависимости от соседей. Тем не менее ряд политиков и сегодня продолжает использовать лозунг федерализации.

ПЛЕМЕННОЙ ФАКТОР ПОСЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ ДВОЕВЛАСТИЯ

С лета 2014 г. лагерь пришедших к власти раскололся, наступило двоевластие. С тех пор друг другу противостоят два полюса власти: в Триполи, на западе, и в Тобруке, на востоке. Каждый со своим правительством, парламентом и силовым блоком. В Триполи – Правительство национального согласия (ПНС), в Тобруке – Временное правительство, армию которого (Ливийскую национальную армию) возглавил фельдмаршал Х. Хафтар. Их противостояние нередко называют гражданской войной после войны за свержение Каддафи. С 2014 по январь 2018 г. в ходе боев между силами двух полюсов погибло как минимум 10 071 человек, что сопоставимо с потерями в ходе восстания 2011 г.¹⁹

В то же время оба лагеря представляли собой довольно рыхлые образования, и привлечение на свою сторону племен являлось одной из важных задач и для Триполи, и для Тобрука. С 2014 г. Х. Хафтар наращивал усилия в этом направлении, нуждаясь в притоке новых бойцов для своей армии. (Сам Х. Хафтар происходит из племени Аль-Фарджан, его районы – города Сирт, Аждабия и Тархуна.) Ему приходилось маневрировать, идти на уступки, чтобы обеспечить стабильную поддержку племен и лояльность их шейхов. Так, часть племени Аль-Авакыр была на стороне фельдмаршала, а другая – нет. В июле 2018 г. оппоненты из этого

племени устроили в Бенгази протесты против командующего, который уволил ряд своих офицеров, выходцев из племени, перешедших на сторону сил ПНС. Тогда для примирения с недовольными он выпустил из заключения их соплеменника, занимавшего пост замминистра обороны ПНС²⁰.

Племена туарегов и Тубу с 2014 г. соперничали за то, чтобы распоряжаться нефтяными месторождениями Шарара в глубине Сахары²¹. При этом часть туарегов получала помощь от ПНС, а Тубу – от правительства Тобрука. Благодаря взаимодействию Ливийской национальной армии (ЛНА) с племенной конфедерацией Авяяд Сулейман объекты Шарары в феврале 2019 г. попали в руки Хафтара.

К середине 2017 г. ЛНА установила свой контроль над всей Киренаикой. К 2019 г. правительство Тобрука, по его утверждениям, контролировало две трети территории республики и практически все нефтяные месторождения²².

Племенной вопрос особенно высветился при подготовке и ведении так называемой Битвы за освобождение Триполи, провозглашенной фельдмаршалом Х. Хафтаром в апреле 2019 г. Его силы преодолели значительные расстояния, продвигаясь с востока от г. Бенгази через Феццан к окрестностям Триполи. Это не было бы возможным без содействия ряда племен или, по крайней мере, их нейтралитета. По данным источников, такие племена, как Аль-Магариха, Аль-Машшашия, Тархуна и Аль-Магариха, оказали поддержку правительству Тобрука. На стороне ПНС выступили племена Злитен, Кабау, Мисрата и некоторые другие. В конечном счете Х. Хафтар не смог взять Триполи²³. В апреле 2020 г. силы ЛНА были отбиты от столицы, и войска ПНС при поддержке Турции установили контроль над побережьем на западе Ливии от Мисраты до границы с Тунисом. Части

²⁰ Усама А. Хэвэ ма каддама Хефтер ли баада кабаиль барка мукабиль арвах ва дима аль-аляф мин абнаиха [Usama A. This is What Gave Haftar to Some Tribes of Cyrenaica in Exchange for Lives and Blood of Its Sons. *Minbar Libya*, August 2018. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=13987> (accessed 30.01.2021).

²¹ Шарара считается крупнейшим нефтяным месторождением Ливии, оно способно давать до 340 000 барр. в сутки.

²² Cafiero, Giorgio. Resolving Libya's civil war. *The New Arab*, March 13, 2019. Available at: <https://english.alaraby.co.uk/english/comment/2019/3/13/resolving-libyas-civil-war> (accessed 30.01.2021).

²³ Марджин Х.С. Аш-шейх ва аль-кабия фи харб Тарабулюс 2019 [Mardgin H.S. Sheikh and Tribe in Tripoli War of 2019 (The second part). *Minbar Libya*, June 14, 2019. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=14856> (accessed 30.01.2021); Усама А. Хэвэ ма каддама Хефтер ли баада кабаиль барка мукабиль арвах ва дима аль-аляф мин абнаиха [Usama A. This is What Gave Haftar to Some Tribes of Cyrenaica in Exchange for Lives and Blood of Its Sons. *Minbar Libya*, August 2018. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=13987> (accessed 30.01.2021).

¹⁸ Саид Таука. Аль-Баркавийюн ва даава ли шей мин аль хаджал аль хая [Thauka S. Residents of Cyrenaica Have to Be More Decent. *Minbar Libya*, May 29, 2019. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=14666> (30.01.2021).

¹⁹ Аль-харб аль-ахлий аль-ливий (2014–2020) [The Libya's Civil War (2014–2020). Ar.wikipedia. (In Arabic)] Available at: [https://ar.wikipedia.org/wiki/\(2014–2020\)_الحرب_الأهلية_الليبية](https://ar.wikipedia.org/wiki/(2014–2020)_الحرب_الأهلية_الليبية) (accessed 30.01.2021).

ЛНА закрепились на позициях, которые они занимали до начала апрельской кампании Хафтара против ПНС.

Многие ливийские эксперты согласны, что после 2011 г. в условиях развала государственного правопорядка неизбежным оказывался сдвиг к традиционным способам улаживания распри и конфликтов с помощью урфа вместе с “*марди*” – третейским посредником, который вершит правосудие. Так, большинство племен Киренаики на своем сходе 15 апреля 2017 г. неподалеку от Бенгази приняли документ под названием “Киренаикский код чести”, который утвердил в письменном виде систему урфа. В условиях вакуума закона он поможет защитить личность от разного рода нарушений, гарантировать безопасность, в которой они нуждаются, заявили шейхи²⁴.

Иногда процедуры примирения длятся годами. Так, раздоры между племенами Зинтан и Машшашия в октябре 2011 г. привели к бегству жителей трех деревень близ г. Зинтан. Лишь в мае 2017 г. был подписан пакт, позволивший беженцам возвращаться и нормализовать обстановку. По некоторым данным, племенные советы до 2018 г. содействовали выполнению 68 из 74 соглашений по примирению, а также обмену пленными и заложниками в 38 из 57 вооруженных инцидентов, которые произошли между различными милициями²⁵.

В миротворческий процесс вовлечена UNSMIL – Специальная миссия ООН по Ливии. При ее содействии племена Зувая и Тубу в Тунисе в феврале 2018 г. прекратили стычки между собой в г. Куфра, продолжавшиеся с 2012 г. В них погибли около 100 человек, более 20 тыс. жителей города бежали.

Резонанс племенного влияния проявляется и в медиасфере. Крупнейшие племена обзавелись собственными порталами, радиостанциями, каналами спутникового телевидения. По их инициативе стали чаще проходить межплеменные встречи и конференции. Их лейтмотив – призывы к обеспечению законности, к консолидации.

Последние годы отмечены целой серией племенных сходов. В сентябре 2018 г. в г. Тархуна (80 км от Триполи) конференция с участием 1800 старейшин призвала власти разоружить все незаконные милиции в столице, где в августе–сентябре 2018 г.

²⁴ Almenfi, Mohamed. Op-Ed: In Libya, Only One System of Law is Functioning, and It's not State Law. *Libya Herald*, July 13, 2017. Available at: <https://www.libyaherald.com/2017/07/13/op-ed-in-libya-only-one-system-of-law-is-functioning-and-its-not-state-law/> (accessed 30.01.2021).

²⁵ Abu Al-Qasem Ali Al-Rabo. Libyan Tribes: Part of the Problem or a Solution? *The Middle East Monitor*, August 8, 2018. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20180808-libyan-tribes-part-of-the-problem-or-a-solution/> (accessed 30.01.2021).

в междоусобице погибли 115 человек. В марте 2020 г. в Харава (неподалеку от Сирта) состоялось учредительное собрание Всеобщего совета нотаблей и шейхов ливийских племен. Он претендовал на роль “единственной законной организации, представляющей все племена и социальные компоненты городов и селений”²⁶. Всеобщий совет стал развитием Совета нотаблей и шейхов ливийских племен, созданного ранее, 20 февраля того же года, на форуме в г. Тархуна. Его делегаты подтвердили свою поддержку ЛНА и властям Тобрука и идее “полного освобождения” страны от незаконных вооруженных формирований²⁷.

ПЛЕМЕНА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИВИИ

В современной Ливии очевидны признаки выдвигания на первый план племенной идентичности на фоне того, что общенациональное самосознание еще кристаллизуется. Ливийцы хватаются за нее как за якорь, чтобы пережить тяжелые времена. “Шину кабилътак?” (Из какого ты племени?). Такой вопрос сегодня стал обыденным, указывает ливийский блогер Нуруддин Фарах. Его неизменно задают на КПП многочисленных вооруженных формирований, чтобы узнать, не только откуда родом соотечественник, но и какое у него политическое кредо, каковы симпатии.

Оживились берберские племена. Благодаря усилиям их активистов в 2015 г. на территориях гор Нефус, городов Каляя, Ифрен, Джаду, Рахейбат, где компактно проживает бербероязычное население, был избран Высший совет амазигов (ВСА) Ливии²⁸. Он развернул кампанию в СМИ и социальных сетях, поднимая на щит проблему “маргинального положения” своих соплеменников – граждан Ливии. Берберская элита требует от власти предоставить им больше отчислений от эксплуатации природных богатств в местах традиционного проживания и т. д. В русле этих требований берберы устраивали пикеты и протестные акции в Триполи и в местах проживания, даже перекрывали газо-

²⁶ Аль-кабаиль аль-либия таджтамиу фи харава ли-таасис маджлис ааля [Libyan Tribes Met in Harawa to Found the Supreme Council. *Sputnik*, March 5, 2020. (In Arabic)] Available at: https://arabic.sputniknews.com/arab_world/202003051044771212-القبائل-الليبية-تجتمع-في-هراوة-لتأسيس-مجلس-أعلى (accessed 30.01.2021).

²⁷ Мультака аль-кабаиль аль-либия фи тархуна юляян тахрик кадая [Libyan Tribes Forum in Tarhouna are to Activate Policy Against Turkey. *El-Youm As-Sabia*, February 20, 2020. (In Arabic)] Available at: <https://www.youm7.com/story/2020/2/20/4100464/ملقى-القبائل-الليبية-في-ترهونة-يعلن-تحريك-قضايا-دولية-حد> (accessed 30.01.2021).

²⁸ Действует и Высший совет туарегских племен, которые обитают на юге Ливии, на границах с Алжиром и Нигером. Его глава – Маулай Кудейди.

проводы, проходящие через их территории²⁹. Ряд ливийских политиков с подозрением относится к берберским активистам, требующим от власти прав для себя под предлогом защиты идентичности. Они считают, что такой подход противоречит задаче общенациональной консолидации [3].

Весьма характерно, что племенной фактор в современной Ливии не был сколько-нибудь существенно заслонен религиозным. Да, налицо растущая роль исламистов во внутривосточной борьбе. Но их стан в Ливии неоднороден и не монолитен. Это и “Братья-мусульмане” (организация, запрещенная в РФ), и салафиты различного толка, и джихадисты, связанные с единомышленниками в странах Персидского залива. Отношения между племенами и исламистами весьма противоречивы. Последние утверждают, что ислам – “решение всех проблем”. Но их выход на арену ливийской политики после октября 2011 г. никак не помешал фактическому развалу страны, что было вызвано не только расхождением в интерпретации веры между различными религиозными течениями и группировками, но и соперничеством их руководителей в борьбе за власть. Разношерстные милиции происламской ориентации также расшатывают стабильность в Ливии (см. [13]).

Впрочем, сторонникам “Исламского государства” (организация, запрещенная в РФ), возникшего в Ираке, удалось закрепиться в ливийской восточной провинции Киренаике. 5 октября 2014 г. Совет Шуры исламской молодежи Ливии объявил Барку территорией, находящейся под контролем “Исламского государства”. К февралю 2015 г. сторонники “халифата” установили свои порядки в Дерне, Нофалии и Эль-Мабруке, а также осадили районы нефтедобычи в г. Сирт [14, с. 62].

Отношение населения к роли племенных акторов иллюстрирует опрос, который ученые Института Клингендаль провели в ряде районов Ливии в первой половине 2018 г. 38% опрошенных согласились, что племена в определенной степени заместили прежние силовые структуры в деле защиты безопасности граждан от локальных милиций. Но опрошенные признавали, что помощь, получаемая от племенных акторов, носит “выборочный и частичный характер” [1].

В академическом сообществе Ливии существует мнение, согласно которому племена играют роль некоей социальной скрепы, но переоценивать их функции и ресурсы все же не стоит. Их взаимные раздоры снижают потенциал племенного фактора для преодоления конфликтности. Ряд исследователей

констатирует, что ливиец в большинстве случаев отождествляет себя с узким кругом семьи, рода и меньше всего – с обществом. По-прежнему доминирует его привязанность к своей родословной, пренебрежение к чужакам, нередко преувеличение собственной значимости. Все это препятствует свободным, широким межличностным коммуникациям³⁰.

Дух племенной корпоративности подобно вирусу опасен, он может проникнуть в поры государственных и общественных институтов, предупреждают эксперты³¹. Это выявила и предвыборная кампания в первый временный парламент Ливии в июле 2012 г. Тогда члены ряда племен поголовно голосовали по указанию за своих шейхов. В ходе кампании случались конфликты со смертельным исходом из-за того, что их участники руководствовались понятиями кодекса чести племени.

* * *

Вопрос о роли племенного фактора в современной Ливии имеет и теоретическое, и практическое значение. История вплела племена в сложную вязь событий. Их отношения с центральной властью отражали хитросплетения, в которых прагматизм смешивался с приспособленчеством, а непостоянство политики было нормой. На протяжении сорока с лишним лет правления Каддафи племенной фактор испытал на себе влияние модели “государства масс”, которую он пытался внедрить.

В первые годы вождь взял курс на вытеснение, ограничение трайбализма, но затем перешел к тактике привлечения верхушки племен на свою сторону, к созданию их новой иерархии. Ее ключевым звеном было родное племя лидера – Каддафа, – которое входило в альянсы с другими племенами. По утверждению ливийского ученого М. Бен Лямы, вождь устанавливал свою личную власть через региональные механизмы контроля племенного сообщества, хотя внешне самоустранился от формальных политических постов и после провозглашения в 1977 г. Джамахирии принял титул руководителя (лидера) Ливийской революции [8].

Социально-экономические преобразования ускорили переход к оседлости. Почти в четыре раза выросло городское население, и многие соплеменники стали горожанами. В течение десятилетий правления М. Каддафи население испытывало воздействие многих факторов: идейно-политиче-

²⁹ Амазиг либия югликуна хаттан нафтийян [Libyan Amazighs Closed Oil Pipe-Lines. *Amazigh World*, July 29, 2013. (In Arabic)] Available at: http://amazighworld.org/arabic/human_rights/index_show.php?id=3570/ (accessed 30.01.2021).

³⁰ Кыраа фи китаб аль-шахсий аль-либий я:талут аль-кабия ,аль-гания валь-гальба [Trinity of Tribe, Booty and Primacy, *Tribune*, January 29, 2018, 2013. (In Arabic)] Available at: <https://www.minbarlibya.org/?p=9937> (accessed 30.01.2021).

³¹ Ракиа Садык. Нахву муджтамиа асрий (2): тафкик асабия аль-кабия [Raquia Sadiq. Break of the Tribe Strive for Superiority is a Way to Modern Society. *Libya Al-Mostakbal*, April 30, 2014. (In Arabic)] Available at: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/48850> (accessed 30.01.2021).

ский прессинг режима, сдвиги социально-экономического порядка, вступление общества в эпоху современного потребления, смена поколений. Все это способствовало растворению перегородок между племенными образованиями, ослаблению власти прежних элит и шейхов.

Вместе с тем отход от архаичных норм тормозит инерция традиционного сообщества, устойчивость патриархального мышления его членов. Дух племенной асабии подорван, но гибкая сеть солидарности соплеменников адаптируется к переменам, остается востребованной, особенно в период смуты.

По мнению большинства авторов, восстание в Ливии в целом не имело трайбалистской подоплеки. Повстанцев объединило общее недовольство режимом, а не конкретные племенные мотивы и соображения. Отряды боевиков были смешанными, формировались не по племенному признаку, а по местам проживания. Кроме требований отставки вождя они не имели ясной политической повестки [15].

В декабре 2011 г. Национальный переходный совет – самопровозглашенный орган власти после смены режима – провел в Триполи первый Съезд национального примирения, собравший делегатов от повстанцев, племен, религиозных деятелей и т. д. В атмосфере тогдашней эйфории съезд выдвинул лозунг вовлечь в процесс примирения “весь спектр общества” независимо от племенной или региональной принадлежности. С тех пор слова “согласие”, “примирение”, “компромисс” оставались популярными, фигурировали в программах впервые созданных партий, в выступлениях различных деятелей, в том числе из племенной среды.

Но с наступлением вакуума власти вслед за свержением и убийством Каддафи с осени 2011 г. страну охватила волна столкновений на племенной почве. Она привела к погромам, жертвам, появлению внутренних беженцев. Причиной резкого поворота к насилию был слом вертикали власти, крах порядка в племенном сообществе, который установил и поддерживал вождь на протяжении десятков лет. Прежний баланс сил и влияния в трайбалистской среде был нарушен, что толкнуло тех, кто чувствовал себя обделенным в каддафистский период, к реваншу с помощью силы.

На руку этому сыграла неспособность новых властей создать единую армию и правоохранительные органы, которые обеспечили бы безопасность, остановили маховик племенной усобицы. Ситуация была усугублена двоевластием, возникшим в 2014 г.

Большинство представителей нынешней племенной элиты и знати сформировались в эпоху правления Каддафи. Многие надежды сограждан

на лучшее будущее после свержения лидера не сбылись. По ряду показателей, прежде всего по обеспечению безопасности граждан, а также по уровню добычи нефти, страна откатилась назад. Снижение уровня жизни, растущая инфляция, перебои с электричеством и водой стали повседневной нормой. Люди страдают и от эмоциональных травм и столкновений. Впервые за историю современной Ливии в ней появились тысячи молодых инвалидов войны и пострадавших от послевоенных конфликтов. Налицо разочарование итогами революции.

Согласно опросу Центра магрибинских исследований в октябре 2017 г. среди жителей нескольких городов на западе Ливии, 91% граждан был недоволен политикой сменявших друг друга правительств, 75% осудили местные вооруженные группировки [16]. На страницы СМИ, в социальные сети, в дискуссии экспертов вместе с критикой нынешнего положения выплескивается и ностальгия по прошлому. И не столько по самому лидеру, сколько по стабильности и социальной защищенности, которые существовали при нем.

Показательна в этом плане деятельность Высшего совета ливийских племен и городов (ВСЛПГ), который был провозглашен еще в мае 2014 г. в г. Аль-Азизия на западе Ливии. Позиция этого Совета носит выражено оппозиционный характер к властям Триполи. Он отвергает их политику, критикует за провалы в различных сферах, противопоставляет их достижениям прежнего режима. ВСЛПГ поддержал Х. Хафтара³².

Двоевластие, длящееся семь лет, отдаляет выход страны из кризиса, консервирует поляризацию племен и общую отчужденность в обществе. Оба полюса власти – и Триполи, и Тобрук – стремятся привлечь племена на свою сторону, ставя тем самым племенные элиты в весьма затруднительное положение, поскольку их соплеменники могут оказаться в противоположных лагерях, что чревато их конфронтацией друг с другом. Впрочем, племенная верхушка зачастую не прочь выторговать условия участия в различных коалициях, чтобы усилить влияние в своем регионе.

Политические катаклизмы с февраля 2011 г. в стране, где не завершен процесс консолидации населения в единую нацию, оставили отпечаток и на ее этноконфессиональном и демографическом облике. Как отмечают исследователи Ливии внутри и за ее пределами, имеет место оживление племенной обособленности, настроений в пользу

³² Маджлис аль-кабаиль ва аль-мудун аль-либийя:надум амалият аль-джейш фи тараблус [The Supreme Council of Libyan Tribes and Towns Supports the Army Operations in Tripoli. TV Al-Djanoubiya, June 18, 2019. (In Arabic)] Available at: <http://ar.aljanoubiyatv.net/مجلس-القبايل-والمدن-الليبية-تدعم-عسكري> (accessed 30.01.2021).

самостоятельности регионов, в первую очередь Киренаики и Триполитании, а также культивирование идеи берберской специфичности и автономии в противовес общенациональной общности.

Немало ученых согласны с тем, что в Ливии – стране с глубоко разделенным обществом – племена могут и вовлекаться в конфликты, и вносить лепту в их мирное разрешение. Среди них ливийский эксперт Мухаммед Аль-Менфи [17], его коллега Мухаммед Бен Лямма [8], Аль-Хамзи Аш-Шадида и Ненси Иззидин из Нидерландского института международных отношений Клингендаля [1] и др. Одни авторы указывают на вклад ряда племен в разрешение конфликтов между вооруженными милициями. Другие полагают, что в критические моменты, в периоды внутренних потрясений племя может брать на себя правовые функции государства, но лишь в отдельных местах и до тех пор, пока не восстановится силовая монополия центральной власти. Аналогичные представления распространены в ливийском обществе, чем и пользуются деятели и политики на различных его этапах – выходцы из тех или иных племен. Они заигрывают с племенами, выступают от их имени для удовлетворения своих амбиций, реализации собственных расчетов и интересов.

Для прекращения конфликтности в Ливии очевидна потребность в вовлечении племен и их фракций в общую ткань общественно-политической жизни, в преодоление расколов, пролеглаших как по отдельным регионам, так и по племенам и даже семьям.

Специалисты предупреждают, что ситуация усугублена также глубокой психологической трав-

мой. Она, по словам ливийско-американского психиатра Омара Реды, ныне является общей скрытой раной всех ливийцев. Страдающие от нее находятся в обоих противостоящих лагерях и в равной степени нуждаются в лечении и реабилитации. Все последние 10 лет, с горечью отмечает эксперт, мы “безвозвратно теряем нашу молодежь”, часть которой одержима идеями экстремизма, порой толкающих к насильственным акциям вплоть до самоубийственных³³.

На повестке дня правящих сил в Ливии стоят задачи восстановить “вертикаль власти” и ее общенациональные институты, в первую очередь единую армию и правоохранительные органы, остановить правовой произвол на местах, обеспечить безопасность, навести мосты для воссоздания единого экономического пространства, установления мира, доверия и согласия граждан на всей территории страны. Без их разрешения страна неизбежно приблизится к порогу *failed state*.

Создание в марте 2021 г. в Ливии Правительства национального единства (ПНЕ) породило надежды на изменение ситуации. ПНЕ образовано на основе договоренностей Форума ливийского политического диалога (ФЛПД), сформированного из семи десятков представителей различных групп и фракций общества при посредничестве ООН. Будучи переходным, оно должно обеспечить проведение общенациональных выборов, назначенных на 24 декабря 2021 г.

³³ Omar Reda. Op-Ed: Out of the shadows – Healing Libya’s Invisible Wounds. *Libya Herald*, February, 12, 2021. Available at: <https://www.libyaherald.com/2021/02/12/op-ed-out-of-the-shadows-healing-libyas-invisible-wounds/> (accessed 30.01.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Al-Hamzeh Al-Shadeedi & Nancy Ezzeddine. *Libyan Tribes in the Shadows of War and Peace*. Research report. Clingendael, Netherlands Institute of International Relations, February 2019. 2 p. Available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2019-02/PB_Tribalism.pdf (accessed 30.01.2021).
2. Myers C.N. Tribalism and Democratic Transition in Libya: Lessons from Iraq. *Global Tides*, 2013, vol. 7, art. 5. Available at: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol7/iss1/5/> (accessed 30.01.2021).
3. Зинин Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране. *Вестник МГИМО-Университета*, 2013, № 2, сс. 38-41. [Zinin Yu.N. The Tribe Structure of the Libyan Society and Its Impact on Political Processes in the Country. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 2, pp. 38-41. (In Russ.)]
4. Varvelli A. *The Role of Tribal Dynamics in the Libyan Future*. Analysis, ISPI (Italian Institute for International Political Studies), May 2013, no. 172, pp. 1-10. Available at: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/analysis_172_2013.pdf (accessed 30.01.2021).
5. Hüsken Th. Tribal Political Culture and the Revolution in the Cyrenaica of Libya. *Orient*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 24-29. Available at: https://www.academia.edu/11717389/Tribal_Political_Culture_and_the_Revolution_in_the_Cyrenaica_of_Libya (accessed 30.01.2021).
6. Jebnoun N. Beyond the Mayhem: Debating Key Dilemmas in Libya’s Statebuilding. *The Journal of North African Studies*, 2015, vol. 20, no. 5, pp. 832-864. DOI: 10.1080/13629387.2015.1068697
7. Марджин Х.С. Аш-шейх ва аль-кабиля фи харб Тарабулус 2019. [Margin H.S. Sheikh and Tribe in Tripoli War of 2019 (The second part). *Minbar libya*, June 14, 2019. (In Arabic)] Available at: <http://www.minbarlibya.org/?p=14856> (accessed 30.01.2021).
8. Ben Lamma M. *The Tribal Structure in Libya: Factor for Fragmentation or Cohesion?* Fondation pour la Recherche Stratégique, September 2017. 58 p. Available at: <https://www.frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-monde-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/14.pdf> (accessed 30.01.2021).

9. Coleh P., Mangan F. *Tribe, Security, Justice, and Peace in Libya Today*. United States Institute of Peace, September 2, 2016. 48 p. Available at: <https://www.usip.org/publications/2016/09/tribe-security-justice-and-peace-libya-today> (accessed 30.01.2021).
10. Muammar al-Gathafi. *The Green Book*. Available at: https://booksafe.net/read/al_gathafi_muammar-the_green_book-193682.html#p9 (accessed 30.01.2021).
11. Ladjal T. Tribe and State in the History of Modern Libya: A Khaldunian Reading of the Development of Libya in the Modern Era 1711–2011. *Journal Cogent Arts & Humanities*, 2016, vol. 3, iss. 1. 13 p. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311983.2016.1183278> (accessed 30.01.2021).
12. Muñoz G. Libye, état des lieux: comment sortir de l'impasse? May 18, 2017. Available at: <https://classe-internationale.com/2017/05/18/libye-etat-des-lieux-comment-sortir-de-limpasse/> (accessed 30.01.2021).
13. Зинин Ю.Н. Ливия: исламский фактор после Каддафи. *Азия и Африка сегодня*, 2019, № 4, сс. 2-8. [Zinin Yu.N. Libya: Islamic Factor after Kaddafi. *Asia and Africa today*, Moscow, 2019, no. 4, pp. 2-8. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S032150750004376-5
14. Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации. *Ежегодник Института международных исследований*, 2015, вып. 3, сс. 56-83. [Krylov A.V., Fedorchenko A.V. The Regional Situation in the Middle East: Current State and Prospects for Development. *Institute for International Studies Yearbook*, Moscow, 2015, issue 3, pp. 56-83. (In Russ.)] Available at: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/96/52> (accessed 30.01.2021). DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-3-56-83
15. Haimzadeh P. How to Make Libya Work after Gathafi. *Le Monde diplomatique*, September 2011. Available at: <https://mondediplo.com/2011/09/01libya> (accessed 30.01.2021).
16. Kechana R., Jouili M. Sondage d'opinion dans l'Ouest de la Libye. *New Libya*, October 19, 2017. Available at: <http://www.newlibya.net/?p=21706&lang=fr> (accessed 30.01.2021).
17. Almenfi M. Op-Ed: In Libya, only one system of law is functioning, and it's not state law. *Libya Herald*, July 13, 2017. Available at: <https://www.libyaherald.com/2017/07/13/op-ed-in-libya-only-one-system-of-law-is-functioning-and-its-not-state-law/> (accessed 30.01.2021).

TRIBAL FACTOR IN LIBYA: METAMORPHOSES AFTER QADDAFI EPOCH (2011–2020)

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 118-129)

Received 02.02.2021.

Yuri N. ZININ (zinin42@mail.ru),

Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies, MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

The overthrow of M. Gaddafi with the assistance of NATO in October 2011 led to the collapse of the vertical of power and institutions of the state and sentenced Libya to a deep systemic crisis. The article examines the peculiarities and role of the tribal factor in the current events in Libya, a country with deeply divided, multi-composite societies (DDS). It is characterized by tribal, regional, racial and ethno-religious diversity. With 90% of its population having tribal roots, the number of tribes passes 140. This diversity has left its mark on the course of events, affected the struggle for power. The author sums up the shifts that have taken place in the tribal segment of society in recent decades. The rush of members of different tribes to the city led to their fragmentation, diminution of their former structure. The bonds of kinship, the spirit of solidarity, the traditional behaviour of the tribesmen have been to different extents eroded. However, the influence of a tribe or genus that play the role of a bonding society remains essential. This was especially evident after the advent of dual power in 2014, the author assumes. The two poles of domination – Tripoli and Tobruk are trying to play this card to their advantage. On the other hand, the security vacuum caused by the fall of the regime spontaneously filled forces, including regional tribal groups. The scholar tracks how various tribal councils and other entities here and there take on the functions of maintaining resilience and order, ending infighting, returning hostages, etc. In doing so, they often turn to the traditional usual right – Urf. The author agrees with a number of Libyan scholars and other foreign researchers that there are now some signs of a breeding tribal identity in Libya. At the same time, this process is multi-directional, as in Libya, a country with a deeply divided society, tribes can both engage in conflicts and contribute to their peaceful denouement. The researcher draws attention to the fact that the relationship between tribalism and Islamists is rather contradictory. The latter use to argue that “Islam is the solution to all problems.” But their entry into the arena of politics in Libya after October 2011 did not prevent the de facto collapse of the country and the growth of sectarian standoff. And that according to the author divides society and plays into the hands of certain political forces. In this atmosphere, tribal polarization and the general alienation of society are at risk of growth. The author analyzes the relations between tribal and national identities in a country where the process of consolidation of the population into a single nation has not yet been completed.

Keywords: Libya, Cyrenaica, Tripolitania, Fezzan, NATO, Kaddafi, Tripoli, Tobruk elite, tribes, security, army, turmoil, oil, disintegration, identities, crisis.

About author:

Yuri N. ZININ, Candidate of History, Senior Researcher, Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-118-129

КОСМИЧЕСКИЙ РЫВОК США: ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

© 2021 г. П. Кошкин

КОШКИН Павел Геннадьевич, кандидат филологических наук,
Институт США и Канады РАН, РФ, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3, (pasha.koshkin@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 16.09.2020.

Статья посвящена космической программе США. Анализируются современные проекты НАСА, в том числе инициативы по изучению Луны, Марса, астероидов, объектов дальней Солнечной системы и коммерциализация космоса; сравниваются бюджеты космических программ Америки и других стран; уделяется внимание научно-технологическому образованию США. Автор приходит к выводам, что Вашингтон инвестирует в космос, вовлекает в эту отрасль частные компании в целях достижения не только конкурентоспособности, но и международного престижа и лидерства, что важно для Соединенных Штатов на фоне ухудшающегося образа страны и ее противостояния с Россией и Китаем.

Ключевые слова: космос, космическая гонка, международные отношения, российско-американские отношения, политология, коммерциализация космоса, НАСА, лунная программа, марсианская программа.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-130-138

США вновь заявляют о себе как о неоспоримом лидере в области освоения космоса в XXI веке. Развитие частных космических компаний – *SpaceX*, *Blue Origin*, *Virgin Galactic* и др.; разработка масштабной лунной программы под названием *Artemis*, а также увеличение финансирования инициатив по освоению Марса; активное изучение астероидов, комет и объектов дальней Солнечной системы; частные проекты по развитию космического туризма и фокус Америки на инновационном развитии в целом; приоритет высшего инженерного, математического и научно-технологического образования, известного под аббревиатурой *STEM* (*Science, Technology, Engineering, Mathematics*), – все это иллюстрирует серьезность намерений США, чтобы оставить позади конкурентов и сделать свою космическую программу самодостаточной и независимой, например, от России, которая до сих пор доставляет американских астронавтов на Международную космическую станцию (МКС) на своих кораблях “Союз” и поставляет двигатели РД-180 для американских ракет-носителей *Atlas V*. Все вышперечисленное в скором времени будет иметь последствия для США и российско-американских отношений.

Теме космоса и истории его освоения посвящено немало академических и экспертно-аналитических работ¹. Однако ни в одной из них не были

¹ См.: Антонов А.И. Международно-правовое регулирование космической деятельности. *Вестник МГИМО-Университета*, 2012, № 4, сс. 190-197; Арбатов А.Г., Бабинцев В.А., Дворкин В.З., Мизин В.И., Ознобищев С.К., Топычканов П.В. *Космос: Оружие, дипломатия, безопасность*: монография. Москва, РОССПЭН, 2009. 176 с.; Байков А.А.,

раскрыты политические, экономические, технологические и геополитические аспекты нового космического рывка США.

В данной статье автор делает попытку проанализировать космическую программу США в современном контексте, а также уделяет внимание многим ее аспектам – от исследования астероидов и дальних объектов Солнечной системы до лунно-марсианской программы, от коммерциализации космоса и космического туризма до специализированного высшего образования *STEM*.

СОПЕРНИЧЕСТВО В XXI В.

В XXI в. космическое соперничество между США и Россией продолжалось. Участвуя в совместных проектах, они при этом обособленно

Богатуров А.Д., Фененко А.В. Российско-американское взаимодействие в космосе: тенденции и результаты формирования международного режима. *Международные процессы*, 2013, № 2, сс. 56-68; Беркман П.А., Вылегжанин А.Н., Юзбашьян М.Р., Модюи Ж.-К. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы. *Московский журнал международного права*, 2018, № 1, сс. 16-34; Ознобищев С.К., Родионов С.Н. *США на пути милитаризации космоса*. Москва, Знание, 1987. 64 с.; Fernholz T. *Rocket Billionaires: Elon Musk, Jeff Bezos, and The New Space Race*. Boston, New York, Hough Mifflin Harcourt, 2018. 304 p.; Hamilton J.C. *The Space Race*. RavenFire Media, Inc., 2019. 234 p.; Hardesty V., Eisman G. *Epic Rivalry: The Inside Story of the Soviet and American Space Race*. Washington, D.C., National Geographic, Reprint Edition, 2008. 304 p.; Byers M. Cold, dark, and dangerous: international cooperation in the arctic and space. *Polar Record*, 2019, vol. 55, no. 1, pp. 32-47; Moltz J.C. The Changing Dynamics of Twenty-First-Century Space Power. *Journal of Strategic Security*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 15-43.

развивали свои космические программы, выделяя на них неравное количество бюджета и расставляя разные приоритеты. Более того, к этому соревнованию подключились Китай, Индия, Япония и страны Европы.

Несмотря на то что США снизили бюджет НАСА — с 1967 по 2020 г. он сократился примерно с 4.5% ВВП до 0.5%, — они по-прежнему оставались и остаются лидерами по объемам финансирования космической программы [1]. Так, в мире на долю США сегодня приходится около 58% инвестиций в проекты по освоению внеземного пространства, при этом они тратят на исследование космоса в 20 раз больше, чем Россия, в 12 раз больше, чем Франция, и в 5 раз больше, чем КНР. В 2020 г. бюджет Соединенных Штатов на различные космические программы составил примерно 48 млрд долл., тогда как Китай потратил на эти цели почти 9 млрд долл., Франция — 4 млрд и Россия — почти 2.5 млрд долл. [2, 3]. По средним показателям за последнее время Америка тратит на космос 18 млрд долл. ежегодно, а РФ — 1.6 млрд долл. [4]. Одна только американская программа космических шаттлов, длившаяся 30 лет, обошлась стране почти в 210 млрд долл., тогда как Россия на фоне экономических трудностей сократила в 2016 г. 10-летний бюджет на космические программы на 30% — с 2 трлн руб. (около 30 млрд долл. по котировкам того времени) до 1.4 трлн (примерно 20 млрд долл.) [5, 6]. Показателен и тот факт, что сегодня США лидируют с отрывом по количеству спутников в космосе — 1308 (49%). Это в 8 раз больше, чем у России, — 167 спутников на земной орбите (6%), и почти в 4 раза больше, чем у Китая, — 356 спутников (13%) [7].

Тем не менее у американцев по-прежнему популярен тезис о том, что Китай и Россия “дышат им в затылок” в попытках модернизировать космические программы. Но если проанализировать развитие космической инициативы США в нынешнем столетии, то становится понятно, что и РФ, и КНР до них далеко. Поэтому заявления о конкурентоспособности оппонентов либо преувеличение, либо намеренное нагнетание ситуации с целью получения дополнительных денег для НАСА, либо мотивирующая риторика в условиях государственного социально-политического кризиса, либо ностальгия по былому геополитическому могуществу, которое было подорвано в XXI в. Примечательно, что нынешний американский президент Джо Байден во время выступления на Мюнхенской конференции по безопасности упомянул о достижениях США в освоении космоса. “Разработанный НАСА планетоход *Perseverance* успешно приземлился на Марсе, — обратился к европейцам Байден 19 февраля 2021 г. — <...> Если наша способность свободно долететь до Марса и обратно ничего больше вам

не говорит, то это значит, что мы можем принять и справиться с любым вызовом на Земле” [8].

Безусловно, в американской истории освоения космоса были и взлеты, и падения — например, крушение шаттлов “Челленджер” в 1986 г. и “Колумбия” в 2003 г. Тем не менее в начале 2000-х годов США в очередной раз заявили о себе как о лидере в освоении космоса.

АСТЕРОИДЫ, КАРЛИКОВЫЕ ПЛАНЕТЫ И ДАЛЬНИЙ КОСМОС

В феврале 2000 г. автоматическая межпланетная станция *NEAR*, название которой переводится как “встреча с околоземным астероидом” (*Near Earth Asteroid Rendezvous*), впервые в истории вышла на орбиту астероида Эрос и начала передавать с него снимки на Землю, став его первым искусственным спутником. Проект был запущен в 1996 г. в рамках программы *Discovery*, а в XXI в. США начали пожирать плоды этого исследования: в феврале 2001 г. *NEAR* приземлилась на поверхности астероида и были сделаны снимки Эроса. В 2006 г. США запустили программу *New Horizons*, ее изначальной целью было изучение карликовой планеты Плутона и его спутников, однако в ходе длившейся 15 лет миссии космический аппарат сближался и с другими небесными телами, в том числе с несколькими астероидами. В сентябре 2007 г. НАСА запустила зонд *Dawn*, который занимался изучением астероида Веста в 2011–2012 гг. на его орбите, а в 2015 г. прибыл на орбиту карликовой планеты Церера.

Ранее американский экс-президент Барак Обама обозначил приоритеты по исследованию астероидов. В ближайшие десятилетия США протестируют космические полеты для глубокого исследования космоса, инициируют первую в истории пилотируемую миссию на астероид, заявил Обама в ходе выступления в Космическом центре им. Дж. Кеннеди 15 апреля 2010 г. “К 2025 г. мы запустим новый космический корабль, предназначенный для дальних полетов, что позволит нам начать первую пилотируемую миссию за пределы Луны, в глубокий космос. То есть мы начнем с того, что отправим астронавтов на астероид впервые в истории человечества”, — сказал Обама [9]. Через шесть месяцев он подписал Акт НАСА от 11 октября 2010 г. о финансировании проектов по исследованию космоса, выделив ведомству в 2011 г. 19 млрд долл. и поручив ему сделать упор на астероидах [10].

Символом триумфа США в изучении движущихся небесных тел можно считать миссию *Deep Impact*, в рамках которой в январе 2005 г. космический аппарат с аналогичным названием запустили в космос, а 4 июля отделившийся от корабля спе-

циальный ударник целенаправленно столкнулся с кометой Тампеля-1, в результате чего были сделаны кадры со вспышкой, а ученым удалось лучше понять состав комет. Миссия продлилась почти девять лет, так что в ноябре 2010 г. аппарат прошел мимо ядра кометы 103P/Хартли на расстоянии 700 км, сделав фотографии шлейфов из пыли, выбрасываемой из внутренней полости кометы. В феврале 2011 г. другой зонд *Stardust*, запущенный в космос в 1999 г. и доставивший на Землю первые образцы кометной пыли в январе 2006 г., сделал снимки Тампеля-1. Одна из фотографий зафиксировала кратер, возникший после столкновения ударника *Deep Impact* с кометой².

Сегодня американцы уделяют внимание не только астероидам, но и другим объектам дальнего космоса, используя достаточно инновационные подходы. Например, в августе 2003 г. НАСА вывело на орбиту Земли космический инфракрасный телескоп (*Spitzer Space Telescope*), который стал одним из крупнейших в мире приборов, способных исследовать слабосветящиеся вещества Вселенной, в том числе остывшие звезды и планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы, а также молекулярные облака³. Основная задача данного телескопа была выполнена в 2009 г., но окончательно он закончил свою работу в 2020 г. За это время с его помощью были открыты экзопланеты и древние звезды. Среди других проектов, направленных на изучение дальнего космоса, можно выделить автоматическую межпланетную станцию *Cassini-Huygens*, разработанную НАСА вместе с Европейским космическим агентством и Итальянским космическим агентством для изучения Сатурна. Ее запустили еще в 1997 г., но проработала она в космосе почти 20 лет, вышла на орбиту Сатурна в июле 2004 г. и сошла с нее в сентябре 2017 г., войдя в атмосферу данной планеты. Станция пролетела вокруг спутников Сатурна примерно 162 раза, было сделано более 450 тыс. снимков и опубликовано почти 4 тыс. научных работ. Не стоит забывать и о программе *Voyager*, которая до сих пор активна: она исследует Сатурн, Юпитер, Уран и Нептун. Однако одним из самых крупномасштабных и инновационных проектов НАСА по изучению дальнего космоса стал телескоп *Kepler*, запущенный на земную орбиту в 2009 г. и завершивший свою миссию в 2018 г. Оснащенный гиперчувствительным фотометром и цифровыми камерами, он исследовал планеты и звезды Млечного Пути за пределами Солнечной системы. Одна из целей миссии — найти планету в нашей галактике, похожую на Землю.

² См.: *Nasa.gov*. Available at: <https://www.jpl.nasa.gov/missions/deep-impact> (accessed 04.03.2021); <https://solarsystem.nasa.gov/missions/stardust/in-depth/> (accessed 04.03.2021).

³ *Nasa.gov*. Available at: https://www.jpl.nasa.gov/news/press_kits/spitzer/quick-facts/ (accessed 04.03.2021).

В результате почти 10-летней работы *Kepler* открыл более 2.5 тыс. новых экзопланет, изучил более полумиллиона звезд, зафиксировав вспышку сверхновой. Ему на смену пришел телескоп для поиска планет за пределами Солнечной системы *TESS* (*Transiting Exoplanet Survey Satellite*)⁴.

Таким образом, почти все открытия о дальнем космосе были сделаны американцами, но это стоило больших денег и усилий. На программы по исследованию дальнего космоса, астероидов и карликовых планет потрачено около 9 млрд долл., в том числе на *NEAR* — 224 млн, *New Horizons* — 780 млн, *Cassini-Huygens* — 3.9 млрд, *Dawn* — 500 млн, *Deep Impact* — 330 млн, *Spitzer* — 1.36 млрд (за всю миссию вместе с запуском), *Voyager* — 865 млн (за всю миссию), *Kepler* — от 550 до 600 млн, на *TESS* — около 287 млн долл.⁵ Все это в 4 раза больше, чем бюджет российской космической программы за 2020 г.

ЛУННАЯ ПРОГРАММА

Лунная программа американцев продемонстрировала успехи в XX в., и эта инициатива была продолжена в XXI в. Первым президентом, заговорившим о возвращении американцев на Луну, стал Джордж Буш мл. На фоне достижений Китая, который запустил на земную орбиту автоматический космический корабль “Шэньчжоу” в 2003 г. и впоследствии осуществил первый пилотируемый полет в космос, в январе 2004 г. Дж. Буш инициировал программу “Созвездие” (*Constellation*), которая включала в себя пилотируемые полеты на Луну. “Возвращение на Луну — это важный шаг для реализации нашей космической программы”, — заявил Буш 14 января 2004 г. в штаб-квартире НАСА

⁴ См.: *Nasa.gov*. Available at: <https://www.jpl.nasa.gov/missions/cassini-huygens> (accessed 04.03.2021); <https://www.nasa.gov/press-release/nasa-retires-kepler-space-telescope-passes-planet-hunting-torch> (accessed 04.03.2021).

⁵ См.: *Nasa.gov*. Available at: <https://solarsystem.nasa.gov/missions/cassini/mission/quick-facts/>; <https://solarsystem.nasa.gov/missions/dawn/mission/toolkit/quick-facts/> (accessed 12.03.2021); https://www.jpl.nasa.gov/news/press_kits/spitzer/quick-facts/ (accessed 12.03.2021); <https://voyager.jpl.nasa.gov/frequently-asked-questions/fact-sheet/>; <https://solarsystem.nasa.gov/missions/near-shoemaker/in-depth/> (accessed 12.03.2021); *NEAR*. Available at: <http://near.jhuapl.edu/intro/faq.html> (accessed 12.03.2021); *Cost of New Horizons*. Available at: <https://www.planetary.org/space-policy/cost-of-new-horizons> (accessed 12.03.2021); *Deep Impact hits comet*. *CNN*, 04.07.2005. Available at: <http://www.cnn.com/2005/TECH/space/07/04/deep.impact/index.html> (accessed 12.03.2021); Whitwam R. NASA saved the Kepler space telescope from a critical error last month. *Space.com*, 05.05.2016. Available at: <https://www.extremetech.com/extreme/227920-nasa-saved-the-kepler-space-telescope-from-a-critical-error-last-month> (accessed 12.03.2021); Wall M. NASA’s TESS Planet-Hunting Space Telescope Completes Its Primary Mission. *Scientific American*, 12.08.2020. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/nasa-s-tess-planet-hunting-space-telescope-completes-its-primary-mission/> (accessed 12.03.2021).

в Вашингтоне [11]. Но демократ Обама сократил лунную программу республиканца Буша в 2010 г., посчитав ее слишком затратной и запоздалой, больше сосредоточившись на других инициативах, таких как исследование астероидов и Марса, а также на насущных проблемах на Земле, например защите окружающей среды. Обама сказал, что США уже были на Луне во времена холодной войны и сегодня надо исследовать другие космические объекты [9].

Тем не менее с приходом к власти в 2017 г. республиканца Дональда Трампа возродился интерес США к Луне. В марте 2019 г. администрация Трампа запустила проект под названием *Artemis*, конечная цель которого состояла в том, чтобы отправить “первую женщину и очередного мужчину” на Луну на корабле “Орион” к 2024 г. Кроме того, при участии частных компаний создать на орбите спутника Земли небольшую космическую станцию (*Lunar Orbital Platform-Gateway*) и сконструировать аппараты для посадки на лунную поверхность [12]. Естественно, все это предпринималось Трампом, чтобы в очередной раз доказать свой главный тезис, который он выдвигал в ходе избирательной кампании в 2015–2016 гг., — “Сделать Америку великой снова”. Ведь участие женщины в подобного рода миссиях будет говорить о национальном триумфе, как это было во времена советско-американской космической гонки: тогда полет В. Терешковой в космос озадачил американцев, так что они начали вовлекать женщин-астронавтов в полеты шаттлов на МКС. Однако пока неясно, как будет реализована *Artemis*, так как Трамп проиграл выборы 2020 г. и новым президентом стал демократ Джо Байден, бывший вице-президент при Обаме, сократившем лунную инициативу. Во всяком случае, пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки заявила в феврале 2021 г., что *Artemis* получила широкую поддержку в двух палатах Конгресса [13]. При этом лунная инициатива США не ограничивается *Artemis*. Еще при Обаме в 2009 г. НАСА запустила “космический аппарат для наблюдения и зондирования лунных кратеров” (*Lunar Crater Observation and Sensing Satellite, LCROSS*), который в ноябре того же года обнаружил “значительное количество” льда в одном из кратеров Луны на южном полюсе. Более того, осенью 2013 г. НАСА инициировала программу исследования лунной атмосферы и пылевого окружения: тогда был запущен специальный аппарат *LADEE (Lunar Atmosphere and Dust Environment Explorer)*, затем он вышел на лунную орбиту, проработав там до 2014 г.⁶

Лунная программа США очень дорогая, и Россия здесь находится не в выигрышном по-

ложении. На *Artemis* планируют потратить до 30 млрд долл. [14]. Это далеко до бюджета лунной программы США времен холодной войны, стоившей 25.4 млрд, или 152 млрд долл. в современном эквиваленте [15], но сегодня предполагаемые траты Америки на освоение Луны могут в 12 раз превысить бюджет “Роскосмоса” за прошлый год.

МАРСИАНСКАЯ ПРОГРАММА

Если взгляды некоторых демократов и республиканцев разнятся относительно лунной инициативы, то марсианская программа не вызывает разногласий: как Буш с Трампом, так и Обама с Байденом давали понять, что исследование и колонизация Красной планеты являются одним из государственных приоритетов. Лунная программа рассматривается ими как необходимая ступень марсианской инициативы, то есть это один из первых шагов в освоении Марса [8, 9, 11, 16]. Примечательно, что Байден бравировал космическими достижениями американцев после того, как планетоход *Perseverance* осуществил успешную посадку на Марс в феврале 2021 г.

Цель этой инициативы — глубже исследовать образцы грунта, ландшафта и скальных горных пород Марса, а также в конечном итоге попытаться найти там следы жизни и понять, может ли атмосфера Красной планеты измениться так, что она будет пригодна для жизни. Миссия *Perseverance* была инициирована еще при Обаме в 2012 г., а в июле 2020 г. — уже при Трампе — планетоход отправили на Марс. В этом смысле в марсианской программе НАСА наблюдается межпартийная преемственность — начал ее президент-демократ, запустил президент-республиканец, продолжает снова президент-демократ.

Одновременно с США — еще в июле 2021 г. — Объединенные Арабские Эмираты и Китай запустили космические аппараты “Надежда” и “Таньвэнь-1”, вышедшие на орбиту Марса раньше, чем *Perseverance*, — 9 и 10 февраля соответственно. Все это говорит о том, что космическая гонка продолжается и в нее вовлекается все большее число игроков. Но США лидируют, так как у них самая инновационная программа. *Perseverance* оснащен современными технологиями: у него 23 высокоточных камеры, усовершенствованная навигационная система с панорамной и стереоскопической съемкой, а также беспилотный летательный аппарат *Mars Helicopter* для детальной съемки на местности. Он сможет исследовать горные породы и почву Марса, которые могли содержать признаки жизни и сформироваться еще в те времена, когда на Красной планете была вода. Неслучайно этот марсоход называют роботом-астробиологом [17]. Более того, *Curiosity*, предшественник *Perseverance*, запущенный при Обаме в 2011 г., до сих пор активен и де-

⁶ *Nasa.gov*. Available at: <https://www.nasa.gov/ames/lcross> (accessed 04.03.2021).

монстрирует эффективность с 2012 по 2021 г. Он уже преодолел около 24 км на Марсе, пробурил поверхность этой планеты 26 раз, предоставив ученым данные о ее ландшафте⁷.

Таким образом, современные участники гонки за Марс отстают от США на десятилетия. Подобного рода американский инновационный подход не просто случайность, а результат длительных исследований и денежных вложений. Марсианская программа была запущена в годы холодной войны и все это время постоянно совершенствовалась: такие проекты, как *Mariner* и *Viking* в 1960–1970-х годах, *Mars Exploration Program (MEP)* и *Mars Pathfinder* в 1990-х, *Curiosity* в 2011–2021 гг., закладывали основы для современной американской марсианской программы. Не стоит забывать о роверах-близнецах *Spirit* и *Opportunity*, запущенных в 2003 г., проработавших до 2011 и 2019 г. соответственно и обнаруживших доказательства существования воды на Марсе. Таких же успехов добилась межпланетная станция *Phoenix Mars Lander* в 2007–2008 гг.: был найден лед на Марсе, сделано много кадров. Можно с уверенностью сказать, что почти все знания о Красной планете получены в результате американской программы. На исследование Марса в XXI в. США потратили более 7 млрд долл.: на роверы *Spirit* и *Opportunity* – 1.2 млрд, на *Curiosity* – 3.2 млрд, на *Perseverance* – пока 2.9 млрд. В целом расходы НАСА на марсианские миссии превышают 16 млрд долл. [18]. “Роскосмос” со своим бюджетом в 2.5 млрд долл. в 2020 г. выглядит менее убедительно.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ КОСМОСА, КОСМИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ

С самого начала существования космической программы Вашингтон привлекал к участию в ней частный бизнес. Так, в 1961 г. на лунной программе “Аполлон” заработали частные подрядчики, в том числе и компания *Boeing*, один из создателей ракеты “Сатурн-5”, отправившей астронавтов на Луну. Ракета стоила 185 млн долл. (примерно 1.3 млрд в современном эквиваленте). Телекоммуникационная компания *Motorola* получила от НАСА 15.5 млн долл. (примерно 108.5 млн на сегодняшний день) за разработку спутниковой системы передачи данных “Аполлона”. Именно транспондер, произведенный *Motorola*, передал в июле 1969 г. слова астронавта Нила Армстронга на Землю. Компания *Honeywell*, американский производитель электроники, разработал для НАСА системы стабилизации и управления за 141 млн долл. (почти 1 млрд по нынешним ценам) [15].

В дальнейшем частный бизнес был также важной частью американской космической программы, например при президентстве Рональда Рейгана, который был сторонником свободной рыночной экономики и поэтому активнее пытался привлечь бизнес в космические проекты. В 1984 г. именно по его инициативе был создан Отдел космических коммерческих перевозок (*Office of Commercial Space Transportation*) в рамках принятого в том же году закона о коммерческих космических запусках. Это было подразделение офиса министра транспорта, которое занималось регулированием запусков ракет частными компаниями, но в 1995 г. эти полномочия были переданы Федеральному управлению гражданской авиации США⁸.

Однако событие, подтолкнувшее Америку встать на путь более масштабной коммерциализации космоса, произошло 28 апреля 2001 г. Тогда американский миллиардер Деннис Энтони Тито стал первым космическим туристом: он провел почти неделю на МКС. Тито отправился в космос с Байконура на российских “Союзах”, заплатив “Роскосмосу” 20 млн долл. Программа космических шаттлов на тот момент была активна, но НАСА отказалось транспортировать его на МКС: во-первых, Тито не был профессиональным астронавтом; во-вторых, ему тогда было 60 лет и в случае его гибели ответственность взяло бы на себя НАСА; в-третьих, у США уже был трагичный опыт транспортировки гражданских лиц в космос⁹ [19]. Но Россия решилась на это. Один из важных аспектов в данном событии – тот факт, что посредником между российской стороной и Тито стала частная космическая компания США *Space Adventures*, основанная еще в 1998 г. Именно успешная подготовка Тито и его полет в космос на корабле “Союз” подтолкнули НАСА на поддержку частных космических компаний, вдохновив ряд американских и британских предпринимателей, в том числе Ричарда Брэнсона, Джеффа Безоса и Илона Маска, на создание *Virgin Galactic*, *Blue Origin* и *SpaceX* в 2000-х годах. После Тито в космос полетели другие туристы – американцы, южноафриканцы и канадцы. За 2001–2011 гг. на МКС побывали семь человек¹⁰, один из них – разработчик про-

⁷ *Nasa.gov*. Available at: <https://mars.nasa.gov/mars2020/> (accessed 05.03.2021); <https://solarsystem.nasa.gov/missions/curiosity-msl/in-depth/> (accessed 05.03.2021).

⁸ См.: *Federal Aviation Administration*. Available at: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/ (accessed 05.03.2021); Wall M. Presidential Visions for Space Exploration: From Ike to Biden. *Space.com*, 20.01.2021. Available at: <https://www.space.com/11751-nasa-american-presidential-visions-space-exploration/2.html> (accessed 05.03.2021).

⁹ На борту “Челленджера”, взорвавшегося в 1986 г., была американская учительница Кристина Маколифф, получившая право проводить уроки для детей из космоса за свои профессионально-педагогические достижения. Это и стало причиной, почему общественность уделяла этой трагедии пристальное внимание.

¹⁰ Помимо Денниса Тито, в космосе побывали южноафриканский предприниматель Марк Шаттлворт, американский ученый и инженер Грегори Олсен, американская

граммного обеспечения (*Microsoft Excel, Multiplan* и *Word*) Чарльз Симони – побывал в космосе дважды. Во всех случаях – всего было восемь полетов на МКС – космические туристы тренировались в Звездном городке и отправлялись на “Союзах” через посредничество *Space Adventures*.

После 2011 г. американская программа шаттлов устарела, и НАСА выкупило места на “Союзах” для астронавтов, поэтому с этого времени космические туристы больше не летали на МКС, но частные компании взяли инициативу в свои руки. В мае 2012 г. *SpaceX* объявила о начале запуска программы *Dragon C2+*, целью которой была доставка топлива и продовольствия на МКС при помощи космических кораблей. Данная инициатива не казалась американцам невероятной, так как *SpaceX* продемонстрировала успехи еще в декабре 2010 г.: тогда компания отправила на земную орбиту космический корабль, который успешно вернулся на Землю. *SpaceX* стала первой негосударственной компанией, осуществившей подобного рода миссию. Показателем и тот факт, что космический телескоп *TESS*, пришедший на смену *Kepler* в апреле 2018 г., был запущен ракетой-носителем *Falcon-9*, разработанной *SpaceX*. В мае 2020 г. основатель *SpaceX* Илон Маск впервые провел успешный запуск пилотируемого корабля *Crew Dragon* на МКС. Для США это стало очередным экономическим, технологическим и политическим успехом. Впоследствии представители НАСА дали понять, что могут отказаться от “Союзов” в связи с успешными попытками “коммерциализировать” космос. Кроме того, частные космические компании помогут Соединенным Штатам избавиться и от другой зависимости: на данный момент американцы используют российские двигатели РД-180 для производства ракет-носителей *Atlas V*, но Маск заявлял, что работает над двигателем *Raptor*, который заменит РД-180 [20, 21].

Тот факт, что все космические туристы тренировались в России и отправлялись в космос на “Союзах”, частично объясняет, почему частные инициативы получают поддержку НАСА. После 2015 г. было выделено 120 млн долл. на тендеры частным подрядчикам, в сентябре 2019 г. финансирование получили 14 американских компаний (от *SpaceX, Blue Origin* до *Astrobotic*) в размере 43 млн долл. для разработки технологий и комплектующих космических кораблей, которые будут использоваться для реализации лунной и марсианской программ. НАСА уже не первый год развивает программу *CCP*

(*Commercial Crew Program*), цель которой – финансирование частных космических пилотируемых кораблей для доставки астронавтов на МКС. Собственно, *Crew Dragon* и стал участником этой инициативы. С 2014 г. НАСА выделило *SpaceX* более 3 млрд долл., а *Boeing* – почти 5 млрд долл. для производства и тестирования пилотируемых космических кораблей, способных регулярно доставлять астронавтов на МКС. Сегодня НАСА и *Boeing* ведут работу по подготовке *Starliner*, конкурента *Crew Dragon*, для запуска на МКС [22]. Подобное сотрудничество между государством и частными предприятиями нельзя назвать стопроцентной частной инициативой: все-таки без поддержки государства многие проекты Маска остались бы только на бумаге. Как отметил глава “Роскосмоса” Дмитрий Рогозин, после запуска *Crew Dragon* компания Маска “безвозмездно получила в свое распоряжение не только построенный государством космодром, оплаченный НАСА научно-технический задел и лучшие инженерные кадры, но и бюджетные средства на создание своего корабля” [23].

Именно зависимость от России и стремление утвердить свое лидерство практически во всех сферах освоения космоса заставляют американцев больше инвестировать в частную космонавтику. Их намерение стать более самодостаточной космической державой – одно из проявлений современной космической гонки. И США, несомненно, лидируют, причем с большим отрывом, о чем свидетельствуют наличие достаточного количества частных космических компаний, их успехи и вовлеченность в проекты НАСА. Сегодня в стране насчитывается минимум пять предприятий, способных осуществлять коммерческие перевозки туристов в космос. Среди них – *Boeing, SpaceX, Blue Origin, Virgin Galactic, Orion Span*. При этом *Blue Origin* и *Virgin Galactic* специализируются на суборбитальных полетах (100 км от поверхности Земли), в то время как *Boeing* и *SpaceX* планируют осуществлять орбитальные полеты (на высоте 400 км) на МКС. В коммерческой космонавтике будут задействованы и компании-посредники, такие как *Space Adventures, Axiom Space* и *Virgin Galactic* [24, 25]. Если говорить про экономику коммерческой космонавтики, то она выглядит прибыльной. Цифры говорят сами за себя: *Virgin Galactic* к сентябрю 2020 г. продала около 600 билетов за 200–250 тыс. долл. каждый. По оценкам банка *UBS*, объем рынка космического туризма, в том числе услуг по суборбитальным и орбитальным полетам, может составить 3 млрд долл. к 2030 г.

Таким образом, все вышеперечисленные компании – как производители космических кораблей, так и посредники – являются главными участниками не только внутренней космической гонки в борьбе за финансирование от НАСА, но и внеш-

женщина-предприниматель иранского происхождения Ануше Ансари, программный архитектор Чарльз Симони, программист Ричард Гэрриот и основатель Цирка дю Солей Ги Лалиберте. См.: The First Space Tourists. *Space.com*, 25.04.2011. Available at: <https://www.space.com/11479-photos-space-tourists-pioneers-spaceflights.html> (accessed 06.03.2021).

ней, поскольку демонстрируют экономическую, технологическую, инновационную мощь Америки. На данном этапе идет конкуренция не только технологическая, но также информационная: каждая из компаний активно борется за клиентов – новых космических туристов. Неудивительно, что амбиции игроков этого рынка растут, а их публичные заявления как будто ставят цель оказать психологическое давление на соперников. Так, в феврале 2021 г. Илон Маск заявил, что собирается в этом году отправить в космос экипаж, полностью состоявший из четырех гражданских лиц, чего в истории мировой космонавтики еще не было [26].

* * *

Следует отметить, что Соединенные Штаты очень много инвестируют не только в технологические ресурсы, но и в человеческие. Так, высшее инженерное, математическое и научно-технологическое образование *STEM* является образцом качества. Лидирующие позиции в мире в этой области из года в год занимают Массачусетский технологический институт, Стэнфорд, Университет Калифорнии в Беркли и Гарвард. Они, как правило, входят в пятерку лидеров [27]. Кроме того, в Америке благоприятная среда для научной деятельности и отличная правовая база по защите интеллектуальной собственности, поэтому сюда стекаются таланты со всего мира. Например, в 2018 г. более 53% патентов (из почти 308 тыс.), зарегистрированных в США, оформлены иностранцами. Они и создают конкурентоспособность американских технологий, в том числе и космических [28]. Сам Илон Маск, основатель *SpaceX*, является выходцем из Южной Африки, получившим американское гражданство в 2002 г. [29].

Таким образом, успех космической программы США обусловлен не только богатым историческим и технологическим наследием НАСА, большими финансовыми вложениями государства, поддержанием частной инициативы и коммерциализацией космоса в целом, но также и огромными инвестициями в высшее научно-технологическое образование. Преемственность или непрерывность – важная характеристика американской космонавтики, обеспечивающая ей успех. Так, вслед за *Kepler* в космос полетел *TESS*, а после успехов лунной программы в XX в. американцы запускают *Artemis* в XXI. Марсианская программа началась во времена холодной войны, но продолжается и сегодня. Вслед за роверами *Spirit* и *Opportunity* на Марс летят *Curiosity*, а потом и *Perseverance*, США используют уже имеющееся наследие предше-

ственников для производства нового. Американская космическая программа отличается конкретной стратегией, и президенты страны понимали, чего они хотят добиться в ближайшие десятилетия, поэтому соизмеряли кратко- и долгосрочные цели и задачи.

Пока ни Россия, ни Китай, ни любые другие государства не могут предложить таких условий, как Америка, поэтому в ближайшей перспективе они обречены на отставание от последней. Можно лишь сократить этот разрыв путем наращивания партнерских проектов с другими странами, но США и здесь опередили конкурентов, так как являются более привлекательным международным партнером для ряда европейских и азиатских стран, чем Китай и Россия.

Несмотря на политические разногласия, американские президенты проявляют последовательность относительно космической программы страны. “Вы не можете быть номер один на Земле, если вы номер два в космосе”, – утверждал Трамп в 2020 г. [16]. Лунная программа “продемонстрирует миру американские ценности”, заявляла в феврале 2021 г. пресс-секретарь в администрации Байдена Дж. Псаки [13]. “Благодаря американской изобретательности, нет ничего невозможного”, – подчеркнул Байден в *Twitter* после приземления *Perseverance* на Марсе, при этом дал понять, что США через реализацию космической программы восстанавливают геополитический престиж и образ мирового лидера.

Таким образом, американские “космические” успехи становятся серьезным вызовом как для России, так и для мира в целом. Во-первых, в ближайшем будущем американцы могут перестать пользоваться услугами “Роскосмоса” или ограничить их, например, путем отказа от использования “Союзов”. Во-вторых, сотрудничество на МКС может приостановиться или сократиться, если Соединенные Штаты посчитают свою космическую отрасль достаточно самодостаточной и независимой от других внешних игроков. В-третьих, американский космический рывок может обострить уже имеющееся соревнование в космосе, в котором преимущества будут на стороне США.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Markovich S.J., Chatzky A., Siripurapu A. Space Exploration and U.S. Competitiveness. *Council on Foreign Relations*, 23.02.2021. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/space-exploration-and-us-competitiveness> (accessed 03.03.2021).
2. Euroconsult's flagship research shows government space program budgets have maintained growth trajectories. *Geospatial World*, 15.12.2020. Available at: <https://www.geospatialworld.net/news/euroconsults-flagship-research-shows-government-space-program-budgets-have-maintained-growth-trajectories/> (accessed 03.03.2021).
3. Berger E. Russia's space leader blusters about Mars in the face of stiff budget cuts. *Arstechnica*, 10.08.2020. Available at: <https://arstechnica.com/science/2020/08/russias-space-leader-blusters-about-mars-in-the-face-of-stiff-budget-cuts/> (accessed 03.03.2021).
4. Vidal F. *Russia's Space Policy: The Path of Decline?* French Institute of International Relations. January 2021. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/vidal_russia_space_policy_2021_.pdf (accessed 03.03.2021).
5. Malik T. NASA's Space Shuttle by the Numbers: 30 Years of a Spaceflight Icon. *Scientific American*, 21.07.2011. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/nasas-space-shuttle-numbers/> (accessed 03.03.2021).
6. Russia slashes space funding by 30 percent as crisis weighs. *Reuters*, 17.03.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-russia-space-idUSKCN0WJ1YJ> (accessed 03.03.2021).
7. Buchholz K. The Countries with the Most Satellites in Space. *Statista*, 14.07.2020. Available at: <https://www.statista.com/chart/17107/countries-with-the-most-satellites-in-space/> (accessed 03.03.2021).
8. *Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference*. White House. February 19, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (accessed 03.03.2021).
9. *Remarks by the President on Space Exploration in the 21st Century*. White House. April 15, 2010. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-space-exploration-21st-century> (accessed 04.03.2021).
10. Malik T. President Obama Signs New Vision for U.S. Space Exploration into Law. *Space.com*, 11.10.2010. Available at: <https://www.space.com/9305-president-obama-signs-vision-space-exploration-law.html> (accessed 04.03.2021).
11. President Bush Delivers Remarks on U.S. Space Policy. *NASA Facts*, January 14, 2004. Available at: https://www.nasa.gov/pdf/54868main_bush_trans.pdf (accessed 04.03.2021).
12. Mann A. NASA's Artemis Program. *Space.com*, 03.07.2019. Available at: <https://www.space.com/artemis-program.html> (accessed 04.03.2021).
13. Rincon P. Artemis: Biden administration backs US Moon shot. *BBC News*, 05.02.2021. Available at: <https://www.bbc.com/news/science-environment-55949250> (accessed 04.03.2021).
14. Bartels M. NASA Chief Says Returning Astronauts to the Moon Could Cost \$30 Billion. *Space.com*, 14.06.2019. Available at: <https://www.space.com/nasa-moon-2024-return-cost-revealed.html> (accessed 04.03.2021).
15. Knapp A. Apollo 11's 50th Anniversary. *Forbes*, 20.07.2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/alexknapp/2019/07/20/apollo-11-facts-figures-business/> (accessed 04.03.2021).
16. Donald Trump Speech Transcript at Kennedy Space Center After SpaceX NASA Launch. *Rev.com*, 30.05.2020. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-transcript-at-kennedy-space-center-after-spacex-nasa-launch> (accessed 05.03.2021).
17. Billings L. Perseverance Has Landed! Mars Rover Begins a New Era of Exploration. *Scientific American*, 18.02.2021. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/perseverance-has-landed-mars-rover-begins-a-new-era-of-exploration/> (accessed 05.03.2021).
18. McCarthy N. Chart: This is how much each of NASA's Mars missions have cost. *World Economic Forum*, February 26, 2021. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/mars-nasa-space-exploration-cost-perseverance-viking-curiosity> (accessed 05.03.2021).
19. Wall M. Space Tourism Pioneer: Q & A with Private Spaceflyer Dennis Tito. *Space.com*, 27.04.2011. Available at: <https://www.space.com/11493-space-tourist-flight-dennis-tito-qanda.html> (accessed 05.03.2021).
20. Carter J. Despite SpaceX Success NASA Will Pay Russia \$90 Million to Take U.S. Astronaut to the ISS. *Forbes*, 03.06.2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jamiecartereurope/2020/06/03/despite-spacex-success-nasa-will-pay-russia-90-million-to-take-us-astronaut-to-the-iss/> (accessed 06.03.2021).
21. Bodner M. Can SpaceX and Blue Origin best a decades-old Russian rocket engine design? *MIT Technology Review*, 26.06.2019. Available at: <https://www.technologyreview.com/2019/06/26/134490/spacex-blue-origin-russian-rd180-rocket-engine-design/> (accessed 06.03.2021).
22. Sheetz M. How NASA is evolving through partnerships with private space companies. *CNBC*, 30.11.2019. Available at: <https://www.cnn.com/2019/11/30/how-nasa-is-evolving-through-partnerships-with-private-space-companies.html> (accessed 07.03.2021).
23. Рогозин Д. “Это их война, а не наша”: Дмитрий Рогозин ответил на запуск Crew Dragon Илона Маска. *Forbes*, 08.06.2020. [Rogozin D. “This war is theirs – not ours”: Dmitry Rogozin on Elon Musk's Crew Dragon launch. *Forbes*, 08.06.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/402477-eto-ih-voyna-ne-nasha-dmitriy-rogozin-otvetil-na-zapusk-crew-dragon-ilona-mask> (accessed 15.02.2021).

24. Sheetz M. How SpaceX, Virgin Galactic, Blue Origin and others compete in the growing space tourism market. *CNBC*, 26.09.2020. Available at: <https://www.cnbc.com/2020/09/26/space-tourism-how-spacex-virgin-galactic-blue-origin-axiom-compete.html> (accessed 07.03.2021).
25. 5 Space Tourism Companies That Will Make You an Astronaut. *Revfine.com*. Available at: <https://www.revfine.com/space-tourism/> (accessed 07.03.2021).
26. Chow D. SpaceX announces first mission to space with all-civilian crew. *NBC News*, 02.02.2021. Available at: <https://www.nbcnews.com/science/space/spacex-announces-first-mission-space-all-civilian-crew-n1256390> (accessed 09.03.2021).
27. STEM degrés: Top 5 universities in the world according to latest QS rankings. *Study International*, 06.03.2020. Available at: <https://www.studyinternational.com/news/top-universities-stem-2020/> (accessed 09.03.2021).
28. Does the US need to step up its efforts in STEM education? *Study International*, 03.01.2020. Available at: <https://www.studyinternational.com/news/stem-education/> (accessed 09.03.2021).
29. Junod T. Elon Musk: Triumph of His Will. *Esquire*, 15.11.2012. Available at: <https://www.esquire.com/news-politics/a16681/elon-musk-interview-1212/> (accessed 09.03.2021).

OUTER SPACE BREAKTHROUGH OF THE U.S. AND ITS IMPACT ON RUSSIA AND THE WORLD

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 130-138)

Received 16.09.2020.

Pavel G. KOSHKIN (pasha.koshkin@gmail.com),

Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3, Khlebnyi Per., Moscow, 121069, Russia Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The article is dedicated to the United States' achievements in space rivalry, its economic, geopolitical, scientific and technological aspects. Given the fact that the U.S. are faced with a difficult period in their history, they will try to restore the positive image of American democracy not only through traditional political methods, but also via scientific and technological leadership, including in the field of outer space exploration. The author focuses on NASA's modern space programs, among which are initiatives that deal with landing on asteroids, exploring deep space, the Moon and Mars as well as attempts to commercialize outer space through space tourism. The author also compares the space program budgets of the U.S., Russia, China and some European countries. The article presents all these aspects in the current context, with paying attention to the STEM education (Science, Technology, Engineering, Mathematics). The goal is to understand why America still leads in space exploration and sets the bar. In conclusion, the author argues that Washington will keep prioritizing space industry and involve private companies in this field through allocating additional funding and granting tenders to those who are most competitive. In addition, achievements in the U.S. space program is a matter of international prestige and American leadership, given the fact that the image of the country has suffered a lot, especially amidst Trump's bygone, yet controversial presidency. A successful implementation of Washington's ambitions in outer space will strengthen both its leadership and its ties with Europe, which is strategically important for America in the times of political confrontation with Russia and China. In the article, the author primarily relies on descriptive and narrative scientific approaches, comparative and historical methods as well as systematic approach by analyzing NASA documents and publications, speeches of the U.S. presidents and specialized media outlets. The novelty of the article adds up to the fundamental analysis of the American space program through the lens of history and current times while focusing on its political, economic and technological aspects.

Keywords: outer space, space race, international relations, Russian-American relations, political science, commercialization of space, NASA, Lunar program, Martian program.

About author:

Pavel G. KOSHKIN, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-130-138

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

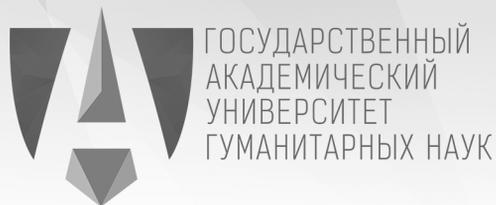
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

